

ЯНВАРЬ
2000
ФЕВРАЛЬ

1-2

литературно-художественный
и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

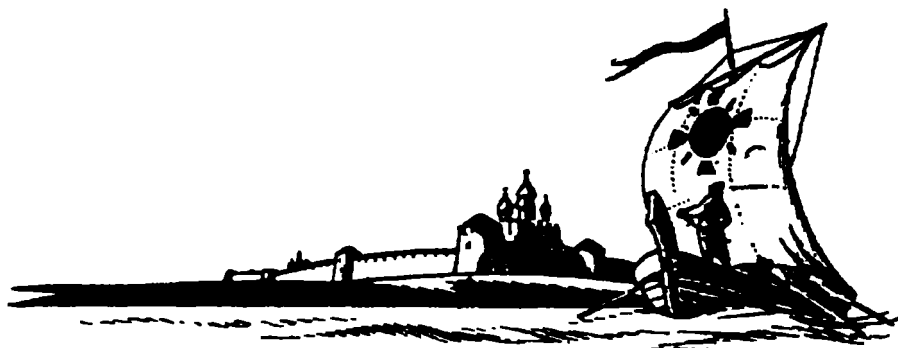
В номере:

Андрян ГРИГОРЬЕВ.
«Ступени». Лирика.

Иван ХМАРСКИЙ.
«Светлана». Повесть.

Олег ЖУРИН.
Семь историй о любви.

К 55-летию Победы:
Евгений ЛАРИН.
«Снова в строй».
Поэма.

ЧЕРЕМШАН

январь-февраль

2000

Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России

В НОМЕРЕ:

Елена Козлова. Стихи	3
Иван Хмарский. «Светлана».	
Повесть. Журнальный вариант. Окончание.	6
Гости «Черемшана». Андриян Григорьев (Новая Малыкла).	
Стихи.	47
Дебют. Олег Журин. Семь историй о любви.	56
Дебют. Андрей Вихарев. Стихи.	78
Гакыл Сагиров. Два рассказа.	84
Дебют. Виктор Сысуев. Поэтические переводы.	94
Иван Лебедев. «Таверна «Лысая гора». Рассказ.	100
В гостях у «Черемшана». Лидолия Никитина (Ульяновск).	
Эссе.	106
К 55-летию Победы. Евгений Ларин. «Снова в строй».	
Поэма.	115
Память. «Крестьянский поэт Спиридон Денисов».	147
Фотовернисаж. «Мелекесские дивы».	154

**Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.**

**Редакция извещает о том,
что с согласия авторов их
произведения временно
публикуются на
безгонорарной основе.**

ПОСАД

"МЕЛК"ООО

**Компьютерное
обеспечение редакции
«Димитровград-панорама»**

© «Черемшан» 2000

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.12.99. Подписано в печать 12.03.2000. Формат 60х90/16.
Усл. печ. л. 10. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 8510
Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортитпографии,
433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Елена КОЗЛОВА

«И ПОЛЕТ, И ПЕСНЮ ПОСВЯЩУ ТЕБЕ...»

ДРУГУ

Не решаюсь прогнать одиночество,
А как хочется!
Ах, как хочется...
Арифметика так проста -
Без него я совсем пуста.
За окном нас зачарует месяц -
Позолота на моем стекле...
В чайной чашке стукнет тихо ложка.
И не прав Блок -
Правда не в вине.
Что-то друг мой со скуки мается,
Ухмыляется, ухмыляется...
Он задул на окне свечу.
Я покорна.
Тиха.
Молчу.

Одна...
Одна.
Мурашки по спине...
Но проза жизни
Просит ставить точку.
Командой нас пускают по доске, -
А по доске
Ступают в одиночку.

ОТПУСТИ!

Отпусти меня - и яркой птицей
В высь взметнусь.
Как искра там растаю,
Отыщу беспечных пташек стаю,
Брошусь в лапки:
- Нам бы породниться!
Отпусти меня - мне в самом чистом дне
Напитаться воздухом и светом...
И тогда я радость и победу,
И полет, и песню посвящу тебе.
Нежно расправляя мои перья,
По подушкам ты разложишь пух,
В наволочке прячешь волю мою, дух,
И неволишь птицу на постели.
Отпусти!
Иначе я умру,
Словно старая глухая канарейка.
Знаю, погорюешь ты маленько
И зароешь в грушевом саду...
Лишь весной туда нагрянут птицы -
Яркие поющие создания,
Засвистят во славу мироздания,
Только мне уже не воротиться.
Лучше отпусти меня.
Я в чистом дне
Напитаюсь воздухом и светом.
И тогда я радость и победу,
И полет, и песню посвящу тебе.

А я скучаю по тебе.
Плывет венок по реке, -
Ты знаешь, время ведь - река,
Далеко встреч всех берега.
Вода на ветках уместилась:
Росинка-дочь, росинка-мать...
А я сдаюсь тебе на милость -
Я буду по тебе скучать...
На звезды-капли посмотри!
В слова сливаются они...
То я тебе письмо пишу:
- Скучаю.
Помню.
И спешу.

ОТКРОВЕНИЕ

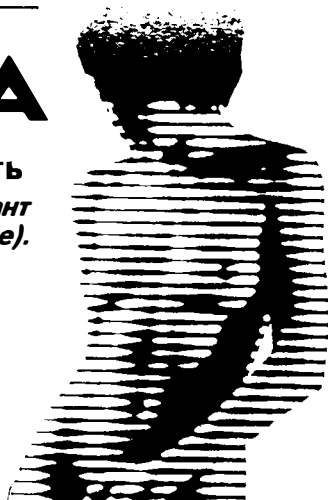
Сыплет манкой
Дождь-проказник.
Сколько помню -
Он все тот же:
Мечет каплями в прохожих
Вовсе без разнообразья.
Я с ворчаньем подставляю
Личико
Под дерзкий взгляд...
- Старый дурень, виноват, -
Смотришь в юность, не мигая...
Я пройду.
Раскрою душу,
Про себя решу, не скрою:
Мне же нравится такое...
У кого любовь наружу!

Иван ХМАРСКИЙ

СВЕТЛАНА

Повесть
*Журнальный вариант
(окончание).*

Х.

Вот и госэкзамены позади. В руках диплом учителя иностранных языков, а особенной радости нет. Что дальше? О переезде в деревню не может быть и речи. Как я могу оставить маму одну? А наша трехкомнатная квартира в доме ответственных работников? Неужели мы её променяем на деревенскую избу?

Распределили меня условно: оставили в городе, чтобы трудоустроилась самостоятельно. В школу я, конечно, не пойду.

А куда? Весь этот год после кончины папы мы продержались на его сбережения. Но дальше как?

На другое утро после выпускного вечера я проснулась в двенадцатом часу.

Мама уже два раза подходила к моей кровати, но я притворялась, будто сплю, потому что знаю, о чем она сейчас начнет разговор. Наконец, мама не вытерпела и громко сказала:

- Светочка, пора вставать. Завтрак на столе.

Уже за завтраком она будто мимоходом начала:

- А что если тебе сходить к Федору Афанасьевичу Прохорову. Может быть, им в банке нужен переводчик. Все же он обязан своим выдвижением папе... А оклады у них, говорят, высокие.

- А почему папа называл его Федькой? - спросила я.

- Ну вот! Я к тебе с серьезным разговором, а ты глупости.

Мама замялась и даже слегка покраснела.

- Светочка, пойми меня правильно... Что если нам сдать одну комнату кому-нибудь в наём?

- Чтобы с нами в квартире еще кто-то жил? - удивилась я.

- Ну да. Сейчас так многие делают. Номера в гостиницах дорогие, вот приезжие и стараются снять комнату в частной квартире. Мне эту мысль подсказала Паша Костина из пятого подъезда. Она

в гостинице «Утёс» работает, и к ней обращается с такой просьбой. Если ты не против, она может нам и постояльца подыскать.

- Я не против, хотя, конечно, он нас стеснит. Тут уж в одних трусиках не погуляешь.

- Что подделаешь, Светочка. Мне до пенсии еще целых три года, да и пенсия будет небольшая. Пока папа занимал руководящие посты, я почти не работала. А Прохорову я позвоню, чтобы тебя записали к нему на приём.

На другой день я подфуфырилась и отправилась в коммерческий банк «Надежда». Занимают они бывшее здание горкома комсомола. Как-то я там была. Ба! Какие перемены! Вестибюль облицован мрамором. На полу дорогой палас, для посетителей кресла и диван, на столике цветы. Двое крепких парней в пятнастой форме и в тельняшках вежливо спросили, в какой мне кабинет,

- К директору банка, - ответила я смело.

Один из них проводил меня на второй этаж. В просторной приемной сидел усатый кавказец, а в углу приютилась старушонка с сумочкой. Моднющая секретарша с длинными, чуть не до плеч, серьгами и наклеенными ресницами окинула меня оценивающим взглядом, и, ни о чем не спрашивая, прошла в кабинет, а когда вернулась, спросила:

- Вы Молодцова? Пройдите.

Кавказец метнул на меня негодующий взгляд, а я, не торопясь, направилась к двери. За столом в просторной комнате сидел толстенький человек с аккуратно подстриженной бородкой, и я вспомнила, что видела его однажды в кабинете отца.

- Здравствуйте, Светлана Платоновна! - улыбнулся он. - Присаживайтесь. Ваша мама мне звонила, и я в курсе дела. Постоянной вакансии сейчас по вашей специальности нет, но, думаю, нам в дальнейшем понадобится и переводчик. А пока будем давать вам разовые поручения. Для начала переведите с английского вот эту инструкцию одного американского банка. Если возникнут какие вопросы, обращайтесь к моему секретарю Рите Васильевне.

- Спасибо!

Я взяла у него тоненькую брошюрку и собралась встать, но он едва заметным движением ладони дал понять, чтобы я еще задержалась.

- А вы очень похожи на Платона Макаровича, - улыбнулся он. - Красивый был мужчина, уж не говоря о таланте руководителя. Теперь таких редко встретишь. Настоящий партократ! Для меня это слово звучит так же благородно, как аристократ. Очень уважал я вашего папашу... Значит, договорились: если возникнут проблемы, обращайтесь к Рите Васильевне. Счастливо!

Я вышла из кабинета и остановилась около стола Риты Васильевны, чувствуя, что мне как-то надо завязать с нею знакомство.

- Я сейчас, - сказала она и, обратившись к старушонке, пригласила её в кабинет. Та засеменила к двери, а кавказец еще более грозно нахмурил брови.

- Садитесь, Света, - не обращая на него внимания, проговорила Рита Васильевна. - Федор Афанасьевич просил подобрать вам для перевода еще одну книжицу. Зайдите через недельку. Если встретите трудные места, обратитесь к завкафедрой Алевтине Петровне.

- Вы её знаете? - удивилась я.

- Еще бы. Я ведь тоже когда-то окончила иняз.

Трудных для меня мест в брошюрке оказалось, действительно, предостаточно, и пришлось пойти на поклон к Алевтине Петровне, зато через неделю, когда я отнесла перевод в банк, мне выписали целых десять тысяч. Мама была на седьмом небе:

- Ну, вот видишь, как всё хорошо устроилось. Работать можно дома или в библиотеке и получать вполне прилично.

С тех пор так и пошло. Рита Васильевна подбирала для меня то инструкцию, то статью из журнала, то еще что-нибудь, и я без дела не оставалась.

- А почему вы сами не подрабатываете переводами? - спросила я её однажды.

- У меня другие источники, - улыбнулась она. - Ценные бумаги. Идет приватизация, многие городские предприятия пользуются услугами нашего банка, так что им выгодно поддерживать с нами хорошие отношения.

XI.

Однажды, в конце июля, когда я отнесла очередной перевод и спускалась в вестибюль банка, на лестнице мне повстречался Слава Мальков. До этого я не видела его несколько месяцев. Слышала, что уезжал в загранку, а к Мирке идти не хотелось, хотя она мне как-то звонила и приглашала к себе. Между прочим, сообщила, что ждет ребенка и поэтому нигде не работает. Славка почти не изменился, разве что чуть-чуть пополнил. Как всегда, выглядит франтом, во всем заграничном: темная атласная сорочка с рисунком, светлые брюки, дорогие сандалии.

- Привет! - остановился он. - Ты как здесь очутилась? Положила на текущий счет очередной миллион?

- Я работаю здесь переводчицей.

- Поздравляю!

- А ты где пропадал?

- Только неделю как вернулся из-за бугра. За полгода уже

- Каким образом?

- Я тебе разве не рассказывал, что дядя Толя преобразовал свой Вторчермет в совместную с немцами фирму? Поставляют в Германию металлолом. Ну, а я со своими двумя языками тут как тут. И спикаю, и шпрехаю. Там, где мой немецкий буксует, выручает английский. Все немецкие коммерсанты изъясняются на нем свободно. Ты сейчас куда?

- Домой.

- Обожди меня пару минут, я тебя подброшу.

- У тебя машина?

Слава ухмыльнулся.

Минут через десять он вернулся.

- Между прочим, ты за эти месяцы дьявольски похорошела, - сказал он, окинув меня восхищенным взглядом.

- А что толку? Женился ты все же на Мирке.

- Было такое... - нарочито вздохнул он. - Теперь уже не переиграешь, ждем наследника, нового российского бизнесмена.

Мы вышли из банка. У подъезда сверкала синим перламутром роскошная машина.

- Твоя? - ахнула я.

«Опель» последней марки, - самодовольно улыбнулся он. - Садись и пристегни ремень.

Я осторожно присела на плюшевую обивку кремового цвета. Боже мой, как все аккуратно, удобно, красиво! И всем этим пользуется какая-то деревенская Мирка...

- Обрати внимание, - продолжал Слава, - какая стартовая скорость. Наших «Жигулей» обгоняет запросто. Переключение автоматическое, поэтому, как говорят немцы, водителю nichts zu tun (нечего делать): только газ, руль и тормоз... Кстати, сейчас на Западе хорошо идет наша живопись. Немцы устали от абстрактных квадратов, треугольников, кошмаров в стиле Сальвадора Дали и другой муры. Они истосковались по лирическим ландшафтикам с тихими речушками, коровками на лугу. Ну, я прогулялся по нашим салочам, заглянул в мастерские художников, скупил пару десятков отличных картин и отправил все это своему знакомому в Берлин. А когда приехал туда сам, реализовал с приличным наваром.

- Но куда мы едем? Мне ведь в другую сторону.

- Ты куда-нибудь торопишься?

- Нет.

- Тогда сиди и не волнуйся. Хочу показать тебе еще одну обновку. Не возражаешь?

- Ладно, давай уж, удивляй.

Слава остановил машину у подъезда нового дома. Мы поднялись в лифте на четвертый этаж. Я обратила внимание на то, что все в этом доме было добротное, везде чистота, никаких недоделок, будто строили не наши, а немцы или турки. На площадке всего три квартиры. Слава двумя ключами открыл одну из них, и мы вошли в просторную прихожую.

- Куда ты меня привез? Чья это квартира? - забеспокоилась я.

- Дяди Толи. Приобрел недавно специально для деловых встреч. Не будет же он принимать друзей и гостей в конторе или звать домой. На Западе это не принято. А здесь можно расслабиться, побеседовать по душам, послушать музыку, посмотреть видик на японском телеке.

Я обошла все три комнаты. Везде современная мебель, на стенах картины, на полу мягкие паласы. Сколько же это стоило?

- Он что, миллионер? - спросила я.

Слава расхохотался.

- Рублевыми миллионерами мы станем скоро все. А он просто состоятельный человек по западным меркам. Располагайся, как дома. Сейчас я сварю кофе. Только Мире об этой квартире ни слова, иначе сцены ревности и прочее... А в ее положении волноваться вредно.

- Ну вы даете! - только и вымолвила я. - Пойдем на кухню, я тебе помогу.

- Ты умница. - Слава обнял меня за талию, притянул к себе и поцеловал в щеку.

Мы поджарили яичницу. Слава достал из холодильника копченую колбасу, сыр, апельсины, бутылку болгарского вина.

После выпивки Слава подвинулся ко мне, снова обнял за талию и спросил напрямик:

- Ты где предпочитаешь: в спальне или на диване?

Вначале я растерялась, но тоже отрезала:

- Давай уж в спальне...

После развода близкие отношения у меня были только с тремя мужчинами: пару раз с тем самым прапорщиком, у него на квартире, один раз у подружки на вечеринке с ее братом, студентом, приехавшим на каникулы из Москвы, а чаще всего с соседом по подъезду нашего дома Георгием. Ему уже за сорок, он холостяк и, судя по всему, жениться не собирается. Работает инженером на заводе. Вообще же, человек со странностями. Большой любитель классической музыки. Ложимся в постель, и он включает какую-нибудь сонату Бетховена или «Хабанеру» из оперы «Кармен». Поддерживаю с ним связь, главным образом, ради здоровья. Не могу же я, нормальная молодая женщина, обходиться долго без мужчины. Но как только я начала встречаться со Славиком, сразу

же отшила этого жмота. Он позвонил раз-другой, мама ответила, что меня нет дома, тогда он подкараулил меня в подъезде.

- Что же ты не заходишь, Света? Я достал Первый фортепианный концерт Листа и мазурки Шопена.

- А кто исполняет? - спросила я.

- Артур Рубенштейн.

- Так вот, передай ему, что я теперь слушаю музыку с другим партнером.

Он так и раскрыл рот от удивления. И больше ко мне не приставал.

Как мужчина Славик, конечно, середнячок, из тех, кого женщины называют гладиаторами. Больше любит поглаживать... Но в конце концов, разве это самое главное?

- Как у тебя с аспирантурой? - как-то спросила я.

- Не знаю, - признался он. - Сейчас главное продержаться и сколотить капитал, чтобы не зависеть от наших идиотов-политиков. Случись голод или гражданская война, диссертацию грызть не будешь.

XII.

Однажды, уже в конце лета, Слава предложил:

- Что это мы прячемся в квартире, как подпольщики. Давай махнем на природу.

Я с радостью согласилась. С тех пор мы начали выезжать в пригородные леса. Заберемся куда-нибудь в глушь, спрячем машину и отдыхаем в укромном местечке или бродим по лесу, собираем ягоды, цветы, зверобой, душицу. Одна из таких поездок едва не закончилась для нас бедой. В тот раз Слава встретил меня какой-то по-особому возбужденный.

- Получил из Берлина приглашение. Есть шанс заработать кругленькую сумму. Через неделю выезжаю. А сейчас махнем в Майнский лес, говорят, пошли летние опять.

- Так далеко?

- Зато мы будем там совсем одни.

До Майнского леса километров шестьдесят. Домчались мы туда меньше чем за час. Слава свернул с шоссе и повел машину по лесной дороге в самую глушь. Остановились мы на большой поляне под старой липой, а сами с корзинками отправились через густой орешник в сторону березового леса, видневшегося рядом. Чаше всего опять встречались не на пнях, а просто в траве. Мы уже набрали почти по корзинке, как вдруг Слава выпрямился и прислушался. Позади нас, там, где стояла машина, послышался шум мотоцикла. Слава приложил палец к губам, давая знак, чтобы я не разговаривала, и поманил меня за собой. Осторожно сту-

пая, мы возвратились к орешнику. На поляне, скрытой листвой, раздавались мужские голоса. Слава осторожно раздвинул ветки, и мы увидели трех парней в шлемах, приехавших на мотоцикле с коляской. Один из них, присев на корточки, возился у дверцы «Опеля», другой пытался открыть капот, а третий, самый старший из них, с обрезом в руке, курил сбоку, настороженно поглядывая по сторонам. Мне стало страшно. Славик сжал мне руку, потянул меня назад и тут же расстегнул молнию своей куртки. На плече у него был закреплен ремень, а у пояса в кобуре висел пистолет. Прямо как в американских боевиках.

Он вынул пистолет, осторожно взвел его и показал мне глазами, чтобы я отошла в сторону. Но на меня напал какой-то столбняк, ноги онемели, только чувствую, как все во мне начинает дрожать. Слава сердито подтолкнул меня в плечо, я сделала шаг назад, наступила на хрустнувшую сухую ветку, чуть не упала и ойкнула.

- Эй, ты там, выходи! - приказали с поляны.

- Ложись! - крикнул мне Слава.

Я присела на траву.

- Ага, семейная парочка! - проговорил тот же голос. - Твой «Опель», хмырь?

- Мой! - громко ответил Слава. - А в чем дело?

- Тогда хватит прятаться. Неси сюда ключи от машины!

- Вначале убери обрез, - сказал Слава, которому сквозь кусты была видна поляна.

- А этого не хочешь?

При этих словах Слава отскочил в сторону и присел. С поляны раздался выстрел, пуля шлепнулась о какой-то ствол.

- Не стреляй! Сейчас брошу ключи, только опусти обрез! - крикнул Слава.

- Хорошо, но баба пусть выходит первой.

Слава, бледный как стена, прикрыв корзинкой руку с пистолетом, кивнул мне, чтобы я выходила. Словно во сне, я начала продираться через орешник. Слава держался сбоку. И вот поляна. Все трое мотоциклистов теперь стояли одной кучкой, все прилично одетые, ничем не похожие на бандитов. Тот, что держал в опущенной руке обрез, был старше других. Красивый рослый парень лет под тридцать. Другой, совсем молоденький, очень похожий на него, поигрывал финкой и весело улыбался, как будто встретил старых друзей. И только в третьем, смуглом и мрачном, чувствовалось что-то зловещее. В руке он сжимал арматурный прут.

- Эге, какая красotka! - ухмыльнулся старший, и сделал шаг мне навстречу.

- Назад! - крикнул Слава каким-то детским, писклявым голосом, вытянув руку с пистолетом. - Всем лечь на землю!

Старший с недоумением оглянулся на двух других.

- Игрушечный, - сказал ему смуглый.

- В «Детском мире» покупал? - насмешливо спросил Славку старший.

- Малейшее движение - будешь покойником, - ответил Славка. Его вытянутая рука с пистолетом дрожала.

- Да ну... - начал было старший, дернув рукой с обрезом, и тут же ткнулся головой в траву. Я даже не услышала выстрела Славкиного пистолета: какой-то хлопок, будто открыли бутылку шампанского - и все. Двое других застыли на месте, омертвело уставившись на убитого. Губы младшего задергались. Выронив нож, он что-то пытался сказать, но не мог и только переминался с ноги на ногу. Одна штанина его легких «бананов» намокла, и на травку закапала струйка. Тот, что с прутом в руке, опустив голову набычился и перевел взгляд с пистолета на Славку, как видно готовый к своей участи.

- Что, голуби, не ожидали? - Славка остановился перед ними шагах в десяти, все такой же смертельно бледный, с нервной усмешкой на губах.

- Дяденька, не убивай! - наконец выговорил младший и опустился на колени.

- Слушать мою команду, - все тем же резким детским голосом приказал Славка. - Ложись лицом вниз, руки за голову!

Младший мгновенно повиновался, распластался в траве и, сцепив кисти рук на затылке, застыл. Второй не двигался.

- Ну! - навел на него пистолет Славка.

- Иди ты на...! - скверно выругался тот.

- Считаю до трех. Раз...

Я поняла: сейчас Славка выстрелит, и хотела крикнуть: «Не надо!», но в это мгновение смуглый тяжело опустился на колени.

- Стреляй, падло! - мрачно проговорил он, глядя исподлобья на Славку.

- Не здесь...

Славка обошел его сзади и с силой, по-футбольному, ударил ногой в спину. Смуглый как-то сразу сломался, по-звериному взвыл, начал грызть траву и дергаться в конвульсиях.

Повернувшись ко мне, Славка приказал:

- Подбери обрез и иди к машине!

Я подошла к лежавшему. Он был еще жив и даже смог перевернуться на спину. Под его кожаной курткой набежала целая лужа крови. Но правая рука продолжала сжимать обрез. Я остано-

рожно потянула его за дуло к себе, умирающий приоткрыл синие губы, судорожно зевнул и разжал пальцы. Глаза его уже закатывались. Меня охватил ужас. Первый раз в своей жизни я видела, как умирает человек. О том, что ожидает Славку за это убийство, я боялась даже думать. Подобрав с травы обрез, я вернулась к машине. Двое других уже ползли к орешнику, и молодой как-то по-собачьи скулил, умоляя сохранить ему жизнь. Время от времени Славка пинками подгонял обоих вперед. Куда он их гонит? Страшная догадка пронзила меня; я подбежала к Славке и вцепилась в его рукав.

- Славик, дорогой, не делай этого!

Он повернул лицо, и меня поразило беспощадное выражение его глаз, какое я никогда раньше у него не видела.

- Иди к машине и запомни: тебя это не касается! - сказал он чужим голосом.

Младший паренек завыл с новой силой и клялся, что будет молчать о том, что здесь случилось. Смуглый не то кашлял, не то хрюкал, повторяя: «Кончай скорее, сука!» Я отбежала к машине и заткнула уши. Раненый, наконец, перестал дергаться и лежал неподвижно, устремив свои красивые глаза в голубое небо. Те двое переползли через кустарник и вместе со Славкой скрылись. Прошло несколько томительных секунд, затем хлопнуло два выстрела, и все было кончено. Славка уже в застегнутой куртке, без пистолета, вышел в другом месте из орешника, брезгливо держа в руке какие-то книжечки. Подойдя к машине, он бросил их на капот.

- Документы.

- Что же с нами будет, Слава?

- А ничего. Надо только спрятать и этого бандюгу, чтобы не скоро нашли.

- Я поняла. Где ты достал пистолет?

Он подошел к убитому, схватил его за ноги и поволок в кустарник. А когда вернулся, долго вытирал о траву его заляпанный кровью паспорт. Документы всех троих он сложил в целлофановый пакет, сунул его во внутренний карман куртки и попробовал открыть дверцу водителя. Но, видно, грабители повредили замок, что-то в нем заклинило. У меня внутри все похолодело: как же мы теперь доберемся домой? Славка вдруг хлопнул себя по лбу, усмехнулся, обошел капот и сунул ключ в замок правой дверцы, а потом уже изнутри открыл и левую.

- Заскок, - сказал он. - Все же переволновался. Садись на заднее сидение, обрез спрячь под пледом.

Я юркнула в машину, обхватила себя за плечи скрещенными

руками, чтобы унять дрожь, и замерла. Он повернулся ко мне.

- Возьми себя в руки и слушай внимательно, что я тебе скажу. Я высажу тебя в центре, около универмага. Запомни: ты меня уже давно не видела, не знаешь, где я был сегодня, а сама ходила по магазинам, искала осенние туфли или еще что-нибудь. Так и скажешь матери.

- Я поняла. Где ты достал пистолет?

- Не имеет значения. Сейчас за деньги можно хоть атомную бомбу купить. И не думай об этих подонках. Страшно представить, что было бы с нами, если бы не эта штучка... Оставлять их в живых было нельзя. Рано или поздно они по номеру машины меня бы разыскали... А, может, и тебя...

Он обвел взглядом поляну и добавил:

- Надо бы откатить подальше мотоцикл, да нельзя терять ни минуты. Надеюсь, его уже сегодня угонят.

Мы выехали на дорогу. По-прежнему светило солнце, искрилась начинающая желтеть листва деревьев, голубело небо, а во всем царил такой покой, что все только что случившееся казалось мне каким-то кошмаром. Метров через сто Слава притормозил, высыпал из обеих корзин в кустарник опята, а корзины забросил в крapiву.

- Ну вот, теперь, кажется, все...

Тела убитых грибники нашли только через неделю. Двое из бандитов были братьями, слесарями автозавода, третий, уже дважды судимый, работал на станции техобслуживания. Мотоцикл принадлежал старшему брату, и в гараже у него нашли мотор от «Москвича», принадлежащего хирургу «скорой помощи», исчезнувшему полгода назад по дороге в свой гараж. В свое время это преступление наделало в городе много шума, но виновников так и не нашли. По поводу же случая в лесу в милиции решили, что какие-то две банды похитителей машин сводили между собой счеты. По крайней мере, такое предположение было высказано в городской газете.

Когда мы встретились со Славой примерно через месяц после этого случая, он мне спокойно сказал:

- Вот видишь, что это за сволочи. А ты хотела их пощадить. Да этих тварей надо давить как тараканов. - На его лице появилось то же беспощадное выражение, что меня поразило в лесу. - О последствиях не беспокойся: никаких следов мы не оставили, а милиция сейчас не до бандитских разборок. Главное, не проговоришься где-нибудь сама.

- Что ты, Слава!

- Ну, вот и порядок. Завтра уезжаю в Германию. Жди подарка.

XIII.

В квартире у нас появился постоялец, Имран Абасятович, не то осетин, не то дагестанец. Ему сорок два года, весит он сто десять килограммов, выглядит интеллигентно, одевается со вкусом, говорит по-русски почти без акцента и, вообще, производит впечатление воспитанного человека. Как все кавказцы, очень щедрый, за комнату платит маме больше, чем я зарабатываю в банке, а провизией прямо завалил наш холодильник. Аппетит у него волчий, вполне может один за ужином съесть жареную курицу и выпить бутылку вина. Дома бывает больше вечерами, а все дни занят на какой-то частной фабрике, где шьют кожаные куртки, дамские сумочки, кошельки и другую мелочевку. Таких фабрик у него несколько в разных городах. Дома у него осталось две жены и не то пять, не то семь детей. Он как-то показывал фотографию: прямо детский сад. Обе семьи снимались около двухэтажного особняка; второй, по его словам, еще больше.

Мама очень довольна и стала заметно больше следить за собой: всегда завита, часто обновляет маникюр, заменила дешевенькие серьги дорогими, которые раньше носила только, ког-

да шла в театр, на концерт или в гости. А что! Чем черт не шутит... Разница в возрасте между ними не так уж и велика: всего десять лет, и выглядит мама довольно молодожаво, а то, что Имран Абасятович не разведен, не так уж важно: у них там разрешается иметь по несколько жен, лишь бы мог всех их содержать.

Иногда к нему вечерами заходят его сослуживцы, тоже южане, молодые крепкие парни. Привозят на его «Вольво» чемоданы, сумки и тюки с чем-то тяжелым. Как он объясняет, это сырье для производства. После этого они ужинают, выпивают несколько бутылок вина, долго беседуют о чем-то на своем языке и поодиночке расходятся. Между прочим, никогда не бывают пьяными, не сквернословят и не пристают с ухаживаниями.

В банке меня зачислили в штат и начали выдавать часть зарплаты в долларах. Не так много, но все же в переводе на рубли получается кругленькая сумма. Я откладываю их на «черный день». Прохоров по-прежнему относится ко мне внимательно, а с Ритой мы по-настоящему сдружились.

- Ты все еще одна? - как-то спросила она.

- Одна, - соврала я.

- Ну и дуреха! С твоими данными и так бездарно тратить лучшие годы! Хочешь, найду тебе богатенького?

- Ты это серьезно?

- Вполне. Сейчас это в порядке вещей. Даже мужа не возражают: побочный заработок.

- Спасибо, Рита, пока обойдусь.

Среди омовцев банка появился новый парень из кавказцев. Увидев меня в вестибюле, он поздоровался, отвел в сторонку.

- Вы меня узнали, Света?

- Нет, но, кажется, я вас где-то видела.

- Я друг Имрана Абасятовича. Был у него в гостях. Зовут меня Ходжа.

- Ну вот, теперь узнала. Как все же меняет человека форма.

- Пожалуйста, никому в банке не рассказывайте о том, что я бываю у Имрана Абасятовича.

- Почему?

- Чтобы не было лишних расспросов. Ведь и вы, и я работаем в банке...

- Хорошо.

Примерно через неделю после этого разговора Федор Афанасьевич пригласил меня в кабинет.

- Как самочувствие? - спросил он, пристально вглядываясь в меня.

- Спасибо, хорошее.
- Зарплата устраивает?
- Конечно.

- Надеюсь, с будущего года сможем ее повысить. Дела в банке идут неплохо. У меня, Света, к вам личная просьба. Жена уехала на две недели в Дом отдыха, а я с друзьями решил устроить небольшой мальчишник на даче, которую недавно приобрел наш банк. Вы ее должны знать. Если память мне не изменяет, Платон Макарович снимал ее на лето для вашей семьи. А просьба вот такая: побыть на нашей вечеринке вместе с Маргаритой Васильевной хозяйками. Провизию я закупил, кое-что привезут из ресторана, ну а сервировка и все прочее на вас. Как, согласны?

- Да... - неопределенно протянула я.

- И привезет на дачу, и отвезет вас домой мой шофер. Маме скажете, что вас пригласила на вечер подруга. Обо мне молчок, иначе дойдет до жены, а она у меня дама строгая... - он подмигнул.

- Я вас поняла, Федор Афанасьевич.

- Вот и славненько. Готовьтесь.

Я сразу же побежала к Рите.

- С тобой Федор Афанасьевич уже говорил?

- О даче? Говорил.

- Ну и как ты? Зачем он нас приглашает? Ведь там будет целая компания мужиков, а нас только двое. Или они еще кого-нибудь привезут?

- Не беспокойся, тут намечается не дамское развлечение, а что-то другое. Я еще точно не знаю, но к Прохорову что-то зачастили усатые. Чувствую, хотя через наш банк провернуть какую-то операцию. Скорее всего, отмыть нечистые денежки.

- В каком смысле «нечистые»?

- Дачто ты, дитя несмышленное? Не знаешь таких вещей? А наркотики, а торговля оружием, а иконы, золото, жемчуг! Так что, наша с тобой невинность не пострадает...

XIV.

На дачу шофер Прохорова привез нас за два часа до ужина. Едва я ступила на тропинку, ведущую к «нашему» коттеджу, на меня нахлынули воспоминания: о папе, о замужестве, о том, как мы проводили здесь лето... На глаза навернулись слезы. Рита удивленно взяла меня за плечи и слегка встряхнула.

- Ты что? Или, в самом деле, чего-то боишься?

- Нет, это другое... Когда еще был жив отец, мы на этой даче отдыхали...

- Ах, лирические воспоминания! Выкинь из головы! Сейчас вся лирика в кошельке. У кого он толще, тот и поэт.

Мы вошли в коттедж. Вся обстановка осталась почти такой же, как была, даже в книжном шкафу в кабинете, как и раньше, стояли сочинения Маркса, Энгельса и Ленина. Правда, шторы на окнах другие, более современные, а картин на стенах стало больше.

В прихожей уже стояли корзины с вином и провизией, и мы с Ритой сразу же начали переносить все это в просторную столовую на первом этаже. За полчаса до приезда гостей стол на десять человек был накрыт. Первым появился сам Федор Афанасьевич в светлом костюме, ярком галстуке, такой оживленный, праздничный. Осмотрел стол, похвалил Риту и меня, и поднялся вверх, в гостиную. Вскоре у ворот остановилась вторая машина, и из нее вышел... - кто бы вы думали? - Вадим! Не видела его с тех пор, как он стал важной персоной. Бог мой, как он переменился, раздобрел, какие уверенные движения, сколько властности в голосе! Поговорив о чем-то с шофером, он отпустил его, а сам направился к коттеджу, оглядываясь по сторонам. И только подойдя к крыльцу, увидел меня и нахмурился.

- Приветик! - сказала я с усмешкой.

- Ты-то как здесь оказалась? - удивился он.

- Служу в банке. Велено накормить гостей ужином, только и всего.

Он поднялся по ступенькам и остановился против меня на площадке.

- Ты знала, что я буду здесь?

- Понятия не имела.

- Значит, Федор Афанасьевич не знает, что мы с тобой были родственниками?

- Этот факт биографии я утаила.

- Напрасно...

- А что, здесь собираются заговорщики? Хотите президента сбросить?

- Мне не до шуток. Прошу тебя никому не говорить о том, что я сюда приезжал.

- И ты жены боишься?

- Есть причина посерьезнее. Ты что-нибудь уже знаешь? - снова встревожился он.

О, какое это было для меня наслаждение видеть его растерянным.

- Кое-что... - соврала я.

Он промолчал и пошел в дом. Еще минут через десять подъе-

хала «Волга», и из нее вышли трое знакомых мне кавказцев, навещавших нашего постояльца. Увидев меня, они заулыбались, будто встретили родственницу. Удивилась я: выходит и Имран Абасятович как-то связан с банком. И маме, и мне он никогда об этом не рассказывал. Еще больше удивился тому, что я знакома с приехавшими, Федор Афанасьевич, который вышел их встречать.

- Откуда вы их знаете? - спросил он, пропустив гостей в дом и немного поотстав.

- А это друзья нашего постояльца.

- Вы сдаете комнату?

- Да. Одному предпринимателю из Грозного.

- Первый раз об этом слышу. И они что, собираются вместе?

- Довольно часто. Он старший по возрасту и для них как отец.

- Хорошо, завтра вы расскажете мне об этом поподробнее, а сейчас приглашайте гостей за стол.

Когда все расселись, причем я оказалась среди кавказцев, а Рита рядом с моим бывшим мужем, Федор Афанасьевич разлил всем шампанское, встал с бокалом в руке и произнес тост:

- Друзья! Мы живем в трудное, но историческое время, - начал он. - Многое из того, чему мы еще недавно поклонялись, рухнуло или рушится на наших глазах. Мог ли я, еще недавно председатель горисполкома, даже во сне представить себе, что стану директором коммерческого банка? Но, как видно, таков перст божий, и главная моя работа теперь - стабильность нашего детища, привлечение новых капиталов, расширение круга наших клиентов на взаимовыгодной основе. Вот почему мы сегодня собрались с вами здесь, соединив полезное с приятным. Я приветствую наших новых клиентов, сынов отважного и гордого народа, и надеюсь, что наши переговоры завершатся успешно.

Последовали другие тосты. Кавказцы были на этот счет мастера, а один из них даже назвал Федора Афанасьевича финансовым гением и надеждой России, на что тот протестующе замахал руками, но все же залился краской от удовольствия. Выпили и за нас с Ритой. У меня приятно закружилась голова, все показалось легким и радостным, захотелось танцевать. Помалкивал только Вадим, усердно опрокидывая стопку за стопкой. Пить за эти годы он научился.

Перед сладким Федор Афанасьевич сказал Рите:

- Займитесь со Светой посудой, а мы немного побеседуем в гостинной за чашкой кофе.

Мужчины поднялись наверх, и мы с Ритой начали убирать со стола.

- Ты заметила, что твой бывший чем-то расстроен? - спросила она.

- Заметила. Наверно, не ожидал меня встретить здесь. Не знаешь, зачем его пригласил Федор Афанасьевич?

- Точно не скажу, но скорее всего, эти ребята после получения выгодного кредита в банке хотят купить участок под строительство фабрики и дома, а обойти райисполком в таком деле никак нельзя. Думаю, твой благоверный выйдет из этой хатки миллионером.

- Что ты! Он был всегда принципиальным и бескорыстным.

- Запомни, Света: «был» - глагол прошедшего времени. За эти годы многие праведники так опрохвостились, что родная мать не узнает. О твоём бывшем тоже кой-какие разговорчики идут...

И тут сверху спустился Ходжа.

- Вот что, девочки, - сказал он весело, - Федор Афанасьевич разрешил вам ехать домой. Он немного перебрал и хочет отдохнуть. А мы здесь сами управимся. Так и скажите шоферу. После того, как отвезет вас, может тоже отдыхать. Сюда пусть приедет завтра утром часам к одиннадцати. А это вам за услуги.

Он протянул мне и Рите по толстой пачке пятидесятирублевков.

Ходжа вернулся наверх, а мы пошли к «Мерседесу» Федора Афанасьевича. Выслушав нас, шофер пожал плечами и кивнул нам, чтобы садились. «Ох, что-то мне здесь не нравится, - шепнула мне Рита. - Но хозяину виднее».

XV.

Мама тоже удивилась тому, что я вернулась раньше, чем предупредила. Постоялец еще не возвращался. Обычно он позднее девяти вечера не задерживался, поэтому мама в двенадцатом часу начала нервничать. Я легла спать, а она продолжала сидеть у телевизора. В первом часу разбудила меня.

- Что делать, Света? Не случилось ли с ним чего? Может быть, позвонить в милицию?

- А удобно ли? Вдруг он задержался у друзей или заночевал у какой-нибудь знакомой...

- Мог бы и позвонить, - с обидой проговорила мама. - Неужели он не догадывается, что мы волнуемся?

И в это время раздался негромкий стук в дверь. Мама по-молодому ринулась в прихожую.

- Это вы, Имран Абасятович?

- Я. Извините за поздний час.

Я накинула халат и тоже вышла из спальни. Постоялец был абсолютно трезв, но заметно возбужден.

- Еще раз извините, пожалуйста, за беспокойство, - сказал он. - Вечером я узнал о печальной новости: позвонили родственники и сообщили, что жена тяжело заболела. Надо срочно вылетать домой. Внизу меня ждет машина, так что, надо поторопиться.

- Ах, как это неприятно, - заохала мама. - Но ведь вы вернетесь?

- Конечно. Уеду на неделю, может быть, на две.

Он прошел в свою комнату, взял два больших чемодана, молча кивнул на прощанье и чуть ли не на цыпочках зашагал по коридору. Я про себя удивилась тому, что все у него было уложено заранее, как будто он знал, что сегодня у него заболит жена.

В десятом часу утра раздался резкий дверной звонок. Мы обе подбежали к двери.

- Откройте! Милиция!

Мама испуганно взглянула на меня, я прильнула к глазку и увидела в коридоре трех человек в форме.

Вошли капитан, лейтенант и девушка с одной звездочкой на погонах.

- Квартира Молодцовых? - спросил капитан.

- Да, - пролепетала мама.

- Ваш постоялец дома?

- Нет, он ночью улетел в Грозный. Заболела жена.

- Покажите его комнату. Вот ордер на обыск.

Мама открыла дверь в комнату Имрана Абасятовича. Милиционеры быстро осмотрели шкаф, кровать, стол.

- Стреляный воробей, ничего не оставил, - сказал капитан. - Снимите отпечатки пальцев, - обратился он к девушке.

- Да что случилось? - продолжала допытываться мама.

- Под какой фамилией он у вас проживал? - не отвечая ей, спросил капитан.

Мама назвала.

- Ясно. А вы Светлана Платоновна Молодцова? - повернулся он ко мне.

- Да.

- В каком часу вы вернулись вчера с дачи?

- В десятом. Что-нибудь случилось?

- Небольшое происшествие, - усмехнулся капитан. - Всего-навсего ограблен банк «Надежда». Как мы догадываемся, не без вашего участия.

- Вы с ума сошли!

- Гражданка Молодцова, вам придется проехать с нами для дачи показаний.

- Хорошо.

Услышав, в чем меня подозревают, я про себя даже успокоилась. Лишь бы не докопались до случая в лесу.

- А где Федор Афанасьевич? - спросила я.

- Директор Прохоров сейчас находится в областной больнице на излечении, - официальным тоном ответил капитан. - Одевайтесь!

- Что это значит, Света? Какая дача? Где ты вчера была? - запричитала мама,

- Потом расскажу. Не волнуйся, это недоразумение, я ни в чем не виновата.

- Господи, еще этого нам не хватало.

Только в милиции, где встретила Риту, я узнала о том, что пока мы убирали в столовой посуду, сообщники Имрана Абасятовича попробовали убедить Федора Афанасьевича выдать им крупную сумму по льготному кредиту. А когда он отказался, связали его и Вадима, отобрали у директора ключи от банка, усыпили обоих и оставили в спальне. У них были разработаны два варианта: в случае согласия купить на аукционе дом в центре города и основать торговую фирму; в случае отказа - ограбить банк и скрыться. Ночью с помощью «охранника» Ходжи под видом милицейского патруля они проникли в валютный отдел банка, обезоружили сторожа, отключили сигнализацию, открыли сейф и забрали всю наличность.

На допросах Рита и я вели себя довольно спокойно, честно рассказав всё, что знали, и вскоре нас перестали вызывать к следователю, хотя и взяли подписку о невыезде в течение месяца.

XVI.

Федор Афанасьевич выписался из больницы после перенесенного потрясения через неделю. Он тут же подписал приказ о моем увольнении: не смог простить, что я скрыла связь «охранника» Ходжи с нашим постояльцем.

Придя за расчетом, я заглянула к Рите.

- Опять я у разбитого корыта. Что ты мне посоветуешь?

- Думаю, самое разумное для тебя временно уехать из Загоруйска.

- Куда же я уеду? Учительствовать в деревню?

- Поезжай прямо в первопрестольную. Если уж делать карьеру, то только там.

- Но у меня нет никаких связей. Даже остановиться негде.

- На первый случай остановишься у моей родственницы, а там устроишься на работу и найдешь постоянное жилье.

- Спасибо тебе!

- Если ты не из робких, постарайся завербоваться на работу в сфере обслуживания в Германию, Швецию или Швейцарию. А лучше всего в Штаты.

- Ты говоришь, в сфере обслуживания. А что я умею делать?

- Не хитрая наука. Освоишь профессию манекенщицы, фото-модели или еще какой-нибудь дамочки с вполне развитыми фор-

мами... Будь я помоложе лет на десять и не замужем, давно бы куда-нибудь укатила. Трагедия большинства людей России в том, что мы слишком притерпелись к своему убогому существованию, слишком нерешительны и провинциальны...

В общем, вот тебе адрес моей родственницы. Это на Ленинском проспекте, легко найти. Перед отъездом зайдешь, я ей напишу.

Мама отнеслась к моему решению уехать в Москву безучастно. После истории с постояльцем она как-то сникла, постарела, стала молчаливой и рассеянной.

Вернулся из ФРГ Слава. Позвонил мне, и мы встретились на квартире дяди Толи. Слава прямо-таки завалил меня зарубежными шмотками: привез наимоднейшие лосины, две дивные кофточки, одна совсем прозрачная, две пары туфель, чудесные швейцарские часы, бижутерию. У него большая радость: родился малыш. Посоветовал позвонить Мире и поздравить её. Узнала, мол, от бывших однокурсников. Я рассказала ему об ограблении банка и спросила, что он думает о совете Риты. Слава немного подумал и сказал:

- Решать тебе, но встречаться нам больше не придется. Кто-то уже накапал Мире о том, что видел нас вместе. Поэтому тебе действительно лучше на время уехать. Но чем ты будешь заниматься в Москве? Насколько я понял, твоя подружка Рита советует тебе сделать карьеру интердевочки?

После фильма многим нашим дурехам кажется, будто иностранцы спят и видят, как бы взять в жены нашу потаскушку. Но, во-первых, там орудует мафия, а значит, надо будет платить кому-то дань. Во-вторых, придется крутиться в этом болоте, а это попойки, наркотики, сутенеры, разборки и прочие прелести столичного дна. Когда же на тебя уже не будет спроса, тебя просто вышвырнут на улицу. Наконец, и такой малопривлекательный персонаж, как мистер Спид...

- Ой, мне что-то страшно становится! Но есть же и другая возможность: найти обыкновенную, порядочную работу, выйти замуж за честного человека с квартирой, завести свою семью...

- Теоретически есть, практически - маловероятно. Не обижайся, Светочка, но ты не создана для амплуа работяги. Как и я, как и сотни тысяч лоботрясов из нашего с тобой поколения. Наш герой - Остап, но не Бульба, а Бендер. Мы обречены просиживать молодость в комках, шнырять по белу свету в поисках дефицита, комбинировать, жульничать, голосовать за нужных лиц, смотреть по телеку мордобой и порнуху и ни во что, заметить, ни во что не верить, кроме трех магических букв - СКВ.

Раньше на всех перекрестках, даже на обезьяньем питомнике в Сухуми, красовался лозунг «Слава КПСС!» Теперь вместо него на каждом шагу не менее прекрасный призыв - «Куплю СКВ!»

- Но почему все так обернулось? Ведь так хорошо начиналось, столько было надежд...

- Плата за прощание с великой утопией, с рукой, зовущей нас вперед...

- Как это грустно и безнадежно.

- Да уж «для веселия планета наша мало оборудована». По моему, это самое лучшее из всего, что сказал Маяковский.

Наша же с тобой трагедия в том, что этот страшный раскол прошелся как раз по тем, кто имел несчастье родиться в шестидесятые-семидесятые годы самого несчастного из всех столетий.

- Но я хочу счастья уже сейчас, пока молода и здорова! Зачем мне светлое будущее в старости?

- Прости, что нагнал на тебя тоску. Я сам временами хочу куснуть себя за локоть, да не получается. Ну, положим, наживу я пять, десять, сто миллионов, а что дальше? Баллотироваться в президенты? Так туда уже до меня выстроилась очередь подлиннее, чем за дешевой колбасой. Что касается твоей мечты о семейном счастье, учти: охотников спешить в ЗАГС сейчас маловато.

Деньжонков же на первые месяцы я тебе подброшу.

- Славик, лучшего друга, чем ты, у меня не было и, наверно, никогда не будет. - Я обняла его за шею и заплакала.

- Не знаю, за что я тебя люблю, милая моя дуреха, - сказал он, целуя меня в мокрое лицо. - Так ты обязательно поздравь Миру и приди посмотреть на моё творение.

Пришлось пойти. Мира встретила меня по-прежнему приветливо. Малыш их мне не понравился: что-то маленькое, красное, сморщенное. Мирка уверяет, что он, как две капли, похож на Славку. Не знаю, я что-то не заметила. И все же где-то меня кольнула зависть, особенно, когда Мира поднесла его к груди, чтобы покормить, и этот комочек начал жадно причмокивать, а на губках у него появились капельки молока. Чтобы не разреветься, я заспешила домой.

XVII.

Сборы в Москву были недолгими: решила ничего лишнего с собой не брать, чтобы уместить всё в чемодан и сумку. Провожали меня мама и Славик, который купил мне билет на наш фирменный поезд и привез нас на вокзал. Мама, конечно, всплакнула, а Слава уже в вагоне незаметно от нее сунул мне в руку пачку денег, подмигнул, поцеловал и сказал по-английски: Good Luck! I wish you my best! (Счастливо! Всего наилучшего!)

При жизни папы я ездила в Москву каждый год. Останавливались мы то в гостинице «Москва», то в «России», то еще где-нибудь. Обедали в кафе, а завтракали и ужинали в номере. В то время я как-то об этом не думала, а сейчас надо будет обо всем этом заботиться самой. Где буду жить, где питаться, стирать, принимать ванну? Ведь долго оставаться у подруги Риты неудобно.

Глядя в окно, я долго не обращала внимания на своих спутников по купе. Один из них, грузный полупьяный мужчина, сразу же забрался на вторую полку, положил под голову сумку и уснул. Вторым пассажиром была женщина. Она везла два огромных чемодана и множество сумок. Женщина все время проводила в коридоре, бегала к проводнику и вообще суетилась. Наконец, на нижней полке, против меня, разместился молодой, красивый священник с бородкой. На груди у него висел большой крест, а на пальце я заметила золотой перстень с камнем.

Разместив на столике пакеты с провизией, он тоже начал смотреть в окно, изредка бросая на меня быстрый взгляд. Ехали мы вдоль Майнского леса, и я сразу же вспомнила то, что здесь произошло в августе, и внутренне поежилась. Осень была в разгаре, алым кружевом полыхали клены, березы наполовину осыпались, и земля под ними была устлана желтыми кружочками листьев.

- Благодать божья! - проговорил священник. - Нет в мире земли краше российской.

- Да, красиво, - поддакнула я.

- Вы были так рассеянны, что даже не ответили на мое приветствие, - продолжал попутчик. - Позвольте представиться: отец Иероним. А вас как звать-величать?

- Света, - ответила я по привычке.

- Светлана, - поправил он меня. - Хорошее, светлое имя. А меня в миру зовут Леонидом Павловичем.

- Вы служите в Загоруйске?

- Нет, в Москве. В Загоруйск приезжал по делам нашей благотворительной организации «Милость Христова». Мы собираем пожертвования для оказания помощи неимущим и страждущим, или, как теперь принято говорить, ищем спонсоров.

А вы, позвольте спросить, по каким делам в первопрестольную?

- Еду поступать в аспирантуру.

- Решили посвятить себя науке? Весьма похвально, весьма. Где думаете остановиться?

- Еще не знаю. Несколько дней проживу у знакомой, а дальше буду хлопотать об общежитии, - продолжала я фантазировать, удивляясь тому, как, оказывается, легко можно врать.

- Если вам встретятся какие-то трудности с жильем, наша организация сможет вам помочь. Студенты и аспиранты ведь тоже сейчас относятся к категории малоимущих. - Отец Иероним достал из визитки плотную белую карточку и протянул её мне.

- Большое спасибо, Леонид Павлович! Но, я никогда не ходила в церковь. Мой отец был партийным работником, а у вас религиозная организация.

- Пусть это вас не беспокоит. Никогда не поздно обратиться к помощи божьей. У нас работают не только служители церкви, но и не духовные лица. В том числе и такие прелестные девушки, как вы, Светлана. - Он улыбнулся и посмотрел на меня хорошо знакомым мужским взглядом. Не знаю почему, но чаще всего мужики смотрят на меня именно так.

Когда я однажды пооткровенничала с Ритой, та мне научно объяснила, что некоторые женщины, в том числе и я, наделены способностью «сексуального излучения». У каждой бабы, оказывается, есть такое биополе, которое привлекает эту братию.

«А почему бы и нет? Что он, по-другому устроен, чем остальные парни? Может быть, это моя судьба, мой сказочный принц».

XVIII.

Утром, когда поезд прибыл на Казанский вокзал, и на платформе я сразу оказалась среди множества людей, отец Иероним, догадываясь о моей растерянности, проводил меня до станции метро, подробно объяснил, как доехать до Ленинского проспекта и тепло распрощался. А Рита была права: найти адрес ее родственницы не составило труда. Жила она в длинном доме недалеко от универсама «Москва» на втором этаже. Я нажала кнопку - из-за двери, женский голос спросил:

- Вам кого?

- Я приехала из Загоруйска. Вам письмо от Риты.

Дверь приоткрылась на длину цепочки, я протянула конверт, а сама подумала: до чего же сейчас все запуганы не только у нас, но и в самой столице. Прочитав письмо, хозяйка сняла цепочку:

- Входите.

Было ей где-то под сорок. Как видно, она только недавно проснулась, еще не успела причесаться и выглядела довольно-таки неряшливо.

- Раздевайтесь и проходите, а я на кухню, а то кофе уйдет, - сказала она.

Я сняла плащ и туфли, поставила в прихожей чемодан и сумку и прошла в большую комнату, обставленную красивой мебелью. В дальнем углу на тумбочке стоял работающий телевизор. Вторая комната, рядом с кухней, наверное, была спальней. Вошла хозяйка с двумя крошечными чашечками кофе.

- Подкрепитесь после дороги, Света, - предложила она, присаживаясь рядом на диване. - Меня зовут Клавдия Ивановна. Ну, как там Рита? Не голодает?

- Что вы! Она ведь получает зарплату в долларах.

- Значит, пристроилась хорошо. Ну, я рада за нее. А вы чем занимаетесь в Москве?

- Еще не знаю. Попробую устроиться переводчицей.

- Переводчиков сейчас в Москве хоть пруд пруди. На машинке печатаете? С компьютером работали?

- Немного.

- Попробуйте поступить в какую-нибудь фирму секретарем-машинисткой. До приезда моего мужа можете оставаться у меня, а там, извините, придется вам искать жилье.

Мне понравился, что она не стала расспрашивать меня о том, почему я уехала из дому, и вообще понравился весь ее деловой разговор. В тот же день, договорившись с Клавдией Ивановной, когда она будет дома, я поехала в центр, обошла универмаг, «Пассаж» и бывший ГУМ, так что к вечеру едва держалась на ногах. Наугад зашла в конторы двух фирм, поинтересовалась, есть ли у них вакансии, но меня сразу же спросили: прописка московская? Нет. Извините, для иногородних у нас ничего нет. Как я об этом не подумала раньше!

За вечерним чаем Клавдия Ивановна мне объяснила, что временную прописку можно получить только, если наняться черно-рабочей. На второй и третий день все мои поиски тоже закончились ничем. Никогда еще в жизни я не чувствовала себя такой одинокой, затерянной, никому не нужной. Кругом оживленные толпы, и каждый чем-то занят, многие женщины шикарно одеты, веселы, в магазинах покупают дорогие вещи, а я, какая-то жалкая провинциалка, слоняюсь в этом чужом для меня городе, как будто попала за границу, и экономлю на каждой булочке, чтобы продержаться здесь хотя бы пару месяцев. Иностранцев полно, но как к ним подступиться? Попробовала было спросить по-английски у двух приятных джентльменов, как мне пройти к Манежу, а один из них на чистом русском языке объяснил: это совсем рядом - дойдете до Большого театра и направо. Я покраснела, про-

мямлила: «Спасибо!» и отошла. А до этого между собой говорили по-английски. Значит, у меня такой акцент, что они сразу же догадались, что я за птица.

Через полмесяца возвращается муж Клавдии Ивановны. Если за это время не определюсь, придется уезжать домой. Ох, как не хочется! Ведь там тоже надо искать работу, да и хвост за мной тянется... Вот тут-то я и вспомнила о своем попутчике, отце Иерониме. Телефон у Клавдии Ивановны стоит в прихожей, так что, разговор слышен во всей квартире. После завтрака набрала номер, мужской голос ответил:

- Организация слушает.

- Пригласите, пожалуйста, к телефону отца Иеронима, - попросила я.

- Сейчас. Леонид, тебя! - услышала я в трубке, и тут же раздался голос моего попутчика:

- Отец Иероним слушает.

- Здравствуйте, отец Иероним! Это я, Светлана Молодцова!

- Простите, кто? - переспросил он.

- Ваша попутчица по купе. Помните?

- Ах, да! Ну, как же. Хорошо, что вы позвонили. Как дела с аспирантурой?

- К сожалению, у меня возникли сложности... Придется поступать на работу, а без московской прописки нигде не принимают.

- Я вас понял, Светлана. Вы откуда звоните?

- Из квартиры знакомых на Ленинском проспекте.

- Назовите точный адрес, через час я приеду, и мы все обсудим.

Я назвала.

- Кому это вы звонили? - удивленно спросила Клавдия Ивановна. - Какому-то священнику?

Пришлось рассказать ей о своем попутчике.

- Ну что же, раз это благотворительная организация, они могут помочь вам и с устройством на работу, и с жильем.

Я кинулась к косметичке, чтобы выглядеть не хуже, чем в купе. Прошел час - Леонида не было; еще полчаса - никого! Начала нервничать. И только через два часа раздался звонок. В прихожую вошел приятный молодой человек с бородкой, одетый в кожаную куртку.

- Вот и я! - сказал он. - Мир вашему дому! Извините за опоздание: выстоял в очереди, чтобы заправить свои «Жигули».

Только тут я узнала отца Иеронима.

- Вы в штатском? - изумилась я.

- Вернее будет сказать - в гражданском, - улыбнулся он. - Свя-

щенникам у которых нет своего прихода, это не возбраняется. Одевайтесь, поедem в нашу организацию.

Через несколько минут мы уже мчались в потоке машин по Ленинском проспекту в сторону Окружной дороги, затем поднялись на нее, проехали километров десять в сторону Подольска, снова спустились и остановились у двухэтажного кирпичного дома. Над крыльцом одного из двух подъездов на вывеске я успела прочитать: «Церковно-благотворительная организация «Милость Христова». Добро пожаловать!»

XIX.

На первом этаже в просторной комнате нас встретил плечистый бородатый парень боксерского вида в клетчатой рубашке и джинсах. «Неужели тоже священник?» - подумала я.

- Это Светлана! - представил меня Леонид. - Прощу любить и жаловать.

- Привет! Будем знакомы, - протянул мне бородач руку. - Меня зовут Денис. - И тут же на ты: - Свободно говоришь по-английски? - Довольно свободно.

- Хорошо. Пригодится. Привезли с базы груз, - обратился он к Леониду.

- Много?

- Примерно как в прошлый раз.

- Из ФРГ?

- ИЗ Голландии.

- Еще не разбирали?

- Не успели. Займемся после обеда.

Пока они переговаривались, я обратила внимание на красивую молодую монашку с удлиненными ресницами, которая что-то печатала на машинке в углу за столиком. Время от времени она брала с машинки дымившуюся сигарету, затягивалась и снова продолжала стучать по клавишам.

- Познакомьтесь! - подвел меня к ее столику Леонид. - Наша сотрудница, сестра Мария. В миру Лика Прокатилова. Пока будете жить в ее комнате, а там видно будет. Ваши вещи перевезем завтра. Лика, проводите нашу гостью к себе.

- Пошли! - Лика поднялась, сунула пачку сигарет в карман длинного монашеского платья и зашагала по лестнице вверх. Ее быстрые и резкие движения, как и манера говорить, никак не вязались с моими представлениями о тихих, благочестивых обительницах монастырей.

- Сестра Мария, можете взять с собой сестру Прасковью после обеда на прогулку, - сказал ей отец Иероним вдогонку.

- Сестру Прасковью? Кого это?

- Так мы теперь будем называть Светлану. Считайте, что посвящение уже состоялось.

- В мини-юбке и колготках? - подняла свои расписные брови Лика, окинув взглядом мои полные ноги.

- Поищите в своем гардеробе что-нибудь подходящее. Вы почти одинакового роста.

Мы поднялись на второй этаж и вошли в небольшую, уютную комнату, где стояли две кровати, стол, стулья, шифоньер, а в углу висела икона Божьей Матери. Маленький столик под ней был уставлен флаконами, дезодорантом, баночками и прочим.

- Вот наше с тобой логово, - сказала Лика. - Твоя кровать слева, кухня у нас внизу. Убираться и готовить обед будем по очереди: неделя моя, неделя твоя. А сейчас давай посмотрим, как тебя принарядить.

Она открыла шкаф и начала перебирать свои шмотки; через полчаса с ее помощью я облачилась в длинное серое платье. Голову повязала белой косынкой с крестом. Взглянув в зеркало, я с трудом себя узнала: монахиня и монахиня, даже в лице появилось что-то такое... духовное.

- Что надо, - одобрила Лика. - Будешь иметь успех.

- У кого?

- У наших клиентов.

- А кто они?

- Пенсионеры, ветераны, бабушки и дедушки, которым мы развозим посылки с продовольствием и одеждой. Список адресов висит в конторе.

- А где вы их берете? Посылки?

- Получаем через благотворительные фонды из-за «бугра».

- А откуда у вас деньги на зарплату сотрудникам, поездки и прочее?

- Это уж забота Леонида и Дениса. Кстати, они не очень любят, когда их об этом спрашивают. Учти это. Мое дело расписываться в бухгалтерской ведомости.

- Леонид действительно священник?

- Такой же, как мы с тобой монахини. Два года назад окончил театральное училище, а работы по специальности в Москве не нашлось...

- Но как же?..

- Не беспокойся, нужные документы у него есть. Считай, что ты попала в небольшую театральную труппу, которая каждый день разыгрывает один и тот же спектакль. Но наш бизнес по крайней мере никому не причиняет вреда, а даже наоборот - помогает беднякам.

После обеда Леонид сказал нам: - Девочки, сегодня ваша пло-

щадка - кинотеатр «Луч». Сейчас я вас туда подброшу. Снаряжение уже в машине. Пошли!

Мы с Ликой уселись на заднее сидение его «Жигулей». Здесь уже лежали две жестяные коробки для пожертвований и небольшой плакат, на котором я прочитала: «Помогая обездоленным, вы спасаете собственную душу. Доброта спасет мир! Духовная организация «Милость Христова».

Я чувствовала, как меня уносит с собой неведомая мне волна, но ни сопротивляться ей, ни даже задумываться над тем, что меня может ждать в будущем, не было ни сил, ни желания. Леонид подвез нас к внушительному зданию кинотеатра за полчаса до начала сеанса. Шел какой-то американский боевик, и народа собралось много.

- С Богом! - напутствовал он нас серьезно, не выходя из машины. - Приеду за вами через три часа.

Лика, надев на шею ремень с коробкой и придав лицу постное выражение, первой вылезла из машины, сказав мне:

- Не забудь плакат!

Поеживаясь от стыда, я взяла плакатик и, опустив глаза, пошла следом за ней. Мы остановились на площадке неподалеку от входа, и Лика, осмотревшись и перекрестившись, неожиданно запела громким хриловатым голосом «Аве Мария». Тотчас около нас собралась толпа. Я не смела поднять глаз и с ужасом почувствовала, что из-за нервного напряжения могу вот-вот рассмеяться. Щеки мои полыхали. Стараясь изо всех сил думать о чем-нибудь не смешном, я начала шевелить губами, будто подпеваю или читаю про себя молитву, и украдкой взглянула на толпу. У всех очень серьезные лица. Пожилых почти нет, сплошной молодняк. «Ну, от этих нам вряд ли что перепадет», - подумала я. Но как только Лика допела, к ее и моей коробке потянулись руки. И опускали не какие-нибудь десятки, а сотенные и покрупнее. Отдохнув, Лика затянула какой-то псалом. И снова благоговейное внимание и протянутые руки. Перед самым началом сеанса около нас остановились два модно одетых мужчины. По виду коммерсанты.

- А девочки что надо, - подмигнул один из них. - И косынки вам идет. Может быть, после сеанса посидим в кафе?

- Откачнись! - негромко ответила Лика, не глядя на него.

- А-я-я! Какой язык! Это вас в монастыре такому обучают? - засмеялся другой.

- Да, в Ипатьевском. Еще вопросы есть?

- Нет, сдаемся.

- Тогда бонжур покедова!

Едва мы от них отделались, как подошли три совсем молодых паренька.

- Эй, монашки! - обратился к нам их старший. - Скажите своему попу, чтобы подыскал для вас другое место, а то у него могут быть неприятности. Это наш участок.

- О чем это вы, отроки? - елеиным голосом спросила Лика.

- О том самом... Или платите за аренду, или больше здесь не промышляйте.

- Храни вас, неразумных, Господь! - все так же кротко проговорила Лика, перекрестившись. - Как вы можете грозить невестам Христовым? Ведь это великий грех, детки мои.

- Ну, ты нам здесь лапшу на уши не вешай!

- Сестра Прасковья! - обратилась ко мне Лика. - Сходите за милиционером, пусть он расскажет этим молодым людям об условиях жизни в колонии усиленного режима.

- Ну ладно же! - зловеще пригрозил старший. - Мы еще встретимся...

- В суде, юноша, в суде.

Когда они отошли, Лика, сузив глаза, проговорила:

- Никогда не давай спуска этой шпане, иначе на шею сядут. Это «наперсточники». У них вся Москва на участке разбита. Надо будет сказать Денису, чтобы предупредил их... Пройдем к универмагу, вернемся к следующему сеансу.

- Ты где выучила псалмы? - спросила я.

- Хожу по воскресеньям в церковный хор. Советую записаться и тебе. Во-первых, оттуда кое-что перепадает, во-вторых, там помогают поставить голос. Будем петь в терцию.

Через три часа за нами, как и обещал, к кинотеатру подъехал Леонид.

- Как прошло боевое крещение, - спросил он меня, когда мы у ourselves в машину.

- Привыкаю...

- Во второй раз будет полегче. А как улов? - обратился он к Лике.

- Средненький.

- Завтра начнем развозить посылки.

В тот вечер мы с Ликой долго не могли уснуть: я рассказала ей кое-что о своей жизни, конечно, кроме случая в лесу, она мне о своей.

- Ну, мне с родителями повезло меньше, чем тебе, - сказала она. - Отец и мать - алкаши. День-два работают, неделю пьют. С восьмого класса приучили к вину и меня. А с девятого стала жить с одноклассником Женей. Любил он меня, хотел после

школы жениться, да родители его взбунтовались. Я их не осуждаю: кому охота связываться с такой родней.

Сижу я однажды на бульваре, раздумываю, в какую организацию мне торкнуться. Нога за ногу, покуриваю...

Вижу, в мою сторону шагает молодой, интересный попик. Где-то в голове у меня сразу сработало: а что, если на время укрыться в монастыре? Поравнялся он со мной, а я встала и говорю:

- Священник, можно вам задать вопрос?

- Я вас слушаю, барышня.

Ну, ты догадалась, что это был Леонид. В глазах ласковое участие и внимание, голос приветливый, лицо чистое, свежее.

- Скажите, пожалуйста, как поступить в женский монастырь? Он нисколько не удивился, а участливо спросил:

- Что-нибудь случилось? Семейная драма?

- Что-то вроде этого.

- Нельзя ли поподробнее.

- Хорошо. Если у вас есть время, садитесь рядом, расскажу.

Он присел, и я ему без утайки выдала все, как было. Мол, погибаю в цвете лет, помогите спастись. Вот так и попала в его «шарашку». В школе я освоила пишущую машинку и стенографию, так что, пришлось им ко двору. Он парень добрый и как мужик на высоте, одна только слабинка есть: очень уж любит красивых баб. Между прочим, на тебя он тоже глаз положил...

- Ты с ним живешь? - спросила я напрямик, хотя уже догадывалась об этом раньше.

Лика с укоризной склонила голову набок.

- Света, не задавай детских вопросов.

- А где вы встречаетесь? - не унималась я.

- У него есть неплохая двухкомнатная квартира недалеко от нашей конторы. Купил за пару миллионов, когда еще не очень дорогие были.

- Так он миллионер?

- А ты думала! Благотворительность - такой же бизнес, как и любой другой. Ты думаешь, все, что мы получаем оттуда, идет инвалидам и пенсионерам? Большую часть скупают коммерсанты и продают в своих «комиссионках» или на толкучке.

XX.

Развозить посылки было куда интереснее, чем собирать пожертвования с кружкой. На другой день мы с Ликой объехали десятка два адресов. Сам Леонид сидел в своей кожаной куртке

за рулем и ни разу не вышел из машины. Лика мне наедине объяснила: - Он не любит в гражданском засвечиваться.

Так прошел почти месяц. Я перевезла свои вещи от Клавдии Ивановны, а маме написала, что устроилась переводчицей в одной фирме. Лика часто ночевала на квартире Леонида, свободного времени у меня было много, платил он нам щедро, так что я совсем было, воспрянула духом, часто ездила в центр, бродила по магазинам и выставкам. Одно все же тайно угнетало: чувствовала, все это ненадежно, временно и надо где-то устраиваться по-настоящему. Удивительно, что Леонид ни разу не сделал попытки со мной сблизиться или хотя бы намекнуть на это. То ли сестра Мария предупредила его, что с ней шутки плохи, то ли у него на мой счет были какие-то чисто деловые планы. Вскоре моя догадка подтвердилась: Леонид попросил меня сфотографироваться для удостоверения личности, и обязательно в монашеском одеянии. Через несколько дней он протянул мне небольшую книжечку, где я прочитала: «USA. The Good Will Mission» (США. Миссия Доброй Воли). А ниже, рядом с моей фотографией тоже английскими буквами напечатано: Praskovia Ivanova. И внизу круглая печать с американским орлом.

- Это мне? - удивилась я.

- Вам, Светлана. С сегодняшнего дня у вас новая фамилия и новая должность. Теперь вы сотрудница американской благотворительной организации Good Will, сестра Прасковья Иванова.

- А как же с моим паспортом и с настоящей фамилией?

- О ней на время забудьте, а паспорт с собой не носите. Везде, где требуют документы, показывайте эту книжечку. Не забывайте, что у нас иностранцев уважают, а американцев особенно.

Денис привез новую партию посылок. Когда мы их развезли, одна оказалась лишней, и Леонид мне сказал:

- Сейчас мы с вами поедem к одному интересному человеку. Это в другом районе. Он нумизмат. Знаете, что это такое?

- Нет.

- Коллекционер старинных монет. Вообще-то он историк и археолог, но всю жизнь увлекается коллекционированием. Ему уже за восемьдесят. Зовут Аркадий Илларионович Филиппов. Вы предъявите ему свое удостоверение, он знает английский. Объясните ему, что служите сестрой милосердия в американской миссии Доброй Воли, которая размещается в здании генерального консульства США. Адрес вот на этой карточке. Скажите ему, что в среде американских историков его имя известно, и миссия готова оказывать ему и дальше материальную помощь. Добавьте, что в буфете миссии можно по льготной цене заказать кофе, фрукты, соки и прочее.

- А если он закажет?

- Запишите себе в блокнотик, и через день мы все это ему доставим.

- Это все?

- Не совсем... Если он захочет показать вам свою коллекцию, постарайтесь запомнить все, что сможете. Особенно обратите внимание на старинные золотые монеты, церковную утварь, кресты, иконы и другое. Заодно, запомните план его квартиры и обратите внимание на то, как он запирает входную дверь...

- Уж не собираетесь вы его ограбить, Леонид?

- Ну зачем же так прямолинейно? Просто кое-что конфискуем в интересах науки. Не удивляйтесь. Человек он пожилой, сердечник, часто прихварывает, не ровен час, в один прекрасный день неожиданно отправится в края обетованные. И кому, вы думаете, достанутся эти сокровища? В лучшем случае районному краеведческому музею, где их немедленно разворуют. Уж не говоря о том, что половину присвоят себе те, кто попадет в квартиру раньше других. А мы сохраним эту прекрасную коллекцию в целости. Надежный покупатель уже есть...

- Но в случае провала это же тюрьма.

- Все мы под Богом ходим, Светлана. Да и вины вашей не будет. Вы выполняли мою просьбу, полагая, что имеете дело действительно с американской миссией. Одно могу обещать вам твердо: хозяина мы пальцем не тронем. Сразу же после окончания операции я устрою вас на квартире, вручу кругленькую сумму, и мы с вами расстанемся навсегда.

Мы остановились у обочины шоссе.

- Третий дом отсюда, - сказал Леонид. - Кремовый, вход со двора. Жду вас здесь. Не торопитесь. С Богом!

Он открыл багажник, я взяла довольно увесистую посылку и, не оглядываясь, пошла к кремовому дому.

Как и все другие, Филиппов долго не открывал дверь, расспрашивая, кто я и откуда, и только после того, как я просунула ему в щель свое удостоверение, решил снять цепочку. Маленький, совершенно белый и щуплый старикашка в сером свитере и в теплых носках. Впустив меня в прихожую, он спросил по-английски с плохим произношением:

- Вы из американской миссии?

- Да, мистер Филиппов, - бойко ответила я. - Наша миссия при консульстве Соединенных Штатов, оказывает помощь русским ученым, которые в этом нуждаются. Распишитесь, пожалуйста, з получении посылки.

- Спасибо! Все это так неожиданно... Откуда вам известен мой адрес?

- Этого я не знаю. Наша миссия поддерживает связь с Министерством культуры. Возможно адреса мы получаем через них. В научных кругах Соединенных Штатов ваше имя известно, - продолжала я отважно врать, уже по-русски, удивляясь сама тому, как все это естественно и правдиво звучало.

- Насколько я понял, в Америке есть богатые люди, заинтересованные в моей коллекции? - спросил он с усмешкой.

- Об этом мне ничего не известно, - смутилась я.

- Ну хорошо, хорошо. Посмотрим, чем вы меня порадовали.

Филиппов снял упаковку и начал разбирать посылку. Я испугалась, как бы в ней где-нибудь не оказалось русской надписи или нашей консервной банки, но Леонид все предусмотрел.

Набор был приличный: банка свиной тушенки из Новой Зеландии, голландский сыр, бразильский кофе, индийский чай, ананасовый сок и прочее. Все это можно было купить в любом коммерческом магазине, так что, собрать «зарубежную» посылку труда не составляло.

- И все это мне безвозмездно? - спросил Филиппов.

- Конечно.

- Ну что же, передайте мою благодарность руководителям вашей миссии. Но я могу и заплатить...

- Нет, нет.

- А вы ведь русская?

- Русская, Аркадий Илларионович. Сестра Прасковья. - Подражая Лике, я постаралась придать своему лицу благочестивое выражение и слегка поклонилась.

- Как же вы прибились к американцам?

- Меня пригласили через нашу игуменью. Благодаря знанию английского.

- Ну, не буду допытываться. Если не спешите, выпейте со мной кофе.

Я не спешила. Филиппов пригласил меня в большую комнату, уставленную высокими застекленными книжными шкафами. Судя по старинным корешкам, книги были еще дореволюционных изданий.

В промежутках между ними стояли невысокие шкафчики с выдвижными ящиками. На стенах висели картины в тяжелых, под бронзу, рамах.

- Пока я буду возиться на кухне, - сказал Филиппов, - вы можете посмотреть мою коллекцию античных монет и фигурок. Вот здесь, под стеклом. Вас интересует старина?

- Очень. Я еще в школе увлекалась историей.

На этот раз я говорила правду.

Он ушел на кухню, а я начала осматривать под стеклом в ячейках какие-то зеленоватые металлические кругляшки с полустершимися изображениями богов, бронзовые и керамические фигурки животных и все такое. Может быть, для специалиста они и представляют какую-то ценность, а мне показались так себе. И ни одной золотой монеты.

Хозяин принес в маленьких чашечках кофе и печенье, и тут же начал разговор о Евангелии от Матфея, где он нашел какие-то противоречия. Я слушала ни жива, ни мертва. Вдруг спросит о моем мнении... Но обошлось. Как только он замолчал, я встала, поблагодарила за кофе и сказала:

- Извините, мне пора. Меня уже заждался шофер из миссии.

- Так что же вы его не пригласили?

- Опасается надолго оставлять машину. Кстати, если хотите, можно заказать через наш буфет кое-что из продовольствия. Через день я привезу.

- Удивительно! Вот и верь рассказам о том, что на Западе все только и думают, что о деньгах.

XXI.

После второго визита к нумизмату, которому Леонид, кроме заказанного, купил еще всякой всячины, я сказала ему:

- Вы знаете, этот дедушка, кажется, в меня влюбился... Он сказал, что если бы я не была монахиней, то хотел бы меня удочерить...

- А у него губа не дура. Вот это уже кое-что. Ну что же, будем готовиться к прощальному визиту. Насколько я понял, жильцов на его площадке между девятью и двенадцатью вы не встречали?

- Нет.

- Остановимся на десяти утра.

«Прощальный визит» прошел на удивление спокойно. Пока мы пили кофе, Филиппов прямо-таки пожирал меня глазами, жаловался на одиночество и просил навещать его как можно чаще. Затем язык его стал заплетаться, он пожаловался на усталость, извинился, прошел в спальню и тут же повалился на диван. Таблетку снотворного дал мне Леонид, поклявшись, что вреда от нее не будет. Как и договорились с ним, я тут же вынула из своего пакета книжку в красной обложке, поставила ее на подоконник, как условный знак, и отодвинула в двери защелку английского замка. На площадке никого. Минуты через три в прихожую вошли с большими сумками Леонид и Денис...

Через полчаса эти сумки были набиты до отказа. Денис пока-

зал глазами на картины, но Леонид отрицательно покачал головой. Иконы и церковную утварь из сундуков они уже упаковали. Филиппов продолжал похрапывать на диване, уткнув наполовину лицо в подушку.

Первым вышел, с трудом неся две сумки, Денис. В окно было видно, как он погрузил их в багажник машины. Вслед за ним вышел Леонид. И лишь после того, как они оба уселись в машину и выехали со двора на шоссе, я, вышла на площадку, захлопнула дверь и стала неторопливо спускаться вниз. В поджидавшей меня машине я сняла монашеское одеяние, переделалась в приготовленные заранее платье и куртку и вдруг почувствовала, как меня начал бить озноб.

- Мне холодно, - пожаловалась я Леониду.

Он молча достал из бардачка плоскую фляжку с коньяком.

- Согрейтесь.

Я отхлебнула пару раз и почувствовала, как меня охватило теплой волной, а вместе с ней пришло что-то вроде успокоения. «Такова жизнь», - вспомнила я французскую поговорку, всматриваясь в уже голые мокрые липы по сторонам и стараясь не думать о том, что ждет меня впереди.

На следующий день я собрала свои вещи, простилась с Ликой и спустилась вниз, где Леонид ждал меня в машине. Я обратила внимание на его новую стрижку: косички как не бывало, обыкновенная «канадка» и обыкновенный парень, ничем не напоминающий духовное лицо.

- Вот ваша доля, Света, - протянул он мне пачку денег в целлофановом пакете. - Думаю, на полгода вам хватит. Советую половину положить в банк или купить на них акции какого-нибудь фонда. Только не клоньте на рекламную наживку мошенников.

На квартиру он меня устроил в большущем, на весь квартал, красном доме, неподалеку от метро «Университетская», к старушке, которая после смерти мужа сдавала одну из комнат.

- Отдыхайте, Света, от трудов праведных, - сказал Леонид, когда мы остались одни. - Звонить мне не надо. Свою контору мы с Денисом ликвидировали, так что отец Иероним почил в бозе. Прощайте.

Он поцеловал меня в щеку и вышел. Ах, как мне стало снова одиноко и нехорошо! Вошла хозяйка.

- Жених привозил?

- Жених.

- Видать положительный молодой человек. Интеллигентный такой, не то, что нынешние

XXII.

Первую неделю на новом месте я наслаждалась тем, что не надо было ничего делать. И вдруг решила съездить в Ленинскую библиотеку. Слава рассказывал мне, что во время летних каникул специально ездил в Москву, чтобы почитать здесь редкие книги; тогда он еще мечтал об аспирантуре.

Какая здесь особенная тишина, хотя народа полно! Прямо какой-то остров посреди московского шума и гама. Заказала роман Хемингуэя «По ком звонит колокол» на английском. Хорошее название, что-то в нем тревожное, и успокаивающее в одно и то же время. Давно хотела прочитать после лекции нашего преподавателя, да все как-то не хватало времени. Раскрыла и увлеклась так, что не заметила, как подошло время обеденного перерыва.

Выйдя из библиотеки, я подошла к киоску, где продавали сигареты, жвачку, апельсины, бананы, «сникерсы» и прочее. В очереди передо мной два симпатичных парня с сумками. Сразу видно - фирмачи: оба в дорогих кожаных пальто и темных норковых шапках, на пальцах золотые перстни, в осанке и движениях особая уверенность людей, которые знают себе цену. Я заметила, что в последние два-три года похожих парней появилось довольно много, и держатся они как настоящие хозяева жизни. Парни набили свои сумки фруктами, подождали пока я купила сигареты, и вдруг тот, что с усами, протягивает мне связку бананов.

- Угощайтесь!

- С какой стати? - опешила я.

- Не удивляйтесь, перед вами два преуспевающих бизнесмена. А вы нам очень понравились.

- Спасибо, конечно, но...

- Никаких «но»! Меня зовут Артем, а его Петр. Собрались перекусить в ресторане, приглашаем и вас.

- Нет, ребята. Не могу!

Отказываюсь, а сама чувствую: не устою от соблазна. Сто лет не была в ресторане, тем более, в столичном. Ребята вежливые, интеллигентные, не какая-нибудь шпана. А может быть это моя судьба...

В ресторане на Арбате их уже знали, официант тут же подошел к нашему столику и быстро принес то, что они заказали, в том числе бутылку дорогого ликера и две шампанского. И снова я почувствовала, как меня уносит какая-то волна. Куда, в какое море? Прибьет ли к берегу? И какому?

Ребята оказались вежливыми, сдержанными, предупредительными. Ни одного грубого слова или жеста. Из их намеков я поня-

ла, что они владеют в центре одним из казино и каким-то салоном интимным знакомств. Пришлось выдать себя за аспирантку-заочницу, которая приехала на месяц в Москву, чтобы поработать в «ленинке». Итальянское шампанское оказалось на редкость вкусным, как и ликер, так что через полчаса я, что называется, дошла и призналась своим новым знакомым, что боюсь, как бы моя квартирная хозяйка не устроила мне за это разгон.

- Нет ничего проще, - отдохнете до вечера у меня и явитесь к своей бабушке, как стеклышко.

И в тоне никакого намека на что-нибудь такое.

- А удобно ли это? - спросила я. - Вы, наверное, женаты?

- Перед вами два закоренелых холостяка, Света. Так что, сцен ревности не будет. Кстати, родители уехали отдыхать на Майорку, дома только тетя Тося, она будет вам рада.

«А, в самом деле, как все удачно складывается, - подумала я. - Интересно, где находится эта Майорка? Что-то такое я слышала...»

- Там, наверное, пальмы, пляжи и все такое? - спросила я.

- Где?

- А на Майорке.

Артем переглянулся с Петром.

- Ах, там! Ну как же, известный мировой курорт. Как-нибудь туда съездим, отдохнем пару недель.

- Вы это серьезно?

- Нет проблем, - подтвердил и Петр. - Каких-нибудь десять тысяч долларов.

- А в Париж вы тоже ездите? - зачем-то спросила я.

- Конечно, - отозвался Артем и закашлялся. - Правда, последнее время не часто: дела заедают.

«Господи, до чего с ними интересно, - думала я. - А я еще каких-то иностранцев искала. Такие чудесные парни».

- Вы там по-французски говорили? - спросила я.

- По-французски, - подтвердил Петр. - Парле ву франсе? Силь ву пле.

- Шерше ля фам, - добавил Артем. - Бонжур, месье Абажур!

- А я владею английским, - похвалилась я заплетающимся уже языком. - Ай спик инглиш.

- Прекрасно! - сказал Артем. - Так что, теперь мы сможем кататься по всему земному шару.

Ребята подождали официанта и начали расплачиваться. Я мысленно ахнула, увидев мелочь, сколько они отвалили за наш обед. Взяли такси и поехали по Ленинградскому проспекту. Квартира Артема находилась недалеко от метро «Сокол». Тетя Тося и вправду оказалась очень приветливой. Женщина средних лет, модно

одетая, степенная. Нисколько не удивившись моему приезду, она отвела меня в небольшую спальню и сказала:

- Отдыхайте, почувствуйте себя как дома.

Едва я начала снимать кофточку, как вошел Артем.

- Давай помогу... - сказал он с доброй улыбкой.

Я не возражала... Так начался наш медовый месяц. Приезжала я к нему через день. Содержал он меня щедро, почти при каждой встрече что-нибудь дарил. Не очень дорогое, но все-таки приятно. Вскоре я догадалась, что сам он здесь не проживал, а хозяйкой квартиры была тетя Тося, которой он платил за две комнаты из трех. Никакой она не была ему родственницей, а когда я однажды спросила ее, скоро ли возвращаются родители Артема с Майорки, она только покачала головой и проговорила:

- Ах, дитя доверчивое. Какие родители, какая Майорка?

И еще одно открытие сделала я, и очень неприятное: время от времени в квартиру набегали разряженные и развязные девчонки, которых тетя Тося угощала на кухне бутербродами, пирожными и кофе. С Артемом они были на «ты», иногда уединялись с ним в спальне и вели какие-то расчеты, на меня посматривали с насмешкой, как на провинциалку, хотя я одевалась не хуже их, но не так криливо.

Однажды, в субботу, я застала у него целую компанию парней и девушек. В большой комнате хозяйки был накрыт стол с закусками и винами, некоторые сидели за этим столом, другие танцевали, а несколько человек в сторонке играли в карты на деньги, за небольшим столиком. Артем был крепко навеселе и тут же налил мне рюмку коньяка.

- Угощайся, - пригласил он. - У нас с Петром сегодня удачный день: заключили перемирие с конкурентами. Поэтому немного перебрал. Не обращай на меня внимания.

Он отошел к столику, где играли, а ко мне тотчас прибился длинный носатый парень в черном костюме и с галстуком-бабочкой.

- За знакомство! - протянул он мне бокал с вином. - Друг вашего Артема - Геннадий.

- Извините, - отказалась я. - Мне надо отлучиться.

Подошла к карточному столику, там Артема уже не было. Нашла его в спальне: совсем уж опьяневший, он похрапывал в кресле, откинув назад голову. Попробовала разбудить его, чтобы сказать, что уезжаю, но он не проснулся. В дверях стоял носатый все с той же сальной усмешкой.

- Что готов дружок?

Он вдруг грубо обхватил меня за талию и притянул к себе. - Поедем ко мне, хорошо заплачу.

Я вырвалась, оттолкнула его и попыталась выскочить из спальни, но он левой рукой схватил меня за плечо, а ладонью правой ударил по щеке.

- Ах, ты, продажная тварь! Ты кого передо мной разыгрываешь?

Никогда в жизни меня еще так не оскорбляли. Я разрыдалась, закрыла лицо руками и, спотыкаясь, пошла в прихожую одеваться. Тетя Тося пыталась меня успокоить:

- Не расстраивайтесь, завтра Артем во всем разберется.

Действительно, на другой день к вечеру Артем приехал за мной сам.

- Одевайся, прогуляемся, - сказал он хмуро.

Во дворе в «Мерседесе» за рулем сидел Петр, а рядом с ним какой-то рослый мужик. Когда машина тронулась, я почувствовала, как под ногами перекатываются железные прутья. Мы долго плутали по улицам, пока не выехали на пустырь, застроенный гаражами. Петр медленно повел машину мимо боксов, всматриваясь в номера, затем свернул в проезд, тускло освещенный лампочками, и остановился на полпути.

- Развернись и не глуши мотор, - проговорил Артем. - Ты из машины не выходи, - обратился он ко мне.

Взяв по пруту, все трое вышли и направились к открытому боксу впереди. Через заднее стекло я увидела, как они вошли в ворота бокса, затем раздался вопль, из гаража выбежал с разбитым лицом Носатый и, смешно вскидывая ноги, промчался мимо меня. Из бокса доносился звон разбитого стекла и лязг железа. Точно по команде, все другие ворота закрылись. Минут через десять Артем и его приятели вернулись, и мы выехали на главную дорогу.

...Примерно через неделю после этого случая Артем, одеваясь после нашего свидания, сказал:

- Хочу попросить тебя об одном одолжении. Не могла бы ты оказать внимание одному коммерсанту из Омска, с которым наша фирма поддерживает связи?

- В каком смысле? - удивилась я.

- В том самом... - усмехнулся Артем. - Переспешь с ним одну ночь в этой самой комнате, только и всего. Ужин тетя Тося приготовит.

- Но это же... После всего, что у нас было с тобой!

- Какая ты еще деревня! Сейчас это в порядке вещей.

- А как же ты сам после этого?

- Интимные встречи мы на время прекратим. Так надо... Заплатит он валютой. А, вообще, на будущее, все, что будешь полу-

чать за такого рода услуги, будешь отдавать мне, а я тебя не обижу.

- И это предлагаешь мне ты? После всего!

- Оставь, пожалуйста, этот детский всплеск эмоций. Бизнес есть бизнес. Или, ты думаешь, у меня монетный двор?

- Значит, все эти девочки, которые забегают сюда, тоже работают на тебя?

- Какая ты умница! И как быстро догадалась!

- Ну, уж нет! Лучше я вернусь домой. Верни мне паспорт, и будем считать, что это встреча была последней.

Я начала молча одеваться. В прихожей ко мне подошла тетя Тося.

- Ну чего ты, глупая, упираешься? - начала она. - Артем тебе только добра желает. Полгода поработаешь и обеспечишь себя на несколько лет. Сможешь открыть какое-нибудь свое дело. В такое время живем, деточка...

XXIII.

... Коммерсант из Омска уплатил мне сто долларов. Довольно симпатичный дядя средних лет, отец семейства. Откровенно рассказал, что у него две дочери на выданье, а жена болеет, и он с нею как муж не живет. Не знаю, может быть и врет, но зачем ему оправдываться передо мной? Стодолларовую бумажку я отдала Артему, не скрывая презрения к его бизнесу. Он протянул мне в обмен пятьдесят тысяч рублей.

С тех пор я начала принимать «гостей» чуть ли не каждую ночь и как-то отупела. Москва мне опротивела, все стало безразличным, все чаще нестерпимо тянуло домой, в Загоруйск. Но Артем тянул с паспортом. Наступил декабрь. Незадолго до Нового года я приехала к тете Тосе около двенадцати дня, чтобы узнать, будет ли сегодня клиент, но Артем еще не появлялся.

- Что-то задерживается, - забеспокоилась она. - Такой всегда аккуратный...

Прошел еще час, и вдруг дверной звонок. Но вошел не Артем, а Петр. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: что-то стряслось. Он долго молчал, словно раздумывая, говорить или не надо, и, наконец разжал губы:

- Артема убили...

- Когда, где? - вырвалось у меня.

- Час назад. Выходил из кафе, а его из автомата... Из подъехавших «Жигулей». Я как раз расплачивался и задержался, а то бы и меня.

- Какой ужас! - простонала тетя Тося. - Как же теперь мы?

- Придется на время все свернуть. Передайте девочкам, что контора закрывается. Тебе тоже, - повернулся он ко мне, - сюда больше приходиться нельзя.

- А мой паспорт? Он у Артема...

Петр помолчал.

- Ты бы видела, во что они превратили твоего Артема...

Я заплакала и стала собираться. Дома пролежала двое суток. Хозяйке сказала, что заболела. Да так оно и было: устала так, будто отработала две смены где-нибудь на заводе, и полная опустошенность, ничего не хочется: ни есть, ни спать, ни двигаться. Ну вот, разрублен и еще один узел в моей нескладной жизни, пора собираться домой, там помещу объявление о потере паспорта и через месяц получу новый. На третий день утром встала и подошла к зеркалу. Ну и видик... Глаза припухли, лицо какое-то помятое, на голове копна спутанных волос. На левой щеке все еще краснел небольшой прыщик, который появился с неделю назад.

Я его и одеколоном смачивала, и припудривала, а он все краснеет. Ба, за эти дни около уха появился еще один... Я внимательно осмотрела себя и заметила на другой щеке еще несколько маленьких... Страшное подозрение сдавило мне горло. Нет, только не это! Лучше уж СПИД... Скорее к врачу-кожнику, чтобы успокоил. Трясущимися руками начала причисываться и одеваться. Второпях умылась, выпила кофе, накинула шубку, спустилась во двор и тут же остановилась. Легко сказать: к врачу, а куда? В поликлинику без паспорта не запишут, да и стыдно при людях ждать своей очереди у той двери... Значит, надо искать платного, по табличкам на стенах, возле которых порядочным людям неудобно останавливаться. А что делать?

Доехала на метро до Пушкинской площади, поднялась наверх и побрела по Цветному бульвару, всматриваясь в стены. Вот и то, что мне надо... Осмотрев меня старичок-врач вымыл руки и печальным голосом сказал:

- Анализы будут готовы послезавтра, но, боюсь, ваши подозрения подтвердятся. Все симптомы налицо... Вы не отчаивайтесь, будем лечить. Правда, по нынешним временам стоит это недешево. На одни лекарства цены подпрыгнули до небес.

Слушаю его, а в голове у меня какой-то шум, будто река журчит. Стараюсь прикинуть, хватит ли у меня денег на лечение, но никак не могу подсчитать.

- Хорошо, я подумаю.

Вышла снова на бульвар. Погода чудесная, солнышко, морозец, под ногами поскрипывает снежок. Люди готовятся к Новому году, вон какой-то дядя несет на плече перевязанную елку, а за

ним женщина катит сумку-тележку, набитую пакетами. Боже, какое это великое счастье вот так, со спокойной совестью, готовиться к празднику, знать, что тебя где-то ждут, что ты кому-то нужна!

Увидев аптеку, я машинально направилась к ней, еще не зная, зачем. словно какая-то чужая воля подсказала мне: зайди! Наклонилась над витриной: сердечно-сосудистые - не то; желудочные - не надо; успокоительные; демидрол... Заплатила за одну упаковку. Зачем? Не хочу об этом думать. Просто без снотворного я сегодня опять буду мучиться бессонницей. Куда теперь? На квартиру к хозяйке? Ой, как не хочется. Попасть бы сейчас под машину, только так, чтобы сразу, не мучиться... Нарочно пошла через перекресток на красный свет, опустив голову. Рядом завизжали тормоза, и возмущенный голос из машины закричал: «Ты что, дура, очумела или набралась!» Ах, если бы ты, мужик, знал, насколько прав: очумела, да так, что сама жизнь потеряла для меня смысл. Просто не могу и не хочу думать о будущем. Нет его у меня, и никогда уже не будет. А раз так, зачем тянуть?..

Дома бабушка смотрела американский детектив, а я ушла в свою комнату, села за стол, нашла листок чистой бумаги, и написала: «Дорогая мамочка! Я решила уехать в Новую Зеландию. Поэтому домой не вернусь. Прости за то, что столько раз тебя огорчала. Больше этого не будет. Передай привет Славе. Прощай! Твоя Света». Запечатала листок в конверт, написала адрес и оставила письмо на столе.

Был одиннадцатый час вечера. Хозяйка уже легла спать. Я прошла на кухню, налила в стакан воды, вернулась к себе, разделась, развернула пакетик с таблетками и присела на кровать... Хорошо бы сейчас помолиться, да не знаю как это делать. Почему-то вдруг вспомнился роман «По ком звонит колокол». Хорошее название, что-то в нем есть вечное, настоящее... Ну же, смелее, все ведь решено! Одна таблетка и глоток воды, вторая, третья, четвертая...

Здравствуй, папа! Встречай свою Свету...

«СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ - ЛИШЬ СТУПЕНЬКА В ПУТИ...»

Андрян ГРИГОРЬЕВ

Андрян Григорьев родился и вырос в деревне Караульная Гора Октябрьского (ныне Нурлатского) района республики Татария.

Закончил Казанский государственный медицинский институт. Ныне работает психоневрологом в Центральной районной больнице Новомалыклинского района Ульяновской области.

С творчеством Григорьева знакомы читатели по публикациям поэта в районных газетах «Дружба» (г. Нурлат) и «Звезда» (р.п. Новая Малыкла). Постоянно и плодотворно заниматься поэзией Андрян Григорьев начал с 1992 года.

В его стихах отчетливо проступают личностная суть автора, его судьба и жизненная позиция, отношение к непреходящим ценностям, Любовь...

Дебютируя в «Черемшане», Андрян Григорьев предстает перед димитровградскими читателями как человек талантливый. А. Григорьев - автор книги «Ступени», вышедшей в издательстве «Черемшан» (г. Нурлат) в 1999 году.

Весной прошлого года я был приглашен в библиотеку райцентра Новая Малыкла, где собрались местные литераторы.

Собрание открыл известный и старейший в области журналист Александр Роleder, который рассказал, что в районе за последние годы появилось несколько молодых и талантливых авторов, пишущих стихи и прозу.

- К сожалению, - отметил он дальше, - все они разобщены и нуждаются в квалифицированной литературной помощи. Назрела необходимость создать в Новой Малыкле литературную группу, периодически проводить занятия, на которые нужно приглашать писателей из Димитровграда...

Так новомалыклинцы создали самое молодое в нашей области литобъединение и нарекли его символическим именем «Родник». Теперь на его занятиях молодые литераторы читают свои стихи, рассказы, обмениваются опытом литературной работы.

Особый интерес у меня вызвали стихи врача из районной больницы Андряна Григорьева. Я познакомился с этим интересным человеком и автором поэтического сборника «Ступени».

Стихи Андряна, как правило, немногословны, миниатюрны. Они привлекают нас искренностью, переживаниями автора, разнообразием тематики и философичностью.

Недавно Григорьев приехал ко мне с большой рукописью новых стихов, прочитав которые, я еще раз убедился, что мы имеем дело с незаурядным дарованием, что его стихи и есть своеобразная ступень в большую литературу.

Евгений ЛАРИН.

Трава зеленая
под солнцем нежится,
И птичка шустрая
летит к ручью.
Деревня милая
мне часто грезится-
В ее объятия
попасть хочу.

Там речка с горкою
весной целуется;
Их шепот слушаю
я чуть дыша.
Там сердце чуткое
всегда волнуется;
Там песни светлые
поет душа...

Приходит день, уходят сны,
Волна сменяется волною;
И снова пир среди чумы,
И снова крики за спиною.

И снова плач со всех сторон,
Всяк о своем, как самом главном...
И словно карканье ворон
Плывет над нашим полем бранным...

Конца пути все нет и нет
К давно обещанному раю.
Тебя, Россия, много лет
Ведут у пропасти по краю.

Где ветер-бродяга ласкает
Высокой надежды крыло,
Там дух мой свободно витает,
Несчастьям и бедам назло.

Там в царствии вечных скитаний
Высоких творений полет,
Там музыку сладких мечтаний
Волшебная скрипка поет...

Чужая боль мне душу бередит;
И сердце жгут досада и обида.
А птица счастья мимо все летит,
И исчезает медленно из вида.

Чужие слезы застилают мир.
Несчастьям, бедам нет конца и края.
А рядом громкий и нахальный пир,
И дикой страсти бестия нагая...

То, о чем не писано,
И о чем не сказано,
За семью печатями
В подсознание спрятано.
Словно заколочено
В темном подземелии,
Недоступно дьяволу,
Неподвластно времени...

Новые пророчества,
Таинства грядущего,
Все надежно спрятано
До момента лучшего.

В узких аллеях
желтого сквера
Плачет дождями
тоскливая осень.
Падают листья
справа и слева,
Плачет и ива
плакучая очень.

Плачут и окна
вашего дома,
Мокрыми стеклами
грустно мигая.
Плачет все небо
тихо, без грома,
Грустные слезы
на землю роняя...

Жизнь моя, куда ты мчишься
Год за годом все быстрее?
Может ты мне только снишься?
Только кажешься моей?

Может то, что происходит,
Это с кем-то, не со мной?
Может день, что на исходе,
Был чужой, а не родной?

Может глупую обиду
Затаил совсем не я?
Может то, какой я с виду,
Это только тень моя?

Может прихоти, пороки
Это тоже не мои?
Может это лишь намеки,
Только внешние слои?

Может были все впустую
Эти вздохи при луне?
Если та, о ком тоскую,
Не вздыхает обо мне?

Как студёная истома
Заявилась вдруг -
Серебристо - невесомо
Стало все вокруг.

Белой шалью принакрывшись,
Дремлют деревья.
И висит бездонной крышей
Неба синева...

Ночь пришла - спать пора;
Закрывайтесь глазки.
Пусть всю ночь, до утра,
Снятся дочке сказки.

Входят сны в каждый дом;
В дреме вся округа.
- Спи, - поют за окном,
То метель, то выюга.

*Сладко спит на печи
Кот. Под печкой мышка.
Ты не плачь, не кричи,
Засыпай, малышка.*

*Где нынче та, кто лишь шутя
Улыбкой сердце мне пронзила,
Кто годы многие спустя
Желанна мне и мной любима.*

*Чей смех, чьи милые черты
Мне также снятся под луною,
Ну, где же, милая, где ты?
Когда же свидимся с тобою?*

*А скажи-ка, закат,
Разве ты виноват,
Что кончается день голубой?*

*Виновата ль весна,
Что уходит она
И уводит любовь за собой?*

*Виноваты ли мы,
Что дождались зимы,
Что дорожки метель замела?*

*Виноват ли туман
За любовь, за обман,
За обманные дни и дела?*

*Пили мы под луной
У горы Караульной,
Как из чаши одной
Из реки тихоструйной.*

*Унесли те года
Быстроходные лодки...
Разбрелись кто куда
Земляки-одногодки.*

Разошлись мы в пути,
Словно ветви на древе,
По Великой Руси -
Кто на юг, кто на север.

Кто на Дальний Восток,
Кто на Запад подался,
Только Волги приток
Там же - в душах остался.

Нам бы встретиться вновь
У горы Караульной,
Нам бы нашу любовь
Дать реке тихоструйной.

Как из чаши одной
Из реки той напиться,
Чтобы вновь под луной
Навсегда породниться!

По тропинкам детства
бегал здесь когда-то,
Босыми ногами
поднимая пыль.
Здесь ходил я в школу,
уходил в солдаты,
Здесь влюбленным парнем
нежно нес ковыль.

Здесь порою юной
я бродил чуть пьяный
Не с вина, а с первых
прелестей любви.
Но о том лишь волны
знали Черемшана,
И о том все пели
ночью соловьи.

Здесь мои истоки,
что даны судьбою;
Здесь осенним ливнем
упаду я в пыль.
Здесь уйду я в землю,
прорасту травой,
Превращусь однажды
здесь в траву-ковыль.

Сегодняшний день
это только ступенька
Неровной дорожки
с провалом в конце.
Сегодняшний день
мы ругаем частенько
И сетуем, что небогато в ларце.

Сегодняшний день
это только попытка
Добраться, найти,
отворить и войти,
Сегодняшний день,
будь то радость иль пытка,
Сегодняшний день -
лишь ступенька в пути.

Помню образ твой печальный,
Черных глаз магнит,
Наши встречи, наши тайны
Память лишь хранит.

Все давным-давно уплыло,
Но осталась боль.
Значит, сердце не забыло
Глаз печальных смоль.

Не забыло те волненья
Трепетной мечты,
Те надежды и сомненья,
Что внушила ты.

Прощайте, вольные года,
Мелькнули вы
стрелой мгновенной.
Ох, я берег вас не всегда,
И не ценил, как дар бесценный.

Прощай и ты, мой нежный друг,
Моя мадонна с божьим ликом.
В часы свиданий и разлук
Не поминай меня ты лихом...

*Ты приходишь в сны мои,
Где тебя теряю снова,
Призрак счастья и любви,
Боль страдания бывшего.*

*Я ищу тебя, ищу,
Вновь и вновь найти пытаюсь.
Снова каюсь и грущу,
И от боли просыпаюсь.*

*Не верьте в случайность
случайных событий.
Оно не случайно -
падение звезды.
Есть меткий охотник
у всякой добычи.
Есть скрытые корни
у всякой беды.*

*Все мы ищем птицу счастья,
Чтоб попасть к ней под крыло,
Чтоб оно от бед, ненастий
Нас укрыло и спасло.*

*Строим храмы, рвемся к власти,
Но мечтаем об одном -
Поскорей у птицы счастья
Прописаться под крылом.*

*Бракуем мы, бракуют нас
И нету в этом криминала.
Но в сердце пламень не угас -
Мы снова пленники вокзала.*

*И ищем снова свой перрон
И вновь попутчиков меняем.
Садимся в новенький вагон
И призрак счастья догоняем.*

ЗАНОЗЫ

*Обидное слово занозою новой
У нас застревает в душе.
Покрепче обида - поглубже заноза,
Ее не достанешь уже.*

*И в зной и в морозы
мы ходим в занозах,
С иголками как на ежах.
И колем друг друга
мы снова и снова,
Склоняя во всех падежах...*

*Как меж пальцами водица,
Дни проходят, жизнь струится,
И никто не скажет - сколько
Дням моим еще журчать.*

*За страницу страница
К эпилогу жизнь стремятся,
И никто не сможет это
Отменить иль задержать...*

*Нагорный колокола звон
Летит, летит со всех сторон,
Пугая стаи воронья,
Надеждой потчуй меня.*

*Ласкает сердце, душу он -
Высокий, чистый перезвон,
К забытым истинам маня,
И веру в доброе храня.*

*На подъеме крутом укрепи Ты меня,
Не покинь на большой переправе.
Стала очень нужна мне поддержка Твоя,
Если даже просить я не в праве.*

*Дай терпения мне и смиренья в пути,
Приоткрой то заветное Слово.
За проступки мои, если можно, прости,
Подскажи - как не делать их снова.*

СЕМЬ ИСТОРИЙ О ЛЮБВИ

И НЕ ДАЙ БОГ!

Родился в городе Кузнецке Пензенской области. В 1965 году семья Журиных переезжает в Мелекесс, где в этом же году Олег пошел в среднюю школу № 23. После окончания школы была учеба в Ульяновском электромеханическом техникуме, затем служба в Советской Армии, работа по специальности в НИИАРе.

Когда Олег впервые соприкоснулся с литературным трудом, он понял, что ему необходимы и специальные знания. Поэтому поступил, а в 1987 году закончил филологический факультет МГУ. Примечательно, что его дипломная работа называлась «Особенности русского национального характера в ранних рассказах И.А. Бунина».

До 1990 года Журин работал школьным учителем в городе Калининграде. А когда вернулся в Димитровград, стал преподавать русский язык и литературу, затем психологию в своей родной школе № 23.

Единственная публикация Журина - рассказ «Феникс» была представлена на суд читателей «Димитровград-панорама» в 1995 году. В «Черемшане» - его дебют.

От одной мысли ломило зубы. Я давно был одинок, давно у меня не было женщины. Конечно, жена дома, сослуживицы на работе - это само собой. Но вот Женщины! - этого давно не было.

Были порой и встречи, чаще были взгляды, полувопросы, полунамёки, призывы, улыбки и пр. "Молодой человек, передайте, пожалуйста, билетик", "молодой человек, не подскажите, который час?" Конечно, я и билетик передам, и который часик подскажу, и все это сделаю вежливо, с милой улыбкой - но лучше бы ты провалилась, овца, блин, озабоченная. Они-то, наверное, казались себе тигрицами на охоте, а мне виделось, увя, лишь кошками. Бегающий взгляд, закомплексованные телодвижения, неуверенные, преувеличенно развязные жесты, вкрадчивый полупшепот, детская бравада bestолковой независимостью - всю это раздражало, бесило, выводило из себя.

А ведь хотелось встретить Женщину! Ту, что в книгах описывают, в кино обожествляют! Ну, о чём еще мечтать в маленьком городке с перспективой постепенного вымирания и полного забвения, когда от необъяснимой тоски остается лишь подпевать Максиму Леонидову:

Я живу теперь и тихо, и складно,
Но под вечер, обходя заведенья,
Я ищу в толпе глаза ее жадно -
То ли девочки, а то ли виденья...

Вот так я и живу. Вернее, жил до вчерашнего дня. Вчера я встретил Ее. Даже нет, просто наконец-то я её нашёл, потому что, действительно, искал долгое время, отбрасывая всё мелочное, серое, будничное. А когда нашёл, то удивился, какая же она простая. Проста я не в смысле "как три рубля" или обычная, как и все другие, а простая... ну, как очень близкая, что ли, - в общем, вы поймёте, а я не мастер объяснять.

А какие у неё глаза! Удивительные, нежные, печальные - два глубоких колодца, на дне которых, видимо, и жило моё счастье. Обалдеть!

Я стоял и тарасился на неё, как идиот, наверное, целую вечность. И поверите ли, она не уходила. Смотрела на меня и всё понимала.

Нет, любовь не "выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке", и не поразила нас, как "поражает финский нож", сразу же. Всё это, я надеюсь, будет потом. Ведь я знаю её только один день.

Но вот я думаю сейчас... Помните ту фразу из того фильма: "Жизнь начинается только после сорока!" Мне ещё нет сорока. Я встретил женщину, о которой мечтал, сейчас. А после сорока всё будет по-другому, будет другая жизнь? Нет, не хочу. Не хочу, не хочу!

Хочу эту жизнь, хочу сейчас, хочу, хочу, хочу!

Выньте и положьте!

И не дай бог!

Ну что жена, что семья?! И не уговаривайте! Да мне сейчас только Бога молить, чтоб сохранил то, что дал, чтоб не отнял последнюю надежду.

И вы молитесь, чтоб не отнял, чтоб сохранил последнее!

ОБЛОМ, БЛИН!

В ту ночь я шабашил. Прижало - крутись, колоти копейку.

На площадке осталось нас трое. Двое в машинах дремали, я курил на воздухе. Ночь была теплая, майская, звезды четко сияли на небе, каждая на своем месте. Не хотелось вспоминать о проблемах, о тяжелой, бесконечной зиме, в общем, ни о чем. Хотелось только вдыхать весенний воздух, смешанный с ароматом свежих листьев, расцветающей сирени и первых ландышей. Хорошо!

Стук женских каблучков вернул меня в реальный мир: кто-то явно торопился "прокатиться" со мной за полтинник.

- Девушка, подвезти?

- Пошел ты в жопу, все выкозлы...

Облом, да еще так грубо. Пьяная, что ли? Озлобленная, точно. Видимо, из кабака ползет. Ну, значит, не меня одного обломали.

Еще немного постоял, пассажиров не было, и я решил прокатиться по кругу - может, кого подберу. Она сидела на скамейке у остановки автобусов и редела. Я остановился, стало жаль девушку.

- Может, поедем? - спросил я.

- Давай вали!

- Да садись, бесплатно.

Она послала меня еще раз, я промолчал, но и с места не тронулся. Подождал с минуту и позвал еще раз.

- Садись, поехали.

Через минуту она садилась ко мне в машину, вытирая влагу под ресница-

ми. Лет девятнадцать - двадцать, не больше. Хорошенькая. Хотя видно, что уже пожила.

- Что, случилось-то? Поссорились, что ли?

- Продал он меня.

- Как продал!?

- А так! Подарил какой-то сволочи, такому же козлу, как и он сам. Должен был, видите ли. Мной расплатился, скотина.

- Круто!

- Сразу лапаты полез, стал на коленки к себе сажать.

- Это не смертельно.

- Ну-ка останови.

- Ну, извини, извини - это я пошутил неудачно. В общем, ты ушла?

- Сейчас, говорит, ко мне поедем. Поживёшь у меня, если понравишься.

"С чего это я у тебя жить должна?" - говорю ему. А он мне: "Будешь упрямым - мальчикам отдам". "Пошёл ты!"

Ну, выскочила я, а этот скот за мной бежит, уговаривает, вроде того: "Ты не беспокойся, это ненадолго, только дела поправлю".

- Ну и что ты?

- Врезала ему, чтоб запомнил. Пусть теперь ищет! Жалко, плащ кожаный там остался. Уж этот не забудет прихватить подарок свой! Всегда жмотом был. Разорился, видите ли, подарил единственную вещь за два года! Да я уверена, он меня продавал - вместе с плащом посчитал. Ха-ха-ха. Ненавижу гада!

Я не перебивал её - пусть выговорится, успокоится немного. Кружить с ней по городу тоже не было смысла: бензин-то не казённый.

- Домой, что ли?

- Нет у меня дома.

- ?

- У него жила.

- Может, всё обойдётся - помириться.

- Да пошёл он...

Мы помолчали, каждый о своём.

- А как насчёт, если ко мне?

- А мне всё равно. Меня же теперь можно продать!

Дома я сразу поставил кофейку, коньячку достал и что-нибудь перекусить стал собирать. Она несколько успокоилась, сидела в кресле, курила, с интересом осматривалась.

- Один живёшь?

- Уже один, савсэм адын.

- Развелись, что ли?

- Разбежались.

- Давно?

- Полгода будет.

- И что, никого!?

- Нет.

- Ну, ты даёшь! Переживаешь всё?

- Да как тебе сказать...

- Смотри ты! Я вижу, мужики, вы все с прибабасами, каждый по-своему.

- Да уж...

- А знаешь что! Я у тебя пока поживу. Ты же меня не выгонишь? И продавать уж, конечно, не будешь! А они пускай поищут!

В постели она сразу прижалась ко мне, уткнулась в шею и тихо заплакала. Я долго сначала гладил её по голове, потом долго целовал мокрое лицо и губы, по-детски маленькие груди. Она прижимала меня к себе и всё говорила, что мы два одиночества и теперь никому, кроме друг друга, не нужны. Вся ее прежняя резкость и злость исчезли, она была теперь совсем другой, нежной и заботливой, страстной. В темноте она казалась мне еще более красивой и желанной, она заставляла меня просто сходить с ума. Засыпая, я благодарил Бога, что нашел своё счастье, и был уверен, что утром никуда не отпущу ее и никому ни завтра, ни послезавтра и никогда ее не отдам.

Она встала рано, что-то приготовила и, когда кормила, всё смотрела на меня, отводила глаза и снова смотрела,

- Останешься? - спросил я её.

- Если хочешь, - ответила она и улыбнулась.

Мне нужно было ехать по делам, и я стал собираться.

- Осматривайся, привыкай пока, - сказал я ей как можно спокойнее, - а я скоро приеду и привезу что-нибудь вкусненькое.

Она закрыла за мной дверь, а я спускался по лестнице с давно забытым и теперь вернувшимся ко мне ощущением уверенности за свой тыл.

Весь день я был чем-то занят, но новое ощущение не оставляло меня. Я знал: дома меня ждут. Я хотел поскорее покончить с делами и вернуться домой.

По лестнице к квартире я поднимался не торопясь, уверенно держа в руках пакеты с вином и закусками. Дверь я решил открыть сам и направился сразу в кухню. Здесь её не было. Не было её и в комнате. Я прождал весь вечер, надеясь, что она скоро вернется, - просто вышла куда-то ненадолго. Прождал всю ночь. Но она не вернулась ни "завтра", ни "послезавтра", никогда. Облом, блин.

МАЛЫШКА

Я выходил всегда в половине восьмого. Заводил машину и прогревал её. И всегда через минуту-другую из соседнего подъезда выходила она. Она была моей соседкой, училась в девятом классе, ей было лет четырнадцать-пятнадцать. У перехода через дорогу она всегда останавливалась, как бы пропускала поток машин, ждала. Ждала она, разумеется, меня. Вот тут мы и встречались. Прогрев машину, я подъезжал, она оборачивалась, делала шаг в сторону, освобождая мне проезд, и всегда оказывалась точно напротив дверцы с моей стороны, когда я останавливался перед поворотом. Мы обменивались взглядами, она успевала мило улыбнуться, а я, по настроению, подмигнуть. Очаровательная малышка! Нимфетка, как сказал классик.

Вот и всё. И больше ничего. И так могло бы продолжаться еще какое-то время, до тех пор, наверное, пока она не закончила бы школу. Вот и весь роман, вот и вся любовь. А ничего другого быть и не могло - на малолеток я никогда не западал. И кончено с этим. Все!

Но в то утро шёл дождь. Все было как всегда. Только она была без зонтика, а вместо него на голову была натянута коротенькая куртешка. Снова взгляд, снова улыбка, и я опустил стекло.

- Садись, подвезу.

- Мне рядом, спасибо.

- Садись, промокнешь.

Упрашивать себя она не заставила.

- Ой, я вам тут намочу, - извиняясь, пробормотала она, усаживаясь в машину.

- Ничего, высохнет, - ответил я, а про себя подумал: велюровым чехлам, конечно, конец.

О чем говорить с ней, я не знал, да и гораздо проще было молча следить за дорогой и движением дворников по лобовому стеклу.

- А у нас сегодня сочинение по "Слову о полку Игореве", - заговорила она первой.

- А! Это где "мысль растекается по дереву".

- Не мысль, а мысль, - поправила она меня.

- Нет, именно "мысль" - белка, значит, с древнерусского, - блеснул я эрудицией.

- Откуда вы знаете? - удивилась она.

- Случайно по телевизору слышал совсем недавно, - признался я.

- А нам не объясняли. Но я запомню, спасибо.

У светофора перед школой я остановился, пропуская школьников. Моя попутчица помахала кому-то рукой.

- Это Катька из нашего класса. Можно, я здесь выйду, тут рядом. - Она выскочила из машины и нырнула под зонтик глядевшей с любопытством в мою сторону одноклассницы, успев при этом оглянуться и помахать мне рукой.

- Только Катьки мне не хватало, - подумал я, обозлившись, что засветился, представив "вопросики" и "ответики" на мой счёт двух малолеток. Я уже жалел о своём опрометчивом поступке и на работе появился совсем не в духе.

В таком настроении прошёл у меня весь день. И только вечером дома, выпив коньяку и удобно устроившись перед телевизором, я заметил, что неприятное чувство досады стало покидать меня.

- Ну и что? - Совсем уже успокоился я. - Ну, подвез ребенка к школе. Ведь дождь шел. Больше таких "дождей" быть не должно.

Зазвонил телефон.

- А вы знаете, - сразу же после моего "да" заговорила она (знает номер телефона! Давно?), - ведь я вставила в сочинение то, что вы мне сказали.

- Что сказал?

- Ну, про мысль, про белку. Только я думаю, что Анне Викторовне это не понравится.

- Это почему?

- Ну, я же это от вас узнала, а она такого нам не говорила.

- Ты могла это где-то прочитать, услышать.

- Я услышала это от вас. Вы на меня сердитесь?

- За что?

- Я на светофоре выскочила, а Катька говорит, так нельзя - могут оштрафовать. Правда, могут?

- Могут, - ответил я, заметив про себя, что уже не злюсь на Катюку.
 - Вас за меня могли оштрафовать? - совсем тихо спросила она.
 - Тебя как зовут? - спросил я ее и закрыл глаза: будь что будет.
- Но имени ее я не услышал. Она положила трубку.

Стало неприятно. Такое унижение! Но не захотел признаться себе, что зашел дальше, чем следовало, нарушив собственный же запрет. Никогда и никому не признаюсь, что неожиданно увлекся пятнадцатилетней девчонкой и даже, кажется, начал питать втайне какие-то надежды. Такого со взрослым, опытным человеком просто не могло бы случиться! О мотивах её поступка я знать не мог, гадать не было смысла, - решил, что надо мной просто посмеялись, поступили, как с мальчишкой!

Вечер прошел кое-как. Утром, как обычно, ее не встретил. Уже в сумерках вернулся домой, закрыл машину и, не глядя по сторонам, направился к своему подъезду. Поднимаясь по лестнице, на несколько секунд остановился у почтового ящика, чтобы взять газету.

Войдя в квартиру, бросил на тумбочку в прихожей газету и увидел, как из неё выпал сложенный в несколько раз небольшой листок. Я поднял листок и развернул его. Это была записка от неё. На вырванном из школьной тетради листке крупным детским почерком было написано, что она "очень извиняется" за прерванный неожиданно появившейся дома мамой телефонный разговор и предлагает завтра, в воскресенье, в двенадцать часов дня, встретиться за кинотеатром, чтобы сказать что-то "очень, ну очень" важное.

- Детский сад какой-то!

Я сразу же решил, что ни на какое свидание с этой малолеткой, конечно же, не пойду.

Записка девочки с извинениями, объясняющая брошенную ею трубку, несколько примирила его с ней. Но, научённый опытом, больше не позволяю делать из себя посмешище, и пусть она ждет "за кинотеатром" сколько хочет, но и ноги моей там не будет.

Вечером я принимал у себя друзей: говорили о делах, немного выпивали, много шутили и смеялись. Я отвлекся от неприятных мыслей, был оживлён, но когда вдруг вспоминал о записке, тогда улыбка несколько вымученной.

Утром выходного дня я был занят обычными воскресными делами по дому. О свидании думать не хотел, но в половине двенадцатого вдруг собрался, спустился во двор, завел машину и поехал к месту встречи. Она была уже там, стояла у афиш перед кинотеатром и, увидев подъезжающую машину, поспешила к ней. Я открыл дверцу и, когда она села, сразу же тронулся с места и направился за город. Ехали молча, никто не знал, как начать разговор.

Здесь, за городом, у края небольшой полянки, где мы остановились, осень полностью вступила в свои права. Подлесок стал прозрачнее, деревья стояли с редкой желто-бурой кроной. Пахло прелыми, гниющими листьями. Мы уже обменялись короткими, незначачими фразами, и теперь она ходила по полянке, шуршала листьями, поднимала уцелевшие из них, а я стоял, прислонившись к машине, и смотрел в серенькое с тучками небо.

- Что я здесь делаю? - думалось он. - Зачем мне нужна эта малышка? Только для того, чтобы пережить еще раз воспоминания юности?

Вспомнилось, как много лет назад упустил такую же девчонку, потерял, по глупости, свою первую любовь. Но ничто не возвращается, нельзя в одну

и ту же воду ступить дважды, как говорил древний мудрец. А сейчас я старый и такой же усталый, как этот осенний умирающий лес. А она такая юная, очаровательная в своей невинности, по-детски наивная, но уже достаточно информативно развитая нашим бешеным временем, скороспелая - "и жить торопится, и чувствовать спешит"...

Она собрала в букет желтые и красные осенние листья и шла назад, вдыхая их аромат.

- Как пахнет осенью! - сказала она и протянула свой букет.

Я наклонил голову и вдохнул запах осени, наклонил голову ниже и глубоко вдохнул аромат увядающих листьев, закрыв глаза. В ту же минуту букет уже падал на землю, а её руки обвили вокруг моей шеи. Я выпрямился и, как бы придерживая, обнял оторвавшуюся от земли девочку. Она, замерев, крепко сжимала меня за шею, а я вдыхал теперь чистый, дурманящий запах ее волос.

- Нам бы подождать пару годиков, - наконец произнёс я.

- Для чего? Я стану старой - не хочу! Хочу сейчас. Нам будет хорошо вместе, ты увидишь...

ЗА НЕОБЫЧНЫХ ЖЕНЩИН!

Островского, мужики, вы, как и я, конечно, только в школе читали. Да это и понятно: с нашей работой не то что книжку почитать, новости посмотреть некогда.

- Нет, это не тот Островский, что дрова грузил, а потом ослеп, - этот еще раньше жил.

Ну, давайте по первой, чтоб разговор вязался. Хорошо прошла значит, не «левая».

Мишку-то моего вы, мужики, знаете. Да, талант! Пацан, а настоящему рыбаку - и тому не уступит. Не знаю, откуда это в нем, но не от меня, нет. Я-то, мужики, сами знаете, не рыбак. Ну, за компанию, костерок там, водочка - это еще можно, а чтоб выслеживать, часами в воде по горло стоять - это не для меня, нет. А Мишка - тот фанат, да! Может, это у

него от деда, светлая ему память, - такой же заядлый рыбак был.

А вот девять классов сынуля мой дорогой еле закончил. Учителя устали нас с матерью в школу вызывать. Я не ходил - жену посылал. Да и она как пойдёт, так всё в каком-нибудь магазине застрянет. А что позориться-то! В общем, с горем пополам школу мы закончили. А что дальше? В колледж ему поступать - мозгов не хватит, в ПТУ - сами-то мы в жизни, вроде, не последние, вот и сына получше определить хочется. Короче, остались мы в школе. А там же теперь программа! Уже в десятом - высшая математика, сочинения пишут, как романы. Завал, в общем...

Давайте, мужики по второй, а то разволновался я что-то. Не пьянки ради, а здоровья для! Хороша зараза!

Так стрессы и снимаем - нам на психологов тратиться некогда. Что сказать-то хочу. Взлся я помочь Мишке сочинение написать. Да нет, какой я писатель! Но в школе, помню, четверки получал. Оно, конечно, без подготовки такое дело не осилить. Взял я для начала у Мишки пьеску почитать. Островский я вам, мужики, скажу, жизнь не понаслышке знал! Ума - палата, в корень глядел, что ни слово - в десятку. Пьеска-то? "Гроза" называется

ся. Нет, не про природу. Да в том и дело, что говорится в ней про женщину одну, а в общем-то про всех нас и жизнь нашу нескладную.

Вот сейчас, мужики, самый раз по третьей принять, потому что дальше-то и начинается самое главное!..

Раньше-то я особенно не задумывался, а сейчас вот думаю: сколько ведь уже было сказано да написано про несчастную бабью долю. Еще Гомер писал, как из-за прекрасной Елены мужики двадцать лет воевали, пока та совсем не состарилась и уж никому не нужна, бедная, стала - а ведь ждала, мечтала герою-победителю достаться в качестве величайшей награды.

Жалко их. Вот и Катерина такая же. И баба, вроде, хорошая, да что-то все не везло ей. Ну ладно - ладно, по порядку буду...

Давай-давай, наливай, пока разговор клеится.

Жила она. Катерина эта, в доме своего мужа. Правильно думаешь, не по любви она выходила, И опять правильно говоришь - выдали её по сговору, как и положено было в то время. Ну, а что любовь!? Твоя Светка сколько за мужем побыла? - два месяца? "Между нами всё порвато и тропинка затоптана, и не трогай мой горшок!" Это у них сейчас быстро! А раньше как скажут старшие, так и будет! И порядок, между прочим, был. А сейчас на десять свадеб-восемь разводов. Бардак, е-мое!

Да не нервничаю я, мне за державу обидно.

А Кабаниха тоже баба с толком. Хотя и не в восторге я от неё самой и методики её домостроевской, но дом она крепко держала. Одна всем заправляла! Без мужа!

Ну вот - как Наташка из механосборочного: и сама вся из себя, и дом полная чаша. Ну и что, что мужики у неё долго не задерживаются, значит, находит таких.

Не любила Кабаниха Катерину, всё придиралась к ней. Да не понял я, то ли порченная её считала - детей-то у них всё не было, - то ли ревновала. Ты, говорит, сына от меня отводишь. Во как! Колдунья, вроде того,

А Катерина эта, мужики, и правда, не простая была, разве что с виду только. Ужасно любила она в церковь ходить. Встанет там и раскачивается, как маятник, а все на неё таращатся. Ага, «тащилась» она страшно: всё ей столб огненный мерещится, и будто в нём ангелы летают и поют.

К бабе моей подруга одна ходит, тоже такая же. Ты, Вася, говорит, чёрный весь, негативов в тебе много, надо тебе ауру подправить и чакры энергией подпитать. Всё посылала меня в церковь, под куполом постоять - она там тоже огненный столб видела. Может, и ненормальная какая (кто их разберет?), но, скажу вам, мужики, очень страстная - глаза так и горят, и если бы не баба моя...

А вот, кстати, и тост назрел. За необычных женщин! Все, говоришь, необычные? Ну, не знаю, не знаю - спорить не буду.

И снова ты правильно говоришь, не в Катерине дело - какая она там была, порченная или святая. - а человека надо уважать! Не нравится тебе невеста, а ты терпи! Твой сын, частица твоя, её выбрал, ему и жить, а норов свой крутой нечего показывать. Сколько их сейчас, молодых-то, разбегаются только из-за Кабаних таких - тещ наших да свекровей "любимых"!

Да не горячусь я - сам хлебнул, знаю. Наливай! Давайте за детей наших, чтоб хоть они счастливо жили!

Так вот, несчастлива была та Катерина. Так она Варваре, сестре мужа своего, прямо и сказала: "Умру я скоро". Ну! - вот тебе и ну! "Что-то со

мною недоброе, - говорит, - делается... Точно я стою над пропастью, и меня кто-то туда толкает..."

Что, что!? Я же говорю вам: жалко их, баб-то. Короче, влюбилась Катерина, аж по самые уши!

Ну что ты ржешь, что ржешь-то? Это для тебя любовь - развлечение, потому что молодой ты еще, жизни не видел. А для них, женщин-то, любовь - вся жизнь! Или вся жизнь - любовь! Фу, черт, запутался совсем - это от недопития. Значит, надо еще по одной!

Почему Катерина умерла?! Она только жить начала, как полюбила. "Уж не снятся мне, - говорит, - райские деревья да горы, а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо и ведет меня куда-то, и я иду за ним, иду..."

Поздно проснулась, говоришь? У каждого из нас свой будильник! У тебя вон плешь в полголовы, а ты все холостяком ходишь, тоже, видать, спишь еще.

Но я вот думаю, мужики, откуда в них страсть такая бешеная берется? Жила божьим одуванчиком, цветочки поливала да об ангелах мечтала. А тут вдруг мужика ей подавай! Да, так и говорит: "Кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей обнявшись..."

Это вы, мужики, правильно говорите: заведется баба - не остановишь! Да Катерина и сама признается: "Такая уж я зародилась, горячая!.. не удержат меня никакой силой..."

Почему не было?! Была и на нее управа: страшно она бога боялась. "Да, так она тебе и сказала", - язва ты! Не мне, а Варваре она об этом сказала: "Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?.. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить! Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, - вот что страшно..."

Да что вы заладили: все они такие! Ты сам-то, Степан, который раз женат? Всё никак не успокоишься?

Да не защитник я ихний, а жалко мне их. Они же, глупые, всю жизнь на любовь тратят, а чуть что не так - готовы руки на себя наложить, концы в воду!

А кто из вас, мужики, скажите по совести, готов жизнью своей за любовь расплатиться? Слабо?! Ладно-ладно, шучу я: кто в наше время на такое героичество пойдет! Давай наливай лучше!

А что Катерина? Решила с любимым встретиться и встретилась. Кабаниха-то с сыном своим её, правда, сами на это подтолкнули. Как так? - а вот так! Собирается этот муж её, Катеринин-то, в Москву, в командировку, значит, за товаром. Во-во, вроде челноков наших. А Кабаниха советы ему даёт, как жену приструнить, чтобы та без него на сторону не бегала. Ага, блюдущая баба! Вот она и приказывает сынку своему повторять за ней наказы жене: "Чтоб в окны глаза не пялила! Чтоб на молодых парней не заглядывалась..." Ещё бы не смешно. Любкой посмеялся бы, только не Тихон. Да уж, наградил бог имечком. Тиша - он Тиша и есть.

Совсем как ты, Петрович, когда жена на тебя орет.

В общем, стоит Катерина, с ног до головы опозоренная, а Тиша ее, когда Кабаниха-то ушла, ужом вокруг жены вьется: прости да прости его, слабенького, Катя. Катерина - женщина гордая, но жалеющая. Бог с тобой, - ему говорит и просит его с собой ее взять - от греха подальше. Тот, конеч-

но, ничего не понимает, но, видя, что жена ему на уступку идёт, совсем оборзел: "Ты ещё навязываешься со мной... Какой ни на есть, я всё-таки мужчина... до жены ли мне?"

Вот скажите, мужики, ну не козёл ли? Ему женщина всю себя отдаёт - а он? Не спорьте, мужики, а есть в нас такая черта: упрёмся, как бараны, лишь бы по-нашему было. Согласен, и в них такое есть. А за что воюем-то? И с кем? Сами того не понимаем, что, кроме нас, баб да мужиков, на свете этом больше и нет никого!

Давайте, мужики, выпьем: "за мир и дружбу между народами"!

Что дальше-то, спрашиваешь, с Катериной было? А всё было: и любовь получила, и гибель свою нашла.

Любовник её таким же слонтяем оказался, как и муж. Погулял две недели и уехал, Катерину с собой не взял. Бросил, короче. Потому и сбежал, что прознали про их любовь. А сама Катерина и призналась, в страхе перед богом - гроза была, решила, что ей в наказание бог посылает, убить ее хочет.

Я же говорю, мужики, несчастные они, жалеть их надо.

Ну, побили её немножко, как и положено было в то время. Сама-то она, правда, всё это по-другому восприняла: "Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы да и бросили меня в Волгу - я бы рада была".

Ну, а раз сказала, произнесла вслух, так и делать надо - кинулась в Волгу да и утопла, царство ей небесное...

Давайте, мужики, помянем Катерину, а вместе с ней и всех остальных, кто без остатка в любви сгорает.

ЗЕРКАЛО

Илья услышал впервые о Юле от ребят с подфака, которые уверяли, что она колдунья. Случалось и видеть её иногда в коридорах университетского общежития, иногда здесь же, в студенческой столовой. Высокая, крепкая статная девушка из украинской глубинки, черноволосая и черноглазая, немного нервая, с резким поворотом головы, размашистыми движениями рук, плавными линиями сильных бёдер и груди, она, конечно, привлекала к себе внимание. Глядя на неё, хотелось думать, что такая девушка может быть колдуньей, может свести с ума любого, в том числе и тебя самого. Но поверить в реальность колдовских её чар было невозможно, тем более на пятом курсе, после диамата, истмата и кое-чего другого уже из личного студенческого опыта.

Разговоры о Юле продолжались, особенно в застольной компании: отдавали дань её внешности, все остальное сводилось к общим высказываниям, не давило на психику и не будило воображение. Юля для Ильи оставалась загадкой, которую он не спешил, в общем-то, разгадывать.

Но никто не может знать своей судьбы. Однажды к Илье зашел приятель - подфаковец: посидели, поговорили, выпили, вспомнили о Юле.

- Илья, у тебя икона настоящая? - спросил приятель, указывая на икону на полке с книгами, которую Илья привез с первой практики откуда-то из глухой деревушки.

- В смысле?
- Не рисованная современность?
- Начало XIX века.
- Таковую и надо. Дашь на ночь?
- С чего это?!
- Новая жертва. Теперь Андрей.
- Твой сосед по комнате?
- Он. Орет каждую ночь, будто его черти жарят. Разбудишь - глаза квадратные, ничего не понимает, только зубами лязгает. Успокоится, начнёт рассказывать, что снилось, - аж волосы на голове дыбом встают. Юлькины дела!
- Да ладно.
- Говорю тебе! Вторую неделю Андрей роман с ней крутит. Сначала не подпускала, а потом, как спарились, так все и началось. Что ни ночь, у парня кошмар - сосет она из него.

- Да ладно.
- Проверили мы ее. Бабка одна подсказала. Пригласили девчонок к нам в комнату на дискотеку, в том числе и Юльку. Ну выпили, на гитарке поиграли, попрыгать потом решили. А я в этой толкучке незаметненько иголочку в дверь - раз! и воткнул. Двух минут не прошло - как кинется она к двери, хватить из нее иголку, включила свет и глазищами на нас - раз! "Кто, - говорит, - иголку в дверь воткнул?" Она это, точно она - колдунья.

- Да ладно. Может, свет на иголку попал вот и блеснула в темноте.
- Ага, никто не видел, а она спиной к двери стояла и увидела.
- Ну, не знаю, не знаю, что-то не верится...
- Дай икону на ночь - говорят, сразу все пройдет.
- Икону на всякую чушь не дают.
- Я сейчас Андрея приведу. Ты в глаза ему посмотри - поймешь, какая это чушь.

Лёгкое возбуждение охватило Илью, когда он остался один. Впервые так конкретно обрисовали ему колдовскую деятельность Юли. Было немного жутковато от услышанной истории, больше от кошмарных снов парня, и вместе с тем разбирало любопытство: а что он видел? Но более всего Илья чувствовал, как неотвратимо влечёт его теперь к этой загадочной Юльке. В колдовство ее он не верил, но предполагал, какая необычная, еще не пробудившаяся страстность всей удивительной Юлькиной натуры может, при желании, открыться ему.

- Андрей, расскажи ему сам. Может, тебе поверит. - И Андрей почти слово в слово повторил уже услышанную Ильей историю.

Слушая, Илья смотрел в глаза парня и видел, как мелькают в них тени необъяснимого страха. Нельзя было не увидеть, как переживает парень, как напуган он всем тем, во что так слепо верит. Илья знал, кого из зрителей выбирают на своих сеансах гипнотизеры для работы на публику. Андрей казался ему таким же легко самовнушаемым.

- Ладно, ребята, дам я вам икону, но с одним условием: вы познакомите меня с Юлькой.

На следующий день Илье с благодарностью вернули икону, добавив "помогло - сразу все прошло, будто и не было", и пригласили вечером зайти - «это надо отметить! - будет и Юлька».

Вечером Илья отправился к ребятам в гости. В их комнате был полумрак, горели две-три свечи, играли на гитаре. Не привлекая к себе внимания, Илья

примостился рядом с кем-то недалеко от двери, в наиболее темном углу комнаты, - отсюда всех было видно. Кто-то подпевал гитаристу, кто-то подтанцовывал под музыку, другие молча слушали, отпивая вино из стаканов. Народу было много, и Юлю Илья увидел не сразу. Он наткнулся на её взгляд, когда выискивал девушку среди собравшихся. На лице её металась тень, а в глазах отражались огненные языки пламени свечей. Выхватываемый из темноты неровным, дрожащим светом, весь облик девушки приобретал какую-то особую магическую выразительность. Илья улыбнулся, кивнул, но Юля не ответила, только отвела взгляд.

Спустя пару часов на вечеринке было шумно и весело. Оглушительно ревел магнитофон, кое-кто уже изрядно нагрузился спиртным, танцующие активно помогали невидимому певцу, выкрикивая слова песни, кто-то по-визгивал. Илья познакомился с Юлей и теперь старался понравиться ей, не слишком при этом навязывая свое общение. Но и сама Юля явно выделяла Илью из собравшихся. Она внимательно слушала, когда он рассказывал студенческие байки, с удовольствием смеялась и часто поглядывала в его сторону. Они уже танцевали вместе два медленных танца, и, обнимая и тесно прижимая к себе в танце Юлю, Илья был уверен, что приведет ее сегодня, как все это закончится, к себе в комнату.

За полночь стали расходиться. Пить было нечего, и вечеринка угасла. Илья уходил с Юлей и двумя ее подругами. Он предложил всем пойти к нему и "продолжить" в спокойной обстановке за бутылочкой хорошего вина.

Девушки согласились, попросив подождать их несколько минут. Вернулась одна Юля и сказала, что одна из подруг плохо себя почувствовала, а другая осталась с ней. Это означало, что все дальнейшее теперь будет зависеть только от них самих.

Пока Илья доставал из шкафа и ставил на стол бутылку вина, бокалы и коробку конфет, Юля осматривала полку с накопившимися за годы учебными книгами. Илья подумал о том, что правильно сделал, предусмотрительно убрав перед уходом икону с полки и спрятав её в шкаф. После возврата иконы он начинал верить в колдовские возможности девушки и не хотел излишне настораживать Юлю присутствием иконы в его комнате. А в глубине души ему хотелось стать «очередной жертвой» прекрасной колдуньи, но и сдаваться без боя он не собирался.

- И это все нам придется изучать? - спросила Юля, перелистывая одну из книг.

- Это и в тысячу раз больше! - засмеялся Илья, подошел к девушке и обнял её сзади.

Юля поставила книгу обратно на полку, повернулась лицом к Илье и положила руки ему на плечи. После долгого поцелуя Юля прямо посмотрела в глаза Илье, тихо засмеялась и, запустив пальцы в его волосы на затылке, прошептала:

- А я сразу знала, только ты вошёл к нам, что сегодня буду здесь у тебя, - коснулась губами его подбородка, уткнулась лицом в шею и тихо засмеялась ещё раз.

- А что будет дальше с нами, тоже знаешь? - спросил Илья.

- Знаю.

- Скажи.

- Сам увидишь. - Юля помолчала и добавила, - Только после этого ты никогда меня уже не забудешь.

Сначала они долго целовались, а потом, так и не прикоснувшись к вину и шоколаду, разделись и легли в постель. Всё, что Илья до этого только предполагал в Юле - удивительную силу её необычной, колдовской страстности, - теперь раскрывалось ему и покоряло его. Он тонул в чёрных бездонных зрачках её глаз, в разметанных по подушке чёрных волосах, в сильных и жарких её объятиях, в чёрной темноте этой по-настоящему колдовской ночи.

С рассветом Юля ушла к себе, а Илья уснул, счастливый, с лёгким сердцем. Проснулся он почти в полдень, вставать не спешил, вспоминал прошедшую ночь и счастливо улыбался. Сквозь плотно сдвинутые шторы в окно светило солнце, день обещал быть прекрасным, ничто не омрачало сознание.

- Да! - вспомнил Илья. Икона! Какая, к чёрту, колдунья?! Ни одного кошмара за ночь! Хороша! Грудь какая, плечи! А кожа-то! Глаза-то какие! С ума сойти!

Илья резко встал, достал икону из шкафа и поставил ее на прежнее место на полке.

Вскоре зашла Юля и предложила прогуляться. День, действительно, оказался удачным на погоду: на безоблачном небе сияло солнце, его лучи играли на гранях снежинок выпавшего ночью чистого, пока ещё не успевшего почернеть снега; ветра не было, было приятно дышать лёгким морозным воздухом. Илья и Юля гуляли по городу без какой-то определённой цели, никуда не заходили, ничто постороннее их не отвлекало - им хватало сейчас друг друга, им было просто хорошо вместе. Со стороны можно было видеть в лицах и глазах обоих общее выражение радости и счастья.

Купив продуктов к ужину, они вернулись. Открыли так и не начатую вчера бутылку вина, поговорили на общие темы и рано отправились спать. Илья снова обнимал и целовал Юлю. Вдруг она замерла на миг, неожиданно разжала свои объятия, резко встала и в полной темноте направилась к полке с книгами.

- Откуда это у тебя? - спросила она, указывая на икону.

- Что это? Не вижу, - ответил Илья, поняв свою оплошность.

- Эта икона. Откуда?

- Всегда здесь стояла.

- Почему же я не видела?

- Просто не обращала внимание. Сейчас-то она не с неба свалилась! Ты же увидела!

- Я не увидела - я почувствовала. Такие вещи я всегда чувствую.

- Ты что, икон боишься?

- Ты никому не давал её? - после паузы спросила она.

- Разумеется. Ещё чего!

- Какое-то чувство у меня... Совсем недавно такое же было.

- Ерунда, не думай. Иди сюда, не стой - пол холодный.

Юля подошла и в задумчивости села на кровать.

- Ну ты что, Юля? Что случилось-то? - Илья обнял и нежно привлек девушку к себе. - Икона как икона, ты что разволновалась так?

- Ты верующий?

- Да как тебе сказать. Просто, привёз с практики, из деревни, - вот и стоит с тех пор. А ты чего испугалась?

- Теперь это уже не имеет никакого значения, - ответила Юля, повернувшись к Илье, обняла и прижалась к нему. Илья почувствовал на своей шее влагу её слёз.

- Ну что ты, не надо плакать, всё будет хорошо, - ласково говорил Илья, крепко прижимая Юлю к себе. В этот момент эта сильная, независимая девушка казалась ему беззащитной и была очень близкой.

Ночь была тихой и нежной; они понимали друг друга с полуслова, с полудвижения, и каждый старался угодить любому желанию партнёра. Теперь Илья ещё более чувствовал притягательную силу Юли. В темноте её глаза казались ещё большими, и, приближаясь к ним, он тонул в них и таял; черные длинные волосы ее разлетались по простыне, Илья вдыхал их запах и снова таял; кожа ее, упругая и гладкая, дышала теплом и, скользя губами от шеи к груди и ниже, хотелось впитать в себя всё тело девушки, ставшей для него за эти две ночи самой желанной. Илья хотел быть теперь всегда только с Юлей, ощущать близость ее тела, прикосновения рук, слышать ее нежный шепот и тихий счастливый смех. Это была колдовская ночь, и они оба упивались этим колдовством, дарящим еще и любовь, и счастье.

Утром Юля ушла к себе, но днем снова вернулась, принесла с собой небольшой альбом с семейными фотографиями.

- Это я, - сказала Юля, показывая фотографию голенького карапуза с большими смеющимися глазами. - Похожа?

- Глаза такие же, - улыбался Илья, - а вот попка, конечно, стала другой... Юля шуточно ударила не больно Илью ладонью по колену.

- А я хотела подарить тебе именно эту фотографию. Но ведь ты же не оценишь! - капризно произнесла она, продолжив шутку.

- Нет, нет! Это слишком ценный для меня подарок - я не достоин, - засмеялся в ответ Илья.

- А это кто? - вдруг спросил он, указывая на фотографию времён тридцатых-сороковых годов, на которой была запечатлена молодая девушка, удивительно похожая на Юлю.

- Моя бабушка. Красивая, правда? Она никогда не была старой - всегда очень привлекательной. Она и после смерти оставалась красивой, - на глазах Юли появились слезы. - Она многому научила меня. У нас в селе её считали колдуньей, даже боялись.

- А чему она тебя научила? - настороженно опросил Илья.

- Разному. Себя лечить, других. Людям, конечно, помогать, но и защищаться от них, если понадобится.

- А с Андреем как? - прямо спросил Илья.

- Ты знаешь? - удивилась Юля и внимательно на него посмотрела. - Он надоел мне своей глупостью - ну, я ему и сделала...

- Я тоже могу надоест?

- Нет. Но если ты будешь плохо ко мне относиться, я тебе тоже сделаю.

- Ты уже сделала, - улыбнулся Илья и обнял Юлю. Видишь, как я к тебе привязался - совсем не оторвать от тебя!

- Ты мой самый, самый, .. - прошептала Юля.

- Кто? - хотел услышать Илья.

- Мой! - произнесла Юля и повлекла Илью за собой на подушку.

Счастье длилось третий месяц. Зима сменилась весной, апрельский воздух четче обрисовывал дали, и легкий весенний ветерок уже игриво развеивал отлежавшиеся под шапкой за зиму волосы и искал себе попутчиков в дорогу.

Илья завершал работу над дипломом, готовился к защите и скорому отъезду в далекий приморский город. Юля все больше чувствовала чуждое настроение в Илье, чаще была молчаливой и порой не слышала того, что говорил Илья.

- Юль, очнись, поезд уйдет, - шутил Илья. - Ну, что я говорил? Опять пропустила?

Юля в ответ иногда мягко улыбалась, а чаще смотрела на Илью долгим взглядом, будто хотела сказать что-то или спросить о чем-то, еще пока никем из них не высказанном.

Так проходили дни за днями, и каждую встречу Юля ждала чего-то, хотела услышать от Ильи что-то важное для себя, но, снова не дождавшись, уходила к себе разочарованной. Всё больше нарастало между ними тягостное чувство недосказанности, неопределённости. Юля отдалялась, и Илья видел это её отдаление. Сначала он старался не драматизировать происходящее между ними: "Это женское, пройдёт", - думал он. Но это не проходило, и трещина в их отношениях обещала в скором времени превратиться в пропасть.

Илья стал больше шутить, рассказывал без разбора пришедшие на ум анекдоты и смешные истории. Юля улыбалась, но и только: ощущение надвигающейся беды от этого только усиливалось.

- Чего она от меня хочет? - бесился Илья. - Не жениться же мне, в самом деле! Ещё не известно, куда я там приеду, как устроюсь, как всё сложится на новом месте!

Успокоившись, он пытался объяснить себе, что в его положении было бы неразумно делать какие-либо серьезные - очень серьезные! - шаги в отношениях с Юлей. Семья, считал он, не для него. А там, продолжал уговаривать он себя, - новый город, новые люди, новые отношения. И как знать, не встретится ли ему другая? - не принесёт ли он, нарушив обязанности перед Юлей, тем самым огромную боль ей? - ведь "мы в ответственности за тех, кого приручаем"! Нет, нет, зачем нужны лишние разочарования?! Слишком хлопотно всё это. Да и в конце концов, - совсем уже уговаривал он себя, - "в Тулу со своим самоваром не ездят"...

Но договориться окончательно со своей совестью никак не удавалось. Илья видел в глазах Юли постоянный вопрос и слышал внутри себя, как ни старался заглушить, ответ: "не потянул ты, не потянул..." Всё это тяготило, но и заниматься "Юлькиными переживаниями" не было никакой возможности и никакого желания, - в итоге обрубал Илья.

Всё шло к концу. Встречи становились редкими, всё чаще на лицах обоих появлялось показное выражение безразличия к дальнейшей судьбе их отношений. И наконец, оба перестали ходить друг к другу. Недели через две после этого Илья увидел Юлю с другим.

- Да и ладно, - думал Илья, - бог с ней. Уеду, и больше никогда не увидимся.

Но никто не может знать своей судьбы.

Спустя месяца четыре после того как Илья устроился на новом месте, его вызвали однажды на проходную: "К вам пришли". Нет, он не удивился, когда увидел Юлю. Будто только вчера расстались они, сказав друг другу: "До завтра". Будто не было никогда между ними никаких недоразумений, тягостных переживаний. Но и той радости, что была в них при встречах раньше, теперь тоже не было. Илья отпросился с работы пораньше, они немно-

го погуляли по незнакомому Юле городу, посидели в новомодном бистро.
- Как ты нашла меня? - спрашивал Илья, нежно сжимая ладонь Юлив своей.
- Захотела и нашла, - ответила Юля. - Ты же знаешь, какая я колдунья!

А на следующий день, после счастливой ночи, проведенной вместе, во время прогулки по набережной Юля открыла сумочку, чтобы достать зеркальце, и громко ахнула, увидев его треснувшим надвое, и безутешно заплакала. Как мог, Илья успокаивал Юлю, просил не обращать внимания на глупые предрастудки. В тот же вечер на вокзале, провожая Юлю, Илья обещал на днях позвонить ей и в скором времени приехать. Юля в ответ кивала головой, почему-то не очень веря в обещания Ильи. И действительно, больше они никогда не встречались,

Но никто не может знать своей судьбы...

У НАС НЕ БРАЗИЛИЯ - У НАС ПОКРУЧЕ БУДЕТ

Татьяна Николаевна смотрела очередную серию бразильского сериала. Смотрела и не видела: она ждала звонка. Звонка все не было, Татьяна Николаевна нервничала и продолжала машинально следить за сменой картинок на экране, где на ярком фоне южной природы вечно тёплой страны загорелые красавцы и красавицы пытались разобиться в своих ужасно неразрешимых проблемах. Но сегодня Татьяна Николаевна не стремилась, как прежде, внимательно следить за перипетиями сюжета. Не то чтобы она потеряла интерес к обсуждению с соседками очередных неприятностей у бразильских героев, а дело было в том, что с ней самой в последнее время стало происходить не менее значительное - в жизни Татьяны Николаевны появился мужчина.

- Ну и что, - скажете вы, - у всех нас то появляются, то пропадают неизвестно куда мужчины. Что из этого? И слава богу, - ответят вам, - жизнь не стоит на месте!

Но с Татьяной Николаевной было совсем другое дело. У нее, действительно, давно, очень давно, не было мужчины. Уже много лет прошло с тех пор, как она развелась, и больше, сказала она себе, никаким мужикам — этим пьяницам, грязнулям, сексуальным маньякам и обжорам — не позволит мотать себе нервы. Подруги сначала пытались помочь ей скрасить одиночество, предлагали познакомиться с порядочным мужчиной, чтобы было о ком заботиться, да и старость не за горами - будет кому позаботиться и о ней. Но Татьяна Николаевна категорически отвергала такие предложения. Ей хватало забот и о дочери, которая уже давно жила с мужем и детьми в другом городе. Иногда они приезжали ненадолго погостить к "бабуле", а когда уезжали, Татьяна Николаевна радовалась окончанию ненужных ей хлопот и вновь удобно устраивалась у своего любимого телевизора, от которого, - говорила она подругам, - заметьте, никогда не бывает неприятностей. Таким образом, подруги в скором времени махнули рукой на упрямцу - пусть живет как хочет! - и вели после того с ней бесконечные телефонные разговоры на другие женские темы, не касаясь ни словом мужчин. Умерла так умерла для этого она, - решили все.

Каково же было удивление подруг, когда вдруг стали они замечать, как поскорее стремится теперь Татьяна Николаевна заканчивать телефонные разговоры с ними, будто ждет другого звонка, более важного. Любопытство, а тем более в женщине, - страшная вещь! Спрашивать напрямую Татьяну Николаевну подруги не решались, а вот попросить знакомую с телефонной станции о небольшой услуге догадались. Гролом поразило их известие о том, что часто звонит Татьяне Николаевне какой-то мужчина "с приятным низким тембром голоса", а Татьяна Николаевна-то, что удивительнее всего, - разговаривает с ним ласково, даже заискивающе и, можете себе представить, смеется, как девочка. Вот так! Это любовь! - решили подруги.

И были правы: Татьяна Николаевна действительно "заболела" - она увлеклась неожиданно для себя самой. Вдруг снова, за много лет, появилась в ней какая-то безотчетная радость; а то вдруг размышляется о чем-то и улыбнется самой себе; походит, по пустой квартире, задумается и тихо засмеется в ответ своим мыслям. Стала замечать за собой Татьяна Николаевна, что и настроение стало получше, и блеск какой-то молодой в глазах появился, и лёгкость какая-то во всём теле... Не сглазить бы! - всё остерегалась она.

Но, видно, уж такова женская доля: вчера - птицей в небо, а сегодня - как в воду опущенная.

Так случилось и с Татьяной Николаевной. Со временем знакомый её и звонить стал реже, а заходить так почти совсем перестал. Стала замечать в нём Татьяна Николаевна хитринку какую-то: то с работы позвонит - задерживается, дескать - да так и не придёт; то причины какие-то станет придумывать - собьётся даже; а то вдруг оправдываться начнёт. Бывает, конечно, - всё понимала Татьяна Николаевна, - мужчина уже не молодой, не мальчик, чтоб постоянно зайчиком скакать, - дай бог, чтоб хоть иногда хвостиком шевелил. Стала Татьяна Николаевна к ужину что-нибудь из свежих овощей чаще готовить: салатики разные, чтоб витаминчиками организм насыщался, супчики легкие овощные, чтоб желудок не перегружался и дышалось легче... От одной знакомой узнала, что очень хорошо помогает салат из кальмаров и орехов да с мелко нарезанными кусочками сала в майонезе перемешанный. А вот ещё, говорят, корни петрушки тоже хорошо помогают...

Да оказалось, ни к чему все это. Зашла как-то раз Татьяна Николаевна к нему сама - побеспокоиться о здоровье. А там две женщины сидят - по работе, говорит, зашли. Бывает, - согласилась Татьяна Николаевна, - только водка с закуской на столе зачем, если на минутку забежали. Да нет, конечно, не сомневается она в его верности, - так и сказала ему Татьяна Николаевна, - но давно уже не девочка она молоденькая, чтоб в такие нелепости верить. Но уговорил он ее тогда - простила его Татьяна Николаевна, решила забыть этот казус. Договориться ведь всегда можно - люди же взрослые!

А недавно вот прихватило его: радикулитом пополам переломило. Так целую неделю отхаживала его Татьяна Николаевна у себя дома. А как оправился - только его и видела: пропал на три дня. Не выдержала, сама позвонила к нему на работу Татьяна Николаевна. "А, это Вы, Елена Сергеевна! - сказали ей на другом конце провода. - Мы обязательно ему передадим, что вы звонили. Он вечером перезвонит вам". Тоже потом оправдывался, снова уверял, что и здесь ничего личного, только дела, а что до того,

что пропал на три дня, так все те же дела - как-то зарабатывать всё-таки надо. И снова смирилась Татьяна Николаевна - женское сердце слабое, отходчивое.

Правда, - тут уж ничего против не скажешь, - культурный мужчина. Книг полон дом: и по технике, и художественные, и историческая литература имеется. Много современных интересных слов знает. А станет рассказывать что-нибудь, так очень даже интересно слушать - сама-то Татьяна Николаевна давно уже ничего не читает, к телевизору привыкла. На выставку как-то ходили, копии картин смотрели. Выставка Татьяне Николаевне понравилась: картины большие, яркие. А особенно понравилось, что обращали на них внимание, оглядывались даже, когда он ей о картинах рассказывал, объяснял замысел художника.

В театре, вспомнила Татьяна Николаевна, тоже вот однажды были. Пока перед началом спектакля в фойе прохаживались, кавалер ее со многими здоровался, и с ним здоровались - очень многие, оказывается, его знают. Повстречала Татьяна Николаевна и своих знакомых. Да лучше б не встречала! Позвонили они ей на следующий день и все-все, как на духу, рассказали про ее кавалера и связи его многочисленные. Конечно, снова расстроилась Татьяна Николаевна. Сначала не хотела говорить, но сам увидел, что переживает она о чем-то, и обо всем расспросил. "Что было до тебя, - сказал, когда выслушал, - то былшем поросло - одна ты у меня". Успокоили такие слова Татьяну Николаевну, как бальзам, легли на ее сердечные раны. Но только на время утихла боль. Нет, нет, да и кольнет в сердце: а где-то сейчас он, с кем? Думает о ней, можно ему доверять?

Совсем извелась Татьяна Николаевна за последнее время: и любила, и не надеялась. Как черви, изгрызали ее душу сомнения. А более всего мучило сознание того, что много лет жила она спокойно, горя не знала, а вот случилось с ней такое, дала завлечь себя лукавому, и страдает теперь да кается. Дело ли это - на старости лет народ смешить?! Да и не девочка давно, чтобы переживать, от любви изнывая! Да что это за любовь такая, что болит душа, не переставая! И человек-то чужой совсем, знакома с ним без году неделю, а волнуешься за него, как за своего, близкого самого. А ему на тебя, как видно, наплевать совсем. И зонить не торопится, не спешит объявиться - специально так делает, чтоб помучить побольше, чтоб собственное страдание самой любимой пыткой стало, в сладчайшую необходимость превратилось. Изверг, ох, изверг, мучитель мой!

Да что же это я, в конце концов, - возмущенно думала Татьяна Николаевна, - игрушка для него что ли! Он будет измываться надо мной, а я, значит, - сиди дождайся, когда он объявится?! Это не любовь, а болезнь какая-то наркотическая получается. Уж и радости, что была вначале, - и той нет, а есть одни лишь неприятности. А еще, дура, мечтала о чем-то! Не нужна ты ему, а только пользуется он тобой, чтобы скучно иногда не было да прислониться можно было бы в удобный момент. Где то настроение счастливое, блеск в глазах, лёгкость во всём теле? Где всё это?! Прошло, как и не было! Одна тоска в душе да страх совсем одной остаться. А чего бояться-то? Жила до него, не тужила - и дальше без него проживу. И чего впустую страдать, сколько это может продолжаться?! Пусть другую дуру ищет!

Вдруг раздался телефонный звонок. Татьяна Николаевна, прерванная на своих мыслях, от неожиданности вздрогнула, подняла трубку и, услышав знакомый голос, без долгих предисловий выпалила:

- Знаешь что, милый! Никуда я с тобой не пойду! И ни завтра, и никогда! И больше не звони мне, не надо! Нет, не хочу! Сам знаешь! Прощай!

Посидела немного Татьяна Николаевна, перевела дух и только сейчас обратила внимание, что фильм-то заканчивается - так задумалась, что и не заметила! Вот и титры пошли. Ну ничего, завтра следующую серию покажут - уже никто не помешает!..

ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ

- Дети, повторяю ещё раз: если мы не узнаем, кто это сделал, то гулять сегодня не пойдём. - Так говорила старшей группе детсада "Солнышко" его заведующая Любовь Григорьевна и при этом старалась смотреть на детей внушительно и строго, потому что то, что случилось сегодня утром в садике, "не входило ни в какие рамки, следовало пресечь, а виновного наказать".

Дети сидели необычно тихо для них, в воздухе висело предчувствие беды от сгуставшейся над ними грозы, все были подавлены и унылы, каждый по-своему переживал случившееся.

Разбирались уже второй час, но до сих пор не выяснили абсолютно ничего. ЧП состояло в том, что кто-то из детей на новых импортных обоях, с таким трудом наконец-то выбитых из спонсоров, написал масляной краской слово, а вернее три корявых буквы КАТ и еще одну палочку явно недописанной буквы - не успел. Не нужно было сильно напрягаться, чтобы понять, что же хотел написать злоумышленник. И взрослые, и дети наперебой обсуждали только одно слово, а точнее имя виновницы происшествия - Катя.

За полчаса исторического для детсада события на злопыхатую надпись приходили посмотреть все: заведующая и её заместитель, психолог и музыкальный работник, воспитатели и нянечки, повара и уборщицы, задержавшийся по такому случаю сторож, шофер, вывозивший пищевые отходы, и даже толстая кастелянша тетя Маша, из-за лишнего веса с трудом-то добиравшаяся от дома до детсада, но для такого случая нашедшая в себе силы подняться на второй этаж посмотреть и попричитать по поводу беспрдельно-бессовестной, хулиганской надписи.

Но происшествие, невероятное для детского сада, тайна которого, казалось бы, должна была очень скоро быть раскрытой, продолжало оставаться загадкой, а расследование его неожиданно зашло в тупик. До сих пор никто не знал, кто это сделал, почему это сделал и для кого. Дети молчали все, даже ябеды.

Правда, баночку с краской и кисточку всё же нашли под раковиной умывальника. Но на этом следствие и остановилось, потому что, как сказала воспитательница провинившейся группы Ирина Олеговна: "Нельзя - и ни у кого нет такого юридического и морального права - снимать у детей отпечатки пальцев". Взрослым оставалось только одно: действовать внушением. Сначала детей по-хорошему просили сознаться, но увидев, что излишняя мягкотелость в таких вопросах не приносит ожидаемых результатов, их стали запугивать. Заведующая и её заместитель на ходу придумывали самые изощренные издевательства: "В цирк собирались? Не пойдете!", "Кон-

церт к празднику готовить? Не будете!", "Подарки к празднику? Не получите!", "Еще двух попугайчиков в живой уголок? Нельзя!" - и даже самое страшное: "Всю неделю будете есть только манную кашу!" В это же самое время психолог в кабинете заведующей упорно работала с известными всем ябедами.

Но дети молчали.

Сложность расследования состояла ещё и в том, что в этой группе были три девочки с именем Катя, и, какой из их предназначалось это злобное ("Катка - дура"), а еще хуже любовное ("Катя, я тебя люблю") - тогда, боже упаси, и всем захочется! - посвящение, понять было трудно. Поняв же это, верно рассчитывали следователи, они найдут и самого хулигана. Вот тогда пусть и платят его родители за новые обои!

Одну Катю из списка подозреваемых исключили сразу же. Это была тихая, заторможенная, ничем не примечательная девочка, совершенно скучная не только на слово или улыбку, но и на любое эмоциональное движение. Ни обиду, ни любовь она, к сожалению, вызвать ни в ком не могла. Увы!

Зато две других Кати вызывали десятки вопросов. Одна обещала стать красавицей и уже сейчас, в семь неполных лет, вела себя, как принцесса: была требовательной и капризной, очаровывала мальчиков и управляла ими. Другая же не поражала внешностью, зато имела весёлый и добрый характер, в детских играх чаще всех оказывалась заводилой. Глядя на двух этих девочек, воспитатели и родители понимали - это растут два лидера, и ой как трудно будет им в жизни на одной дороженьке!

Обе Кати в сложившейся ситуации вели себя по-разному. Перспективная красавица, гордо подняв подбородок, поглядывала то на надпись, то на мальчиков, то на подружек. Она была уверена, что это ее имя не дописано на стене, причитаний взрослых по поводу испорченных обоев не понимала и была очень довольна, что все это происходит из-за нее. Другая же Катя никак не выражала свои чувства, сидела спокойно и все смотрела на воспитательницу, Ирину Олеговну.

Никто из мальчиков не знал, кто сделал эту надпись. Но когда на них поглядывала красивая Катя, каждому, наверное, хотелось быть тем единственным героем. Но это сделал только кто-то один из них, и только он один знал: для какой Кати это сделал и почему. Но он молчал.

На следственном совете решено было поговорить с каждой из двух Кать в отдельности. Сначала в кабинет к заведующей Ирина Олеговна привела красивую Катю.

- Катя, ты знаешь, чье имя написано на стене? - спросила девочку заведующая. Катя кивнула. - Чье? - ещё раз спросила заведующая.

- Моё, - ответила красивая и гордая Катя.

- А знаешь, кто это написал? - продолжала спрашивать заведующая. Катя снова кивнула. - Кто же?

- Мальчишки!

- А кто из мальчиков?

Катя безразлично пожала плечами и кокетливо улыбнулась.

- Тебя обижал кто-нибудь из них, обзывали, может быть? - вставила свой вопрос заместитель заведующей.

- Да они все какие-то недотёпы! - вспыхнула капризная и очень требовательная Катя.

- Катя, а кто-нибудь из мальчиков уже признавался тебе в любви? - неожиданно спросила психолог, а все присутствующие недовольно при этом не её посмотрели.

- Нет, - замотала головой Катя и опустила глаза.

- Ну, иди, - разрешила заведующая и глубоко вздохнула, в смысле: "ну что тут скажешь!"

Следом за одной Катей в кабинете заведующей оказалась и другая. Ей задавали те же вопросы, но девочка на них не отвечала, будто не слышала, и только упорно смотрела на Ирину Олеговну. Воспитатели решили, что ребёнок, обычно такой жизнерадостный, теперь напуган и замкнулся - пусть лучше идёт к детям, а беседу следует прекратить.

Время шло, а хулиган до сих пор не был найден. Взрослые не знали, что и делать, а к приходу родителей виновника обязательно нужно было найти.

В помещении группы всё шло своим чередом. Дети немного успокоились и продолжали заниматься своими обычными делами: они играли. На улице, конечно, было бы веселее - но нельзя, значит нельзя. Все скоро увлеклись играми и на злосчастную надпись всё реже обращали внимание, только кто-нибудь из ребят, пробегая мимо, останавливался около корявых букв и осторожно трогал их пальцем - краска ещё липла, оставляя на подушечках пальцев ярко-красные следы.

Но кто же всё-таки был автором надписи? Даже опытный глаз не смог бы найти сейчас среди играющих детей настоящего виновника. Дети есть дети: гром прогромел, тучи разошлись, и снова радостно светит солнышко. Ирина Олеговна догадывалась, кто из мальчиков мог это сделать. Она припомнила: на прогулке жизнерадостная, весёлая Катя оказалась заводилой в новой игре. Дети облепили качели, раскачивали их и под ритмическое качание выкрикивали абсурдные слова смешной считалки - кто не успевал попадать в такт, выходил из игры. Было шумно и весело. Ирина Олеговна лишь беспокоилась, что дети могут испачкаться о поржавевшие за зиму качели.

- Ребята, осторожнее! Давайте хотя бы протрём качели.

- Их надо просто покрасить - вот и всё! Тогда они снова станут новыми и красивыми! - предложила Катя.

Конечно, остальные дети сразу же поддержали Катю. Ирина Олеговна в знак одобрения улыбнулась, но где им знать, подумала она, беззаботной детворе, как трудно теперь в детсаде не только с краской, но даже с карандашами и обычной бумагой.

Вот тогда-то и обратила Ирина Олеговна внимание, каким взглядом смотрел на Катю Сережа. Это был на редкость ответственный за свои поступки мальчик. Шумный и подвижный, как и все дети, он, между тем, никогда не поступал так, чтобы обидеть кого-то грубостью или резким словом. Бывало, он первым из всех честно признавался в общей детской проказе, беря лишь на себя всю ответственность. Кое-кто из детей подчас пользовался искренностью и прямоотой Сережи, прячась в шалости за его спиной. Но никто из ребят, даже самый заядлый ябеда Коленька, болезненно бледненький и самый слабенький из всех мальчиков, никогда не указал бы на Сережу, как на главного виновника какого-либо происшествия.

Ирина Олеговна всё это знала. Но молчание ребят, молчание самого Сережи заставляло ее сомневаться в его виновности. Но ведь именно Сережа и только он один в последние месяцы был так необычно внимателен к

Кате! Ведь не слепая же, в конце концов, Ирина Олеговна! Почему же молчит мальчик?! Что же все-таки случилось, почему молчит Сережа?

Сережа молчал, потому что не мог объяснить ни себе, ни другим, почему он это сделал. Да, Катя нравилась ему из девочек больше всех. Потому что она веселая и хорошая! Именно так он и сказал папе, когда просил красивую красную краску. Предложение Кати покрасить качели неожиданно все изменило. Раньше она была для него девочкой, которая просто нравилась, а теперь - той, для которой он стал готов на поступок. Понимал ли он сам это? Вероятнее всего, нет. Но как пристально, по-новому глядел он вчера на Катю! В Сереже проснулось чувство, которому не было у него пока еще объяснения.

Не в каждом мальчике зарождается и зреет то чувство ответственности за свои слова и поступки, которое и делает его в глазах избранницы настоящим мужчиной. За много лет работы с детьми подобные ранние проявления Ирина Олеговна встречала не часто. И на этот раз она боялась вспугнуть, рассеять или даже, не дай бог, убить зарождавшееся чувство в мальчике. "Он должен всё сказать сам - так для него будет лучше", - решила воспитатель. Оставалось только терпеливо ждать удобного случая, чтобы помочь Сереже.

- Ирина Олеговна, а завтра мы пойдём гулять? - вдруг громко спросил кто-то из играющих ребят.

- Конечно. Кстати, не мешало бы покрасить наши качели. Катя правильно поступила, предложив это сделать. Кто-нибудь сможет, ребята, принести краску?

- Я уже принёс! - неожиданно для всех выкрикнул Сережа и тут же осёкся.

Воцарилась тишина, все дети смотрели на Сережу и ждали, что же теперь будет.

Ирина Олеговна подошла к мальчику, присела рядом с ним и тихо, но чтобы всем было слышно, спросила:

- Почему ты написал на стене Катинo имя, Сережа?

И Сережа так же тихо искренно ответил:

- Потому что люблю!

Ирина Олеговна не удержалась и погладила мальчика по голове, подумав: "Молодец, всё-таки сказал", - а вслух произнесла:

- Ну, значит, завтра все вместе и покрасим. А теперь, дети, давайте соберем игрушки - скоро обед.

Довольные, что всё наконец-то выяснилось и разрешилось, и завтра снова они пойдут на прогулку, дети радостно стали собирать игрушки. И только Катя, всегда такая веселая, задорная, продолжала пристально глядеть на Ирину Олеговну и не на нее одну, а и на Сережу тоже.

Родители уводили домой своих детей. В одну сторону уходили Сережа с папой, в другую Катя с мамой.

- Катя, а ты знала, что это написал Сережа? - спрашивала мама.

Катя знала об этом. Но как молчала она тогда, так смолчала она и сейчас. Наверное, она тоже могла бы сказать те слова, что сказал Сережа. Но это она скажет только ему и только если он сам спросит. А сейчас зарождающейся в ней женской интуицией она понимала: у неё ещё есть время, всё у них с Серёжей еще впереди.

Андрей ВИХАРЕВ

Андрей родился в 1977 году. Детство его прошло в Волгоградской области. Но семья переехала в г. Шевченко (Казахстан). Там он закончил 8 классов средней школы. В 1992 году поступил в Волгоградский технический колледж.

После распада Советского Союза родители Андрея вынуждены были уехать из Казахстана. Приют нашли на родине отца - в Димитровграде. Сюда же возвратился и Андрей после окончания колледжа. Работал геодезистом в городском земельном комитете, Димитровградском филиале УГПТИ.

О себе пишет коротко: «Холост. Не судим. Вредных привычек не имею. Увлечения: геодезия, литература, поэзия, музыка (играю на соло-гитаре)».

Стихи Андрей начал писать недавно, но уже сама его первая публикация в «Черемшане» говорит о том, что человек он, несомненно, одаренный, светлый, тонко чувствующий мелодию стиха, слова.

ОЗАРЯЕТ ДУШУ СВЕТОМ...

Словно лебедь белый-белый,
Где-то сверху нарождаясь,
Снег кружится самый первый,
В тусклых окнах отражаясь.
Он искрится, он играет,
Как щечочек белокурых,
Что как снег в мохнатой шкуре...
И печали он не знает.
А в снегу, как за решеткой,
Мыслью я живу одной:
Стать, как в нем, снежинкой легкой,
Улететь к себе домой.

БЕСЫ

Бесы, бесы вокруг, -
Вихрями надо мной.
Чертят магический круг,
Да с пятипалой звездой.

И от вершин ее острых -
Змей расползаются стаи...
Мне умереть было просто,
Только никак не сдыхаю...

Небо, дождем ядовитым,
Плоть разъедает мою.
Лучше бы был я убитый,
А, коли жив - так терплю.

Кружат сомненьями голову,
Крутят мне судорогой тело, -
В этих ремеслах умелые, -
Знающие свое дело.

Ярким животным огнем
Вспыхнул вдруг дьявольский круг!
Пламя, сквозь дым, вижу в нем:
Бесы, бесы вокруг...

ТВОЙ ВЗГЛЯД

*Ты ослепительно красива,
Но иногда бывает страшно:
Ведь в красоте твоей есть сила,
С которой справится не каждый!
Не каждый сможет удержаться.
На волнах страсти роковой,
Что в сердце страждущем рождаться
Спешит от взгляда, что тобой
Обронен, будто бы случайно,
И, просто дьявольски невинен, -
Но чист от ложных замечаний
И в страсти этой неповинен!*

*Весна та выдалась нещадной,
Сирень взрывалась тут и там,
Палило солнце, но прохлада
Все не сдавалась по ночам.*

*В начале мая воздух пьяный -
Кружит сознание, греет кровь.
И каждый день такой желанный,
Что сердцу чудится любовь.*

*А ты была немного старше,
И для меня, совсем юнца,
Казалось нет на свете краше
Того прекрасного лица.*

*Такой манящий, неизвестный
Твой запах... Ветка в волосах,
Цвет тонких губ твоих чудесный,
И опыт жизненный в глазах.*

*До боли помню наши встречи:
До каждой мелочи, до жеста.
Накрыл прохладой нас вечер,
Где для двоих лишь было место.*

*В беседке той, чтоб не замерзнуть
Укрылись, прочь от глаз людских,
Чтоб знали только в небе звезды
О нашей тайне для двоих...*

МОЯ РОССИЯ

*Я смотрю в безжалостную синь
Моего пронзительного неба
И, вдыхая горькую полынь,
Разрываю как краюху хлеба
Свою душу прямо пополам...
Как вино, из раны кровь сочится -
Жизнь свою, не думая, отдам
За тебя, любимая Отчизна!
Сшей рубаху ты мне из крапивы
И из глины сделай башмаки, -
Для меня мучительно красивы
Две плакучих ивы у реки...
Разобью я ноги свои в кровь,
Обойду вокруг весь белый свет,
Чтоб задать себе вопрос тот вновь.
Чтобы в сотый раз найти ответ!*

*Судьбы стальные тиски
Сжимают слабые руки...
В тюрьме плесневелой тоски
Задыхаюсь от мерзкой скуки.*

*Все запачкано грязью здесь
И со стенки - сплетни стекают.
Здесь забыли, что солнце есть,
И о том, что весна бывает!*

*Мрачных лиц кирпичные стены
Вырастают вокруг меня.
Как не любят здесь перемен,
Как пугаются здесь огня!*

*Воздух твердый от злобных взглядов,
И от зависти небо серо...
Мне уже ничего не надо,
Мне давно уже все равно...*

МОЛЬБА

*Прошу, не покидай меня сегодня,
Пусть свечи все сгорают без следа,
Смогу я все, все что тебе угодно,
Но только ты меня не покидай!*

*Прошу, не покидай меня сегодня...
Мне холодно, мне страшно, я одна.
Пусть все на свете унесет природа,
Но только ты меня не покидай!*

*Прошу, не покидай меня сегодня,
Не отнимай мой безысходный рай,
Пусть наказание, кара пусть Господня,
Ты все равно меня не покидай!..*

ХУДЫЕ ПАЛЬЦЫ ГИТАРИСТА

*Худые пальцы гитариста
На нити струн ложатся вновь.
Как кость слоновая - вы чисты,
Течет в вас цвета неба кровь.*

*И вот созвучья наполняют
Ноябрьский вечер, как цветы,
И Муза вдруг с небес слетает.
И вдохновенье ловишь ты.*

*И как с любимой пальцы эти
С гитарой ласковы, нежны,
И нет прекраснее на свете
Такой божественной игры!*

*В ней все - влюбленности порывы
И злобной ненависти тьма,
Тепло и холод, кротость, сила:
Игрой такой сведешь с ума!..*

*И чувств волненье утихает,
Последний звук звенит так чисто.
А то на струнах умирают
Худые пальцы гитариста...*

ВСЕ ИНАЧЕ

*Тот же старый городок,
Та же осень тихо плачет.
От дождя твой дом промок -
Так же все, но все иначе.*

*Люди так же суетятся,
Кто работать, кто на дачу.
Листья падают-кружатся -
Так же все, но все иначе.*

*Твой подъезд такой же темный,
Поднимаюсь я - незрячий,
Запах в нем стоит знакомый -
Так же все, но все иначе.*

*И ступенек сорок девять,
Кто-то словно их назначил,
И опять стою у двери -
Так же все, но все иначе.*

*Сердце щемит, силы нет.
Дверь открылась. Это значит...
«Здесь давно таких уж нет» -
Так и есть - здесь все иначе.*

ТВОИ РУКИ

*Твои худенькие руки
Могут быть полупрозрачны,
Но совсем это не значит,
Что бессильны, словно звуки...*

*В час тоски, душевной муки
Незаметно сядешь рядом,
Зачаровывая взглядом, -
Мои стискиваешь руки...*

*И сомненья отступают:
Нежно ты меня ласкаешь,
За собою увлекаешь
В мир чудес, что не бывают...*

*И, во времени теряясь,
Позабыв про все на свете,
Мы с тобою, словно дети,
Чудесам не удивляясь,
Отправляемся в мечту.*

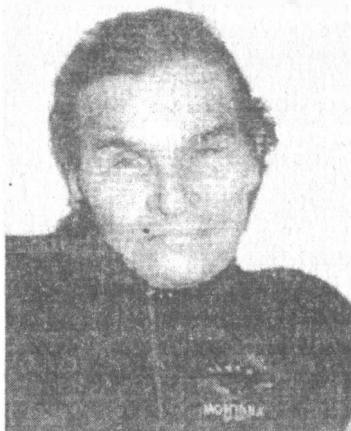
*А наутро, рано-рано,
Ты тихонечко проснешься,
Почелуешь, улыбнешься
И исчезнешь тихо, странно.*

*Дверь прикроешь, не нарушив
Сны мои, где точно знаешь:
В чудо ты со мной летаешь,
Заколдовывая душу...*

*Золотое солнце
Катится все выше.
Зайчики с оконца
Прыгают на крышу.
Я смотрю, - и душу
Озаряет светом.
Я боюсь нарушить
Совершенство это.*

НАЧАЛО

Гакыл САГИРОВ

Сагиров родился в селе Файзулла Кошкинского района Самарской области. В 1960 году после несчастного случая перенес тяжелую операцию, и врачи не верили, что он выживет, но судьба сохранила ему жизнь. Правда, он остался без ног, парализованным...

Недуг не победил этого человека: ценой необъяснимых усилий он заставил себя взять в зубы перо и рисовать, сочинять стихи. Его мать, простая татарская женщина, потерявшая во время войны мужа и старшего сына, вот уже более сорока лет терпеливо ухаживает за младшим, помогая ему создавать талантливые произведения.

Гакыл - член Союза писателей Татарии. На татарском языке вышли его книги: «Свежий ветер», «Подсолнухи», «Неповторимая мелодия», иллюстрированные рисунками автора. Сагиров - лауреат областных, республиканских и всероссийских конкурсов живописцев. Его произведения публикуют газеты и журналы: «Всадник», «Бердэмлек», «Чаян», «Совет мэк-тэбе», «Казан утлары», «Азат хатый»...

В «Черемшане» впервые публикуются произведения Гакыла Сагирова, написанные им самим на русском языке.

... И только у космоса нет конца, как и начала. У всего, что существует на Земле, есть начало и конец: истоки и стоки великих рек, всех путей, дорог и тропинок, больших и маленьких чувств, радости и счастья и даже таких неприятных для нас явлений, как горе, беда и страдания.

После окончания семилетней школы я отправил письмо в Пензенское художественное училище. Ответ из училища меня очень обрадовал: окончившие школу с отличием сдадут вступительный экзамен только по рисунку и композиции. А рисовать я любил: уже три моих рисунка были напечатаны в газете «Пионерская правда».

Среди нужных документов для поступления требовалась и справка о состоянии здоровья. Врач райбольницы, седая пожилая женщина в очках, осмотрев меня, мягко и участливо сказала: «Сынок, учебу придется пока отложить. Тебе надо серьезно лечиться: дадим направление в областную больницу».

К тому времени моя левая рука начала постепенно ослабевать, терять чувствительность и плохо слушаться своего хозяина. Видимо, мое падение с высокого дерева два года тому назад начало (совсем уж не ко времени) предъявлять «свои права». Тогда любопытство перебороло страх высоты - мне захотелось увидеть, что там за лесом, и я полез на самую макушку дерева, и вдруг обломилась ветка... Открыв глаза, я увидел вокруг себя испуганных мальчишек, а маленькая Наиля даже пла-

кала. Странно: на мне не было ни ран, ни переломов, только как будто набитая ватой, кружилась голова и немного тошнило. Обычно в детстве такие происшествия быстро забываются. Но это, спустя два года, грубо напомнило о себе...

В путь-дорогу проводила меня мама. Таксист, привезший в город, высадил меня прямо у ворот больницы. И мальчик, который до этого никогда далеко не уезжал из своего села, остался один на один с огромным городом, с совершенно незнакомыми его привычками. Он не испугался, он верил в доброту. Его душу наполняла любовь к этим простым улыбающимся людям, и он был твердо уверен, что они ответят ему тем же.

Прием в больнице к этому времени уже закончился. Красивая девушка в ослепительно белом халате, прочитав мое направление, сказала: «Сегодня ничего нельзя сделать. Приходи завтра с утра, примем без очереди. Не забудь».

Я стоял на шумной улице и старался сообразить, как дальше быть: ведь «завтра» придет только через ночь, а эту ночь я должен где-то провести. До вечера оставалась еще уйма времени. С надеждой, что все будет хорошо, я решил прогуляться по городу. У красивого пятиэтажного дома я увидел женщину, торговавшую горячими пирожками и, подойдя к ней, протянул бывшие у меня пять рублей. Отдав пирожки, она стала расспрашивать меня обо всем. Мои деньги отдала обратно: «Разменивать твои деньги не стану. Они тебе еще пригодятся в больнице». «А за пирожки?..» «Нет-нет, кушай на здоровье». Я поблагодарил ее.

Начались обыкновенные одноэтажные дома, какие-то заборы. Вдруг мне захотелось найти укромное местечко. Ворота были открыты и я вошел в какой-то двор. В углу копошилась маленькая старушонка с длинным острым носиком. Она, увидев меня, визгливо крикнула: «Старик, здесь какой-то мальчик!» И... в дверях появился старик очень похожий на Герасима из всемирно известного рассказа «Му-му»: такой же высокий, широкоплечий, с бородой-лопатой, в длинном холщовом переднике, в старых стоптанных валенках, обутых в большие резиновые галоши. «Герасим» держал в руках большую метлу. Подойдя ко мне, строго спросил: «Что тебе надо, мальчик?» Я стоял, заворочено глядя на него, и удивлялся, что и в наше время живут такие дворники, которые были описаны в литературе. Я смутился: «Мне бы... в туалет». «Документы у тебя есть?» Я протянул ему единственный имеющийся у меня документ - направление. Старик повертел в руках мою бумажку, и увидев печать, видимо успокоился и протянул обратно со словами: «Тебе что, задворков не хватает?»

Прости старик, что я буквально понял твое указание, завернув за твой же дворик... Не писать об этом я не смог: уж очень большое впечатление оставила эта встреча с дворником.

Пришло время думать о ночлеге. Одни предлагали вокзал, другие церковь, но эта затея была мне не по душе. В гостинице «Дом колхозника» вахтерша предложила переночевать на диване, который стоял неподалеку от ее стола. Вечером я вышел на крыльцо, там сидели трое мужчин, курили и разговаривали о предстоящей работе. Я тоже подсел к ним и вскоре мы подружились. Один из них, Сережа, с черными усиками и копной черных кудрявых волос, похлопал меня по спине и сказал: «Ничего, я поговорю с дежурной - поспишь у нас в комнате».

Утром я проснулся очень рано. Мои знакомые еще спали, когда я ушел. Больница еще не была открыта. Умывшись холодной водой из колонки и позавтракав тем, что осталось из взятого с собой, решил немного прокатиться в троллейбусе.

Я занял место у окна. Троллейбус часто останавливался, пассажиры входили и выходили, а я не двигался с места. Все было для меня ново и интересно: проезжали мимо высоких красивых домов, мимо одинаковых, как близнецы, деревьев (после узнал: это работа «уличных парикмахеров»). На улицах было много машин и спешащих куда-то людей. Проехали близко к большой воде - успел заметить белый пароход и несколько лодок - Волга! Я потерял реальное чувство времени. «Мальчик, мы больше никуда не поедem». Я очнулся: вокруг меня никого не было, только кондукторша с сумочкой в руках стояла около двери и чему-то грустно улыбалась.

В больнице вчерашняя девушка, увидев меня, вытаращила глаза: «Ты? Почему так поздно? Что же мне с тобой делать? - захныкала она, но взглянув на маленькие круглые часики на руке, оживилась, - Подожди, может еще...» Не договорив, девушка быстро побежала куда-то наверх и вскоре появилась с высоким мужчиной, который на ходу торопливо натягивал белый халат... «Твое счастье - врач не успел уехать...»

Меня переодели во все больничное и привели в палату №14. Номер палаты и количество коек совпадали. Койки располагались буквой «П» в большой светлой комнате, посередине которой стоял стол, на нем двое парней в таких же, как у меня, полосатых пижамах играли в шашки.

Все мы в той или иной степени зависим от других. Без внимания, без любви или иных видов отношения других людей к нам, мы - никто, нуль без палочки. И я с большим нетерпением ждал появления других своих соседей. Первым пришел с прогулки де-

душка в вышитой бисером тюбетейке - татарин. Ну и испугал он меня вечером: сунул в рот указательный палец, вместе с челюстью вытащил свои зубы и спокойно положил в стакан с водой. Я обомлел от страха, пока до моего сознания не дошло услышанное где-то, что бывают искусственные зубы... Он оказался из райцентра Камышлы. Сторожил колхозные амбары. Воры, когда он не согласился дать им пшеницу приготовленную на семена, топором ударили его по голове. Думали, что убили, а бабай выжил. Последствия повреждения черепа остались: он вдруг останавливался и как подрубленный, падал на пол и с полчаса лежал без сознания. Мне было очень жаль его.

Другой мой сосед объявился только за несколько минут до раздачи лекарств. Веселый, общительный, он сразу принял меня как своего. Пришла молоденькая медсестра с коробкой лекарств. Тоненькая, миловидная, с большими черными глазами, светящимися изнутри непонятным для меня огоньком. Она увидев меня, ласково улыбнулась: «О, у нас новенький. Как зовут-то?» Я назвал. «Красиво звучит. В первый раз слышу такое имя». Мне стало не по себе от ее слов и взгляда, в лицо ударила какая-то горячая волна.

Все пошли ужинать, остался только больной, который лежал у двери. Нянечка принесла ему ужин. Он, видимо, что-то сказал ей. «Это ты съешь сам. Как это не хочу?! Тебе надо поскорее встать на ноги. Что ты обещал своей жене? Вот и не отступай. А его-то я голодным не оставлю». Вскоре и мне принесла тарелку молочного супа, хлеб и полную кружку горячего сладкого чая.

В десять часов заглянула «черноглазая», выключила свет: «Спокойной ночи. Не шумите, накажу». «Нет, нет!» «Я-то уж знаю ваше «нет»!

Спать никто не собирался: оказалось, настоящая жизнь в палате начиналась только после отбоя. Все боли и неприятные чувства отступали на задний план. Пришло время горячих анекдотов, рассказов о прочитанных книгах, об эпизодах прогремевшей недавно войны.

Николай, мой сосед, на другой же день научил меня играть в шахматы. Я хорошо играл в шашки, поэтому и эту премудрость постиг быстро. После второй партии, тяжелые фигуры - ферзя, ладью, коня, он поставил на доску: «Молодец! Мне уже трудно играть без них». Через две недели его выпишут: он идет с не излеченной головной болью. В клинической больнице мы снова встретились - снова лежали рядом. Из операционной, где ему делали трепанацию черепа, его прикатили с обмотанной бинтами головой, виднелись только нос да рот. У стоящей рядом сестры я спро-

сил о его самочувствии. Он был в сознании и по голосу узнал меня. «Да-да, это я, помню тебя, Николай». «Не говори много, береги силы...» Это случится спустя еще три долгих года...

Нас вела невропатолог Людмила Георгиевна - высокая, стройная женщина лет двадцати семи, с круглым приятным лицом. Она была очень внимательна к больным. Старалась всем сердцем помочь нам. Ее простота, как магнит, притягивала других. Один из больных, в шутку или всерьез, предложил ей руку и сердце. Людмила Георгиевна рассмеялась: «У меня ведь есть один. Куда же мы его денем?» Узнав, что я рисую, она принесла толстую медицинскую книгу, большой альбомный лист и попросила срисовать мозг человека. «Для стенда» - объяснила она. Когда я работал, больные подходили и говорили: «Точь-в-точь!» Узнала об этом и черноглазая - притащила белую матерью: ей нужен был рисунок ветки сирени, оказывается, она любила вышивать. Тут же, в ее присутствии, я выполнил ее просьбу. «Ой, как красиво!» - воскликнула она и даже чмокнула меня в щеку. Через неделю она принесла показать прекрасное творение своих рук. Потом она вышила розы в вазе...

Каждую ночь в палате что-нибудь происходило. Умер Антон Васильевич - среднего роста, полный, с седеющими волосами; хромая, он ходил, опираясь на трость: у него болели ноги. Вечером, он со всеми смеясь и балагуря, играл в домино. Никто не ожидал такого исхода: как уснул, лежа на левом боку, положив руки под голову, так безмятежно и перешел в мир иной. Ночью, когда дежурная сестра обходила больных, он уже не дышал... Занятный был старикан: всю свою жизнь работал бухгалтером в одной большой организации, знал много анекдотов про Пушкина и Лермонтова и интересно их рассказывал. Вот один из анекдотов, оставшийся, зацепившись за краешек моей памяти:

На вечеринке какой-то граф (не помню) хотел посмеяться над Пушкиным. «Сочинительство - плевое дело! Господа, хотите, тут же я вам сочиню отличнейшее четверостишие?» Ему заплодировали. «...Взошел на западе румяный царь природы...» - начал он и запнулся, не зная, как продолжить дальше. А продолжил Пушкин, стоявший рядом: «...А удивленные народы не знают что начать: ложиться спать или вставать». В то время я еще не знал, что лучший способ запомнить - записать.

Мы с Петькой приехали из одного района. Высокий, худощавый восемнадцатилетний парень, призывник, весь день работал под палящими лучами солнца в поле. Добравшись до полевого стана, одну за другой выпил две большие кружки холодной воды. Было приятно, когда торопливо утолял жажду. Но к вечеру нача-

ла болеть голова, поднялась температура, а утром он был уже без памяти в буквальном смысле слова - никого не узнавал. Три дня мать была с ним, потом уехала - дома остались только младшенькие. С Пети сняли штаны, думали, что без них он не осмелится бродить повсюду. Но и без них он чувствовал себя нестесненно. Когда приходила процедурная сестра, спрашивала:

«Где ваш беспортошный-то гуляет?» Его находили, приводили и, свалив на кровать, удерживали, пока сестра сделает укол: он брыкался, кричал, ругался. Как-то раз Петьку вовсе не нашли на территории больницы. Подняли тревогу. Через два часа его обнаружил милицейский патруль недалеко от моста через реку Самарка. А однажды ночью он встал и начал «поливать» своего сонного соседа. Тот испуганно вскочил, начал кричать и плевать-ся. Закончив свое дело, Петька лег и спокойно захрапел. На шум прибежали сестра и нянечка: мокрую постель убрали, больного повели в ванную. Когда Петька начал выздоравливать, мы рассказывали ему о его проделках. Он беззлобно улыбался: «А я ничего не помню».

В нашем отделении начала работать новая медсестра Лида: полненькая, светловолосая, всегда улыбающаяся, она дружила с Павлом Дементьевым из нашей палаты. Почти каждый день она приходила к нему. Иногда они встречались в больничном саду: она приходила нарядная, красивая. Длинные светлые волосы покрывали всю ее спину. В первый раз, когда я увидел ее такой, мне на ум пришла одна фраза из какой-то книги: «Золотую гриву молодого коня трепал южный горячий ветер...» Каждый раз, увидев ее в палате, я удивлялся: как же она ухитряется спрятать свои волосы так аккуратно под белую шапочку.

Часто по утрам мне бывает невыносимо тоскливо. Первые звуки курантов по радио я встречаю открытыми глазами (под подушкой у меня лежат наушники). Звон колоколов недалекой церкви будоражит душу, навеивает чувство неудовлетворенности, безысходности. В голову лезут разные мысли о жизни и смерти. До нас ведь тоже жили немыслимое множество людей. Пройдет некоторое время и о нас забудут - никто и не вспомнит. Никто!... Жаль... И со здоровьем все хуже и хуже. Другие приходят, излечиваются, уходят счастливые. А тут... сколько ни старается Людмила Георгиевна - все напрасно. Чтoб избавиться от таких грустных мыслей, открываю книгу...

...Чудесный воскресный день-сегодня посетителей было особенно много. Я никого не ждал: мать приехать не сможет - далеко. Не отрываясь, читал «Королеву Марго» - оставленную мне Николаем. «Вернешь, когда увидимся», - с печалью в голосе про-

изнес он, как бы предугадывая нашу с ним встречу в недалеком будущем.

Закончив вечерние процедуры, зашла Лида, присела к столу рядом с Дементьевым, который играл в домино. Когда они закончили партию, улыбаясь, она сказала: «Слышали об окаменевшей девушке?» Все разом повернулись к ней. «Завтра наверное все газеты раструют об этом, - засмеялась она, поправляя волосы. - А я вот стала свидетелем этой мировой сенсации. Так что - слушайте из первых уст...»

А произошло вот что: вчера вечером подружка Лиды - Светлана праздновала свой день рождения.

Среди присутствующих в основном были девушки. Парень Светы служит в армии. Во время танца Света, со словами «Он будет моим любимым!» - сняла с подставки икону и, прижав ее к груди, стала кружиться вместе со всеми. Мать увидев эту сцену, вырвала икону и поставила на место: «Ты что, сдурела? Хочешь навлечь на себя божью кару?! «О, Боже! Прости и помилуй грешную рабыню свою...». Она несколько раз перекрестилась, помолилась и ушла к себе на кухню. Инцидент был исчерпан. Вскоре об этом все забыли. Разошлись в половине первого ночи. Но, как оказалось, дело только этим не закончилось. Ни свет - ни заря постучали в дверь. «Кому что понадобилось в такую рань», - пробормотала, зевая, мать Светланы, слезая с постели. В дверях стояла какая-то старушка и крестилась. «О, Боже! Чудо-то какое! Где же стоит она, касатушка горемычная-то? - начала причитать бабуля, увидев женщину в открытой двери. «Кто вам нужен, бабушка?». «О, чудо невиданное неслыханное, пресвятая Богородица! Где она стоит-то, хочу коснуться ее, помолиться за душу грешную...». Мать Светы с трудом поняла, что она пришла увидеть девушку, которая «вечор танцевала с иконой, так посередь комнаты и окаменела с образом в руках». Мать и дочь остолбенели: вероятно, кто-то в шутку пустил слух... За первым звонком последовал второй, третий, пятый...

Когда не стали открывать, чуть ли не взломали дверь. Пришлось обратиться в милицию.

Лиду разбудила мама: «У соседнего дома собралась толпа. Там что-то случилось». Побежали. Женщина, стоявшая чуть в стороне от толпы, сказала:

«Девушка там... не то - умерла, не то - говорят, окаменела...» все из-за парня какого-то...» Поставшие у подъезда Лиду остановили. «Я здесь живу», - соврала она. Дверь открыла Светина мама: «Вона, полюбуйся на свою окаменевшую подружку! Доигралась! Вот и расхлебывай теперь!» - сердилась тетя Лена. Света, сгорбившись, сидела на диване, глаза красные, заплаканные.

Впустили двух монахинь, может им поверят? Не тут-то было - толпа загудела с новой силой: «И вы туда же, старые! Побойтесь бога! Сколько заплатили? Кто-то сидит там, страшает. Богохульники!» Каждому хочется самому удостовериться, увидеть своими глазами. Только к обеду, когда начался дождь, толпа потихоньку «рассосалась».

В середине девяностых годов мне попалась книга, где были собраны «чудеса», произошедшие за последние сто лет. Это «чудо» тоже там описывается как исключительный достоверный факт. Одно замечание: там не было сказано, куда же дели потом эту окаменелую девушку. Может быть и Лида не сказала нам всю правду, побоялась, что мы всей палатой побежим поглядеть на это чудо? Не знаю.

Через год, когда я снова попал сюда, не сразу признал Лиду: куда делись ее привлекательность, обаяние? Избавилась от своих пышных волос, осунулась, на бледном лице местами проступали серые пятна, в глазах затаилась жестокость. Как-то спросил о Дементьеве. «Не знаю никакого Дементьева», - грубо отрезала Лида. И надо же было мне соваться с этим вопросом именно к ней - видимо, очень уж глубоко обидел ее этот белобрысый крепыш.

Не стоит распространяться насчет душевного состояния больного, у которого впереди нет ни проблеска надежды. Я не знаю, о чем думала та пожилая цыганка, присев рядом со мной в больничном саду. Она просто сказала: «Я вижу - ты много читаешь. Читай-читай, когда-нибудь умным человеком станешь. Но...» - и толком не объяснив свое загадочное «но», устремила свои не тронутые временем огненно-черные глаза на тот край неба, где собиралась большая грозовая туча, и уже слышны были далекие раскаты грома. Она наверняка знала о трудностях, неимоверно тяжелых испытаниях, которые выпадут на мою долю, - не сказав больше ни слова, мудро промолчала. Если бы люди знали все о своем будущем, болезнь сумасшествия охватила бы большую половину человечества...

Я долго вас не задержу: еще один маленький последний эпизод с профессором Злотоверовым. Невысокий, с профессорской белой бородкой, очень подвижный, он со своей свитой - куда входили лечащие врачи, медсестры и обязательно практикующие студенты, по понедельникам обходил больных.

Лечащий врач знакомил с историей болезни больного и лечением, которое принимал он в настоящее время. Профессор внимательно слушал, давал свои советы.

На месте Николая теперь лежал двухметровый верзила, пол-

ный, добродушный человек, колхозный бригадир Бурков. У него проблемы с правой рукой: лег здоровым, утром - рука не поднимается, объяснил он. Профессор и Бурков - как Штепсель с Тарапунькой: один смотрел на другого снизу вверх, а другой - сверху вниз. «В учебниках часто встречается интересные иллюстрации - вот рядом с такими гигантами и снимаются, - любуюсь Бурковым, говорит профессор. - А ну-ка, батенька, покажи нам как ты отдаешь честь?» Честь у Буркова вышла никудышная. «Ну, что это, ты, как баба!» - улыбнулся профессор.

И вдруг такое: Бурков, глядя на профессора сверху вниз, своим громовым голосом произнес: «Не бабы, товарищ профессор, а женщины!»

На мгновенье все опешили. Профессор замолк, как бы споткнулся обо что-то тяжелое, лицо его приняло серьезное выражение. Он сказал несколько слов по латыни своим коллегам и они все перешли к следующему больному.

Когда они ушли, больные «набросились» на Буркова.

«А что... - спокойно прогремел тот, - пусть знает: мы тоже не лыком шиты».

г. Димитровград, октябрь 1999г.

ГДЕ ВИНОВНИК ТОРЖЕСТВА?

Приготовив сладкие пироги и печенья, купив необходимые на этот случай подарки новорожденной и ее родителям, они вызвали такси. По дороге решили еще раз заглянуть в магазин, где продавали фрукты. Здесь-то они и встретили счастливую молодую маму. Подруги обнялись, поцеловались...

Был теплый ясный летний день. Они, весело переговариваясь, вышли из магазина, сели в ожидавший их автомобиль.

У подъезда на скамье сидела еще одна молодая пара гостей. Весело разговаривая и смеясь, они поднялись в квартиру. Десять минут спустя уже сидели за праздничным столом.

В честь новорожденной открыли шампанское. Приятно шипя и пенясь, в бокалы полилась янтарная жидкость.

- В честь новорожденной, в честь прекрасной матери! А где же она сама? Где вы прячете свою красавицу? Покажете ее нам, наконец или нет? - заволновались гости.

Вся в лучах счастья, Зульфия, совсем еще девочка, раскинув руки как крылья, легко ступая, направилась в спальню, но через мгновенье снова появилась в дверях бледная и испуганная.

- Ее там нет... может, кто из вас? - произнесла она дрожащим от волнения голосом. Но никто из гостей в детскую комнату не заходил... И тут Зульфия, отчаянно вскрикнув: «О, Боже!», бросилась вниз по лестнице, и, как безумная, побежала по улице...

А между тем, девятидневная от роду виновница торжества, крошечная Гульчачак - цветочек жизни, тихонько посапывая, лежала в красиво убранной коляске в магазине, где ее оставили почти час тому назад. Она давно проснулась. Нет, не плакала, по-видимому, и не собиралась этого делать. Своими зелеными, с длинными черными ресницами глазами, она глядела на проходящих мимо людей и пыталась додуматься: почему же до сих пор не подходит к ней та единственная, говоря ласковые слова, нежно улыбаясь, и не берет ее на руки...

Виктор СЫСУЕВ

Виктор Петрович Сысуюев родился в 1938 году в Куйбышевской области, где Сысуюевы хорошо знали и до октябрьского переворота. Отец Виктора Петровича активно участвовал в белом движении, служил в армии адмирала Колчака. За год до рождения сына был арестован, но вскоре вышел на свободу в ярлыком «врага народа». Жили Сысуюевы в постоянном страхе, что их могут занести в списки «по первой категории» - значит, расстрелять... Вся их большая семья переезжала с места на место в поисках работы. И лишь в 1956 году, когда Виктор закончил десятилетку в Никольском-на-Черемшане, ему удалось завербоваться на освоение целины в Казахстан. После того сумел поступить в Ульяновский сельхозинститут, а с 1972 года два десятилетия работал в Димитровградском объединении «Сельхозхимия».

Первые же литературные опыты Сысуюева высоко оценил Евг. арин. Затем были публикации рассказов, очерков, басен, стихотворных переводов с немецкого и английского языков, которыми Виктор Петрович владеет на очень приличном уровне, - таких классиков как Байрон, Лонгфелло, Мейсфилд, Гете, Гейне, Вебер и другие.

Сегодня мы представляем Сысуюева именно как переводчика.

КУДА ТРОПА МОЯ ВЛЕЧЕТ?

СТРЕЛА И ПЕСНЯ

Из Г. Лонгфелло

*Пустил стрелу я вдаль высоко,
Упала от меня далеко.
Я не успел понять, в чем дело,
Куда так быстро улетела?*

*Послал я песню в белый свет,
Там затерялся ее след.
И я совсем не мог понять,
Где след той песни отыскать?*

*Нашел стрелу потом я снова
На ветвях дерева большого.
Сложнее с песней был финал:
В душе у друга отыскал.*

*Перевод с английского.
9.05.1999 г.*

ДОРОГИ

Из Д.Мейнсфилда

Ведет дорога в Лондон эта,
Другая же бежит в Уэльс,
А третья к морю, где со света
Собрались мачты, словно лес.

А эта, словно песня вьется:
Там поворот, изгибы тут,
И загоревшие матросы
По ней к реке, к судам идут.

Путей различных в мире много,
Куда тропа моя влечет?
Зовет домой моя дорога.
Меня ведет всегда вперед.

Перевод с английского.
19.06.1999г.

СУМЕРКИ

Из Г.Байрона

Тот час наступает, когда соловей
Протяжно и громко поет из ветвей;
Влюбленные пары повсюду видны;
Любовные клятвы и шепот слышны.

И ветер несильный и зеркало вод
Чаруют как музыка, как хоровод.
И каждый цветочек росой окроплен,
Как звезды осыпали весь небосклон.

Все глубже синеет. И в быстрых волнах
Коричневый отблеск возник. На листьях,
На небе высоком легла темнота,
Багряна, прозрачна, мягка и чиста.

И с нею закат уплывает долой,
И сумерки тают под светлой луной.
Перевод с английского.
30.5.1999г.

НЫРЯЛЬЩИК

Из Ф. Шиллера

- Отважится кто - иль рыцарь, иль воин
На дно опуститься морское?
Тот кубка златого будет достоин,
Что будет призом победным герою.
Кто сможет вернуть его, мне показать, -
Тот может его у себя удержать!

Король говорит и с утёса кидает
Свой кубок в кипящее море.
Харибды ужаснейший рёв возникает,
Прибою свирепому, грозному вторя.
Король вопрошает второй уже раз:
- Найдется ли все же смельчак среди вас?

Молчит и смотрит на буйное море
Вся королевская рать.
Никто не хочет стать героем
И кубок на дне морском отыскать.
И в третий раз возглашает он снова:
- Могу отыскать храбреца я такого?

Все тихо как прежде, но вот из рядов
Выходит паж молодой.
Желанье монарха исполнить готов,
Кидает на землю он плащ боевой.
И дамы и рыцари - все подряд
На дерзкого юношу молча глядят.

И вот он подходит к скалистому краю
И смотрит пучине в глаза,
Где влага бунтует, и волны играют,
Как будто бы с тучей собралась гроза,
Как будто вода с огнем смешалась,
Стихия угрюмая с цепи сорвалась...

Бурлит и клокочет, шипит и кипит,
И брызги до неба взлетают.
Поток за потоком друг друга теснит,
И скалы их с пеной, шумя, отражают.
А волны бушуют, друг с другом споря.
Как будто бы море - родить хочет море.

Но вот на мгновение шум утихает,
Стихия внизу улеглась.
Воронка без дна в белой пене зияет,
Раскрыла свою ненасытную пасть,
И волны как в ад устремились туда,
Где водоворот, где взбесилась вода.

И быстро, пока не вернулся прибой,
Он богу себя доверяет,
Крик ужаса вырвался, смолк над толпой,
Что будет с ним? Бог один знает.
И смыло его набежавшей волной,
Вернется иль нет он из ада живой?

Все ждут в тишине и минуту и две,
Внизу все сильнее ревет,
О, юноша храбрый, будь счастлив в воде,
Так губы шептали, хоть сжатым был рот.
И каждый из ждущих весьма будет рад,
Когда ты вернется из ада назад.

Да брось хоть корону король туда,
И молви: Кто сможет достать?
Властителем полным он станет тогда,
Никто не захочет за нею нырять.
И что там вода в глубинах скрывает,
Душа ни одна живая не знает.

Десятки судов у скалы разбивались,
Нашли они здесь могилу.
Напрасно они со стихией сражались -
Обломки вода навсегда поглотила.
Но ближе и ближе клокочет, и вот
Наверх вырывается круговорот.

Бурлит и клокочет, шипит и кипит,
И брызги до неба взлетают,
Волна за волною друг друга теснит,
И скалы их с пеной шума отражают.
И волны из бездны бегут чередой,
Как будто бы гром громыкает с грозой.

Из черной утробы наверх выплывает,
Как лебедь иль белая птица -
Ныряльщик, затылок и руки сверкают,
Отважный из плена быстрее стремится!
Он жив, он вернулся и левой рукой
Он машет, где кубок зажат золотой.

Он долго, глубоко и тяжело дышал,
Как выплыл на белый свет.
И каждый из ждущих с восторгом кричал:
- Храбрей и смелее его в мире нет!
И равных отважному нет среди нас,
Он душу живую в опасности спас...

Толпа с ликованием его окружает,
И он к королю идёт,
Колени смиренно пред ним преклоняет,
И кубок с поклоном ему подаёт.
Берет тот и дочери знак подает -
Та кубок вином наполняет до края.

- Будь славен король! Пусть здравствуют те,
Кто смотрит на белый свет!
Но страшно глубоко внизу в темноте,
Страшней и ужаснее этого нет, -
Всевышнего мы не должны искушать,
И что он внизу скрыл, нам лучше не знать!

Стремглав провалился я будто в могилу, -
Навстречу бурлящий поток.
Сковал меня страшной, неведомой силой,
С удвоенной мощью меня поволок,
Волчком закружил он в кипящей воде,
Не мог я противиться страшной беде.

Но к Богу воззвал я, он мне помогал
В невиданной той круговерти!
Огромный риф в глубине торчал,
Схватившись за риф, избежал я смерти,
А тут же и кубок висел золотой:
На ветке коралловой, самой большой.

Внизу подо мной темнота наступала,
Увидел я в первый раз,
Где ухо мое ничего не слыхало,
Лишь видел один человеческий глаз:
Саламандры с драконами плыли в воде,
Страшнее чудовищ не видел нигде!

Щетинозубы и молот, и скат
В клубки безобразные свились,
И прочие твари морские подряд
Сходились друг с другом и вновь расходились.
С угрозой скалила зубы ужасные
Гиена морская, акула опасная.

И так я висел в запустении ада,
Куда ни бросишь взгляд,
Личинки, чудовища были рядом,
Такому соседству я не был рад.
Здесь нет человека, пустыня морская
И слева, и справа, и снизу без края!

Чудовище страшное с сотнями ног
Из тьмы на меня выползало, -
Все ближе и ближе, уж видеть я мог,
Как страшную пасть на меня разевало.
Успел я отпрянуть, спасеньем то было
И мощным потоком наверх воротило.

Король несказанно был удивлен,
Воскликнул он: - Кубок твой!
И глядя на юношу, вымолвил он:
- Я перстень с алмазом отдам золотой,
Попробуй еще, дай известие мне,
Что скрыто внизу там на самом на дне.

Все слышала дочь короля молодая,
Краснея, сказала: - Отец,
Кому суждена судьба такая?
Довольно ужасной игры, наконец.
Не лучше ли рыцаря в бездну послать?
Не лучше ли храбрость другим показать?

Король за кубок схватился опять,
Он бросил его с высоты,
- И если вторично сможешь достать,
То знатным рыцарем станешь ты,
Обнимешь супругу свою, любя,
Она с состраданьем глядит на тебя!

Паж видел, как дочь короля побледнела
И голову вниз опустила,
Вперед посмотрел, посмотрел он смело,
Неведомой силой его охватило.
И был столь желанным приз победный -
На жизнь и на смерть он бросился в бездну!

Прибой то затихнет, то снова шумит,
Как прежде струится вода, -
Взгляд любящий в бездну глядит и глядит,
Что было внизу - не узнать никогда...
Волна за волною о скалы бьется,
Но юноша храбрый уже не вернется.

Иван ЛЕБЕДЕВ

ТАВЕРНА «ЛЫСАЯ ГОРА»

Рассвет медленно, как ленивый кот, полз по земле, волоча за собою зарю. Ее отблески на проясняющемся горизонте еще не были видны, но приход ожидался с минуты на минуту. Кажется, еще одно мгновение, и они брызнут своим холодным светом на кромку серого горизонта. Зальют его своим багрянцем.

Было зябко. Освежившись этой прохладой, я вошел обратно в коттедж. Гулянье уже подходило к концу. Пирующие были изрядно подшофе. Одни, кто еще мог держаться на ногах, танцевали. Другие ушли спать на второй этаж таверны. Экзальтированная девушка лет шестнадцати, дрыгая длинными ногами, как на воротном столбе, висела на хозяине таверны, держась обеими руками за его могучую шею, обрамленную золотой цепью в палец толщиной.

- Толян, - умоляла она его, - возьми меня завтра с собой на гусиные бои. Дико посмотреть хочется. Ни разу не видела, как их мучают. Клево, наверное, смотрится!

- Там и гусыни будут? - спросила она его.

- Сама ты, Ирка, гусыня, - пробасил верзила, отстраняя ее потихонечку от себя.

- А что, не похоже, что ли? - засмеялась она, - Смотри.

Поцеловав его в лоб, она сползла с него на пол. Не снимая туфель, залезла на стол и медленно стала раздеваться донага.

Анатолий, не глядя на ее стриптиз, пошел на второй этаж. Оглянулся у лестницы. «Братва, - проговорил он, - кому мало, продолжайте трапезу, а я пойду баюшки. Пеленки давно подсохли». Я ушел тоже вместе с ним.

После Вальпургиевой ночи очень хотелось спать. Разбудил меня голос Ирины.

- Кушать будешь, Толян? - теребила она его.

- Все тащи сюда. Побольше и с хлебом, - вяло пробормотал он, не поняв ее.

- Да я не об этом, - тряхнула она его изо всей силы. - Пронись, что ли!

- А-а, - потянулся он с хрустом в костях. - Вон ты о чем. Иди лучше братву подними, а то скоро ехать.

В село Красный Бор мы выехали в одиннадцать часов. Заря уже отцвела. Солнце взгромоздилося на сиреневое небо. Южный ветерок лениво копошился в кипени черемух.

Издrevле во всей области, а может и во всем Среднем Поволжье, только в этом селе проводились гусиные бои.

Гусей здесь выращивали особой породы: небольших, но юрких. К их боям готовились задолго. Хозяин гуся-победителя считался крупным специалистом в этом деле. Был уважаемым человеком на селе. Но кроме почтения, отламывали ему большой жирный кусок от праздничного «пирога».

Приезжали сюда люди богатые, с большими деньгами, а уезжали, в большинстве, с пустыми карманами. Ставки были большие, как на ипподроме. Не раз здесь бывало, когда прекрасного скакуна выменивали на гуся-победителя. Делали это, может, из-за любви к пернатому, а может, чтобы порисоваться перед любителями этих боев своим богатством.

Бои в старину всегда проходили на масленицу. Ристалище было у кабака, в котором до и после боев зрители прикладывались к горячительным напиткам. После зрелища мужики, подогретые вином, показывали свою силушку. Борьба и гиревой спорт всегда здесь были в почете. А под занавес была драка - стенка на стенку. В начале выходили побороться два небольших пацана, потом два самых здоровых мужика. И пошло-поехало!

В этот год бои состоялись на пасху. Приехали сюда поразвлечься новорусы, рекитеры большой руки, различное ворье, - в общем, все крутые, которым не в новинку Багамы или Канары. Голытьбе здесь делать нечего. Лапотники были только из местных жителей. Им положено по штату - село-то их. К тому же порой самый бедняга в селе имел гуся-призера.

Устав от ежедневных житейских забот, истосковавшись по ис-

конно российской природе, эти «сливки» нового российского общества приехали сюда на российский ландшафт, чтобы расслабиться и опустошить карманы от денежного бремени.

Когда мы подъехали, бои уже были в самом разгаре. В старину ристалище окружали саями, теперь же - сооруженцем из досок.

Анатолий ощупал взглядом толпу, выискивая в ней кого-то. Потом ни к кому не обращаясь, сказал:

- Поехали к Кузьме Абрамычу. Видимо, он ждет меня дома. Привезем его сюда.

Мы съездили за ним. Прихватив из машины двух гусей, он пошел к арене. Кольцо зевак разорвалось, давая ему дорогу.

- Ты что же, братан, - обратился к Анатолию мужчина кавказской национальности, - придержал деда? А я уже сделал ставку на другого гуся.

- Это твоё дело, Лобан, - развел руками Анатолий, - на кого ставить. Вы, горцы - народ свободолобивый. На кого хочешь, на того и ставь. Я же ставлю на этого.

Лобан внимательно оглядел гуся старика и разочарованно произнес:

- Слабак. Мой финалист покрепче. Значит, я не прогадал, - удовлетворенно потер он ладони. - Мой пока отдыхает. Его кормят. Сейчас, после кормежки, наши сойдутся. Говорят, твой в полуфинале тоже быстро победил?

- Не видел, - пожал плечами Анатолий, - меня здесь в это время не было. А после боя Абрамыч носил его домой, чтобы тоже подкормить перед финалом, а заодно и гусыню взять для поддержки штанов. В финале слабых не бывает.

Пока братки беседовали, гуся, на которого ставил горец, принесли и выпустили на арену. Это была мощная птица. Действительно, не чета абрамычеву. Привезли его сюда из другого района. Был он неизвестен. Но все же большинство зрителей сделало ставку на него, посмотрев как он торпедой проложил свой путь к финалу. Да и было на что посмотреть. Товар, как говорится, был налицо. Ширококостный, с лебединой шеей, белоперый, с большим размахом крыльев, он перетянул симпатию зрителей на свою сторону, всех, которые видели его в деле. И теперь не жалели денег, веря в свою удачу и надеясь на него. Раздался удар гонга, привлекая внимание окружающих. Те взревели, давая волю своим чувствам. Потом, словно по чьей-то команде, их рты прильнули к бутылкам с горячительными напитками. Глотали разное, кто пиво, а кто более существенное.

- Бойцы готовы? - спросил у хозяев гусей судья. Те подтвердили готовность.

- Тогда вперед, за орденами!

Взмахнул молотком судья. Вновь прозвучал удар гонга. Абрамыч выпустил на арену своего Серого. Был он действительно жидковат против соперника. Прямостоячая, как веревка, шея, легкий вес, длинные ноги отталкивали симпатии зрителей. Серый встал, озираясь. Его противник, вытянув шею, шипя как змея, медленно, но уверенно, пошел на него. Серый, увидев надвигающуюся на него махину, боясь идти с ним на сближение, засеменил вправо от него. Раздался дружный смех. Один постреленок крикнул во все горло: «Дядя Кузя, держи вояку, а то утикает!»

Словно стыдясь своей слабости, Серый, кося глазом в сторону противника, остановился. Потом, опустив левое крыло, словно прикрываясь им как щитом, затоптался на месте.

Взрывная сила бросила Белого вверх. Левым крылом он ударил Серого по шее. И тут же нанес ему удар клювом в спину.

Серый отскочил, повернулся и бросился на него. Среди людской гробовой тишины у обоих гусей в ход пошли клюв, крылья и ноги. Какое-то время борьба была равной. Длинные ноги и легкий вес Серого, достоинства которые не заметили в нем дилетанты, спасали его. Он двигался по арене, как Касиус Клей, - легко и непринужденно.

Белый начал все чаще и чаще промахиваться. Серый, захватив инициативу, все больше и больше теснил противника назад. Но вдруг ноготь Белого царапнул его по голове, и тот остался без глаза. На миг остолбенев, Серый закружился на месте. Боль криком вырвалась из его груди.

Не заметив, что его питомец остался без глаза, Абрамыч выпустил на арену гусыню. Та, распушив крылья, призывно загоготала. Серый бросился к ней. За ним, вытянув шею, ринулся Белый. Гусыня загготала еще сильнее. Этот гогот послужил для Серого сигналом к атаке, словно звуки рога для охотничьей собаки, потерявшей след зайца.

Словно что-то вспомнив, Серый остановился. Резко развернулся и встретил ударом клюва в голову Белого.

- Не по правилам! - взревел горец и коршуном метнулся на арену. Поймал там гогочущую гусыню и мгновенно оторвал ей голову.

Из глаз Абрамыча брызнули слезы. «Все по правилам! - загудела толпа. - Так положено правилами!»

В это время Серый, словно в отместку за свою подругу, вцепился бульдожьей хваткой в крыло Белого. Резко дернул его на себя. Белый упал с переломанным крылом.

«Полная победа!» - заревели зеваки. Раздался шквал оваций. Рыдая, Абрамыч поймал Серого. Ни на кого не глядя, понес его домой. Его остановил горец и протянул ему пачку банкнот: «Старик, возьми деньги за гусыню. Я не знал правил боя. Горцы любят порядок. Мы не купимся на деньги».

Тот молча обошел его, как мебель, не взглянув на деньги.

К горцу подошел Анатолий. Вырвал деньги из его руки и, разорвав их, швырнул обрывки ему под ноги.

- Здесь, братан, не все продается. Какое выбираешь оружие? - зло прохрипел он. - Когда и где?

- Пистолеты, дорогой, и у тебя в таверне, - ответил тот.

- Нет, на ножах, - твердо ответил Анатолий, - и здесь, сейчас! Это твоё национальное оружие. Стреляю я намного лучше, чем ты. И ты об этом хорошо знаешь.

Все затихли, молча наблюдая за разгорающимся скандалом, предвкушая интересное зрелище, превосходящее драку стенка на стенку.

Испуг остудил вскипевшую кровь горца. Он знал Анатолия как тренера по самбо и обладателя черного пояса по каратэ. Хорошо зная, что нож для него в его руке будет не более чем детской игрушкой, долго ему не продержаться перед Анатолием. Благоразумие взяло верх.

- Слушай, братан, - обратился он к нему, - я же не знал правил. Давай помиримся. Братки! - обратился он к толпе. - Кто хочет, тот пусть едет сейчас в таверну. Устроим там шабаш ведьм. Не пожалеете. За все плачу я. А ты извини, братан. - Он протянул руку Анатолию, но тот, сверкнув глазами, молча пошел к машине, бросив на ходу: «Мало того, что ты негодяй, так ты еще и трус, оказывается». Мощный мотор, взревев разъяренным туром, унес своего владельца в сторону города.

На середину арены выскочил щупленький лейтенант милиции - местный участковый.

- Хлеба и зрелищ не будет! - зычно крикнул он. - Прошу всех успокоиться.

- Пошел вон, шут гороховый, пес безродный! - зло рявкнул горец. - А то голову, как гусыне, оторву!

Участковый как-то сник, замолчал и юркнул в толпу, видимо от греха подальше.

Горец подошел к машине, обернулся: «Мужики, по коням! Жду в таверне!» Нажал на газ. Хорошая машина рванулась вихрем с места. Через мгновение длинная вереница разноцветных автомобилей потянулась за ней.

Давно известно, что на дармовщину выпить все горазды - пьют

и трезвенники, и язвенники. Поэтому зал таверны не вместил всех желающих. Но не все те, кто сумел занять столики, мочили свои «бороды и усы в меду и пиве»... Угощал горец только избранных да девиц вольного поведения, привезенных из города. А их было две дюжины. Веселились всю ночь, но без хозяина. Анатолий появился в таверне только под утро, где его уже ожидала милиция. Он был без лишних слов препровожден в ГУВД. Там ему инкриминировали создание «крыши» предпринимателям теневого бизнеса.

Тщетно старался он доказать им, что всегда жил честно, не нарушая закона. Что ему нет необходимости заниматься теневым бизнесом, какими-либо сомнительными делами. Его таверна, построенная на деньги, заработанные на золотых приисках, стоит на бойком месте. В ней всегда полно посетителей. Поэтому дохода от нее и заработка тренера ему хватает, чтобы жить безбедно.

Но его быстренько препроводили в областной СИЗО. Там его бросили в камеру к уголовникам, потом перевели в одиночную. Наутро нашли его в ней повешенным.

Медэкспертиза обнаружила на его теле несколько кровоподтеков, разбитые костяшки рук. Но так как он рос с детских лет сиротой, разбираться в его смерти было некому, хотя наследники нашлись быстро...

Таверна захирела. Редкие посетители вспоминают теперь ее бывшего хозяина, но в селе Красный Бор помнят все.

После его смерти, говорят они, по городу целый год ползла, как многоголовая гидра, молва, что сгубил Анатолия, мол, горец. Это он вызвал милицию. В конце к сказанному всегда добавляют, что не «мавр», мол, сделал дело, а его бешеные деньги, заработанные в теневом бизнесе. Это убийство не принесло горцу славы, даже бывшие друзья отвернулись от него. Пришлось ему покинуть город. Куда он уехал, никому до сих пор неизвестно. Да и узнать о нем не стараются никто.

Лидолия НИКИТИНА

Хорошо и давно знакома читателям нашего города. Она - частый гость на творческих встречах мелекесцев. Произведения Никитиной неизменно пользуются особой популярностью у прекрасной половины человечества...

Лидолия Никитина родилась в Ташкенте в семье астронома и художницы. Воспитывалась у бабушкой - Лидией Волиной - актрисой и педагогом. Именно бабушка привила ей любовь к литературе.

Уже в 13 лет Лидолия стала чемпионкой Узбекистана по шахматам среди девушек, была призером многих всесоюзных и международных турниров. После окончания Ташкентского университета (филология) Никитина целиком посвятила себя творчеству. Работала в редакциях многотиражек, в Республиканском радиокомитете. Многолетняя дружба ее с дочерью Сергея Есенина - Татьяной Сергеевной и ее сыном Сергеем - укрепила Никитину в мысли о профессиональном писательском труде.

В 1976 году в Ташкенте выходит в свет ее первая книга «Два шага, чтобы встретиться». Затем: «Осенняя элегия», «Зеленые яблоки», «Время женщины», «Быть женщиной», «Еще бы немного любви», «Юности счастливые мгновенья», «Под защитой белых хризантем»...

С 1986 года живет в Ульяновске. Отсюда родом был ее дед, здесь познакомились родители... Член Союза писателей России. Эссе для нашего журнала, написанные ею, - это собрание всего лучшего, что Никитина посвящает димитровградцам.

ЭССЕ

МАТЕРИК ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Изо дня в день сужается пространство никем не видимого, но все же явственно ощущаемого материка, под названием ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ.

Уменьшаясь от недоброты, ненависти, скло и взаимных обид, этот невидимый материк, погибая сам, губит и наши души: мы мельчаем, скудеем... И вместо привычного тепла, несем друг другу холод.

А все потому, что мы разучились быть большими в малом, утратили потребность выполнять свое дело так, чтобы никто его лучше нас выполнить не смог.

Разучились мы быть незаменимыми даже в дружбе, даже в любви. Наши слова, которыми мы по привычке мимолетно обмениваемся, не столько от потребности в душевном общении, сколько от равнодушия. И если каждый в собственной душе не перестает бороться опаснейший вирус - РАВНОДУШИЕ - исчезнет с лица земли материк ЧЕЛОВЕЧНОСТИ.

ГОЛОСА ЛЮДЕЙ

Все отчаяннее, оглушительнее звучат голоса людей моего жизненного потока.

Пронзителен крик раненого новобранца. Безысходен плач матери у колыбели умирающего младенца. Бессильна брань старика, униженного собратьями...

Не отринутые временем и не обеззвученные расстоянием, вызывают человеческие страдания к разуму, но пробиться к нему никак не могут: потому что жестокость разума к себе не подпускает, а своего, к несчастью, не имеет.

СИЛА ТАЛАНТА

Сила таланта - в его человечности!

Если представить талант глубоко зарытым в землю семечком, придавленную сверху толстым слоем асфальта, и сквозь него пробьется росток!

На хоженных и перехоженных тропах выстоит! Не позволит втоптать себя ни в грязь, ни в пыль!

Чтобы, напитав каждый свой лепесток солнечным светом, принести улаждающие душу плоды.

Лишь бесталанные пустоцветы бесследно исчезают из людской памяти.

ЖАЛОСТЬ

Крутящиеся колеса голубого трехколесного велосипеда, вырвавшийся из повиновения руль, крутой спуск и... до крови ободраны коленки, разбит нос, а белый бант, зацепившийся за куст шиповника, кажется сигналом бедствия.

Не помню лица женщины, увидевшей меня в минуту падения и прибежавшей на помощь, но до сих пор храню в памяти ту особую интонацию ее голоса, с которой она успокаивала, ободряла меня, ребенка.

- Ну, где болит? Покажи! Я подую и все мигом пройдет!

Потом не раз боль врачевали чьи-то умелые руки, но унять душевные страдания никому не удастся. А ведь и они нуждаются в жалости, причем, особой: не унижающей, не злопамятной и искренней.

СВОБОДА

В толчее городского транспорта...

В ожидании своего рейса в аэропорту...

В пустой болтовне со знакомыми и случайными людьми на всевозможных житейских перекрестках, то обретала, то вновь теряла Свободу - свою самую большую драгоценность.

Совершенные, но не сразу осознанные ошибки, проступки, лишали меня ее, ставшей едва ли не привычной.

Они-то, лишь спустя годы я это с трудом осознала, служили ЛОМБАРДОМ, куда я сдавала ее на хранение, покорно платя проценты, назначенные Судьбой.

На днях, истосковавшись по свободе, хорошо знакомой дорогой отправилась в свой личный ЛОМБАРД. Но...

Наглухо закрытые ржавыми ставнями окна впервые оказались мне ее вернуть.

НИ ВОПРОСОВ, НИ НАРЕКАНИЙ

В редакцию радиовещания ворвался разъяренный режиссер и закричал с порога:

- Где Шубин? Где автор выпуска? Попробуйте разобраться, чего он тут понаписал? Да где же он?

В просторной комнате редакции все странно молчали. Режиссер еще что-то спросил в раздражении и умолк.

- Нет больше Шубина... Умер... Только что из дома жена позвонила, - почти шепотом ответила машинистка.

Режиссер растерянно попятился к двери, теребя в руках испещренные бесконечными вопросами страницы шубинской передачи. Но прежде, чем ринуться по длинному коридору к студии, резко вскинул голову и беззвучно прошептал:

- Понятно...

В студии он несколько минут, обхватив ладонями голову, просидел, не проронив ни слова. Потом, взглянув на часы, подал знак дикторам читать передачу.

Завершив запись, режиссер был немало удивлен тому обстоятельству, что после известия о смерти журналиста, ни вопросов у него к нему, ни нареканий не оказалось...

РАССКАЗ СЛЕДОВАТЕЛЯ

- Во время допроса восемнадцатилетней девушки, убившей с циничной жесткостью из-за ревности свою подружку, я разнервничался и закурил.

Обвиняемая попросила у меня сигарету и начала бесечно пускать дым колечками. А когда сигарета кончилась, кокетливо передернув плечиками, капризно попросила:

- Только, пожалуйста, не говорите маме, что я курю. Если она узнает, ужасно расстроится.

... Хорошо, что во время допроса на письменном столе не оказалась мраморного чернильного прибора!

СО СКОМКАННОЙ ДУШОЙ

Каждого человека нагрянувшие неудачи, обиды, боль, страх и беспомощность, которую провоцируют те или иные ситуации, заставляют съежиться, пригнуться, вбить в себя голову и сутулить спину.

Со скомканной душой едва ли возможно увидеть, понять, расслышать другого.

Зато, чтобы ожить, распрямиться - достаточно глотка хмельной безудержной радости, после которого надолго забывается вкус прежних неудач и не особенно страшит грядущее!

СОБЕСЕДНИК

- Стань моим собеседником! - как-то попросила своего знакомого. Он согласился.

С тех пор мысленно беседую с ним, когда оказываюсь вдали от дома. Стою ли около уводящего взгляд в степь окна поезда; в попутной машине, вытряхивающей из меня всю канцелярскую скуку; оледенелого иллюминатора самолета...

Порой кажется, уж больно злоупотребляю доверием знакомого. Поэтому при ветре чаще всего молчу.

Но он с такой, подкупающей душу, заинтересованностью расспрашивает о случившемся за время разлуки, что ничего иного мне не остается, как пересказать вслух все, о чем думалось в одиночестве.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Пять утра. Не спится. Измучили сознание фразы, неведомо как в него проникшие:

Самый темный час - перед рассветом.

Самый трудный час - перед рассветом.

Самый долгий час перед рассветом.

Безысходность леденит ступни, лишает тепла губы, а сердце, сжавшее в колкий комок, все медленнее и неохотнее гонит по жилам кровь.

Но первый луч припозднившегося зимнего солнца восстает против обрушившейся на меня безысходности, а второй и вовсе побеждает ее!

ПАМЯТЛИВЫЕ СПУТНИКИ

Старые вещи - самые памятливые спутники своих, много повидавших на своем веку, владельцев. Они стараются их не покидать даже тогда, когда силы стариков уже на исходе.

...Шкатулка с изящным серебряным замочком, зеркало для театральной сумки, чернильный прибор...

Когда владельцы своих бесценных сокровищ умирают, любимые вещи от горя ломаются, рвутся, стараются куда-то спрятаться от чужих глаз и рук. Но вместо этого в панике попадают попадают под тяжелые ботинки, под острые каблучки, куда-то закатываются или, сломавшись, заканчивают свой век на мусорной свалке.

Я очень люблю вас, дорогие спутники жизни близких мне людей! И очень надеюсь, когда наступит у меня самый трудной период жизни, вы постараетесь скрасить его так же, как это делали для своих прежних владельцев.

СУЖАЮЩЕЕСЯ ПРОСТРАНСТВО

Ученые утверждают:

- Мы живем в сужающемся пространстве! Цивилизация увеличила скорости, сблизила материки. Освоив атом, мы вырвались за рамки существовавших в прежние века ограничений.

Возможно, кое в чем это утверждение и соответствует действительности, но все же я придерживаюсь иного мнения: не Цивилизация, а леность собственных душ сужает наше жизненное пространство!

И тем, кто это осознает, придется учиться самому трудному - быть большим в малом! Кому эта задача окажется по силам, тот вновь познает беспредельность.

ОДНОДНЕВКИ

Остерегайтесь людей - однодневков!

Их души, не взращенные на благих божьих деяниях, живут одними только плотскими запросами.

В многоголосьи жизни люди - однодневки слышат и откликаются только на зов собственных нужд и прихотей.

Мимо страждущих они проходят с черными повязками слепцов на глазах. Остерегайтесь сподобиться им!

КТО Я ТАКОЙ

(Маленький монолог)

У меня нет друзей и поэтому не знаю: кто же я такой? Мне очень грустно даже когда я смотрю телевизор, купаюсь в ручке или гуляю по лесу.

До чего же хочется, чтобы кто-то пришел ко мне в гости и я бы поделился с ним замечательными бабушкиными пончиками! Или поставил бы «видик» про инопланетян! А, может, подарил книжку, которую уже почти выучил наизусть?!

Иногда кажется, что моими друзьями могли бы стать какие-нибудь животные, например, ежик, зайчик, волчок... Ведь главное, чтобы они меня любили так же, как буду любить их я!

...Взрослые разберись кто куда: они всегда очень заняты, - поэтому я гуляю один по знакомым тропинками и мечтаю о том, чтобы кто-нибудь назвал меня своим другом.

ПОЭТ

Ты не такой, как все...

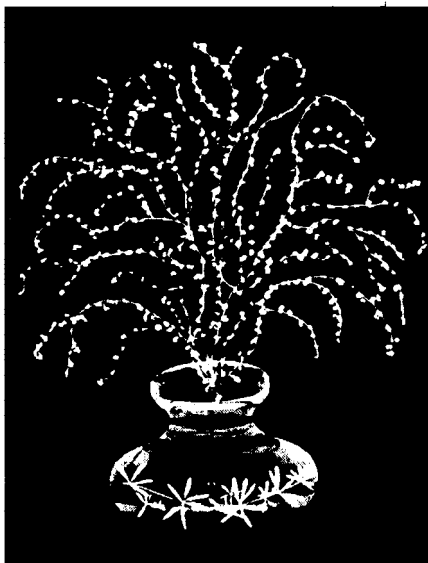
Бесстрашным Икаром парись в поднебесье, забывая о ненадежности крыльев.

Ихтиандром погружаешься в запретные для простых смертных глубины, черпая вдохновение в преодоленных опасностях.

Ты, как никто другой, живешь одновременно в «СЕЙЧАС» и в «ВЕЧНОСТИ»!

И ни одна земная женщина, какой бы самоотверженной ни была ее любовь, не в силах надолго удержать твою душу.

Потому что ты-ПОЭТ!

ГИГАНТСКИЕ СЛОВА

Задумался Поэт, глядя в окно, впустившее в комнату созвездия летней ночи.

- Почему, когда я всматриваюсь в вас, небесные светила, ко мне в душу входят, становятся понятными и близкими такие гигантские слова, как ЧЕЛОВЕЧЕСТВО, ВСЕЛЕННАЯ, ВЕЧНОСТЬ? И куда уходят привычные, повседневные мысли?

В ожидании ответа сильнее обычного забилося сердце Поэта, и беспокойство, предшествующее вдохновению, подарило чувствам божественную раскрепощенность.

Она помогла душе Поэта вырваться из околоземного пространства, достичь пульсирующего света дальней звезды и вверить ей мучительный вопрос.

- Чтобы ты, поэт, не суетился, воспевая дешевые истины-однодневки. Чтобы все, воспетое тобой, было востребовано ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ, ВСЕЛЕННОЙ, ВЕЧНОСТЬЮ!

УДЕЛ ИЗБРАННЫХ

Смерть дается каждому вместе с рождением. Но поведать о своем времени красноречиво и достоверно - удел избранных Его Величеством Талантом.

Уж не удостоилась ли я столь редкой чести?!

Иначе зачем Судьба, опутав меня незримыми нитями ответственности, изо дня в день гонит на нескончаемые поединки с глупостью, подлостью, ненавистью и прочими повседневными недугами?

Когда же силы в сражениях иссякнут, - унесется душа к какому-нибудь безвестному созвездию.

Будет ли она облагорожена резцом Его Величества Таланта или же ее изуродует тягчайший грех нереализованности - пока знать мне не дано...

ОТПРАВИТЕЛЬ И ПОЛУЧАТЕЛЬ

Я - отправитель скромного томика прозы - когда-нибудь в последний раз приду на почту. Приемщица-смерть, упаковав бандероль в плотную бумагу, вонзит в расплавленный сургуч свой штемпель с датами всего лишь двух событий в моей жизни. А вместо всех прочих поставит свое беззвучное тире.

Сейчас трудно сквозь завесу собственного небытия предположить, какие мысли и чувства вызовет бандероль у получателя.

Приблизит ли его к прожитому мной времени? Или же, напротив, отвергнет, как попусту мною растраченное?

Ах, как хочется, чтобы отправленная мною некогда бандероль все же нашла своего получателя, хотя... всякое может быть.

Ведь адрес пришлось указать весьма приблизительный: ПОТОМКУ!

Евгений ЛАРИН

СНОВА В СТРОЙ

Поэма

Герою Федору Жукову...

*И
Все дальше, дальше
В глубь страны,
За Волгу,
В тихий тыл,
Зеленый поезд
От войны
Солдата увозил.
Но от солдата отставать
Не думала война,
И в том же поезде
О п я т ь
Пристроилась она.
И тошно ей
От тишины, -
Ее ли это роль?..
Везет санпоезд
В глубь страны
Надежды,
Судьбы,
Боль.
Из всех купе,
Со всех углов
Война глядит в упор
Глазами раненных бойцов,
Печалью медсестер.
На полках -
Кто пластом лежал
В бинтах, как снеговик.
Кто спал,*

Кто бредил,
Кто стонал
И затихал на миг.
Тот без ноги,
Тот без руки,
А тот едва живой...
Глядит война
Во все зрочки -
И жутко ей самой.
В который раз
Со всей страны,
Из разных уголков
Война
На мельницу войны
Увозит мужиков.
В который раз
Со всех фронтов,
Через десятки рек
Война привозит
Мужиков -
Калеками навек!..
В одном купе
Солдат сидел
Задумчиво, молчком
И без конца
В окно гладел
Единственным зрачком.
О чем сейчас
Его мечта?
Куда нацелен взгляд?..
А шпалы
Волжского моста,
Как в небе гром,
Гремят...
Солдат
Оперся на костыль
И осторожно встал.
«Земля заволжская,

Да ты ль? -
Сквозь слезы прошептал. -
Ах, Боже мой,
Ну мог ли я
Подумать в том бою,
Что попаду
В свои края,
В свой дом,
В свою семью?
К земле, что я избороздил
На тракторах вчера?..»
- Чего ты, Жуков, загрустил? -
Спросила медсестра. -
Ведь возвращаешься
С в о й н ы
В родимое село.
- Под снегом видеть
Хлеб страны,
Сестрица, тяжело...
Бегут
В белесых проводах
Гудящие столбы.
Земля в снегах,
Поля в скирдах -
Кругом снопы, снопы.
Залубенелые хлеба
Продрогли на снегу.
Всю зиму
В поле молотьба
На ледяном току...
А вон и ток.
Бабенки сплошь,
Куда ни погляди.
«Вот и моя Елена тож
На молотьбе, поди.
Кому из нас
Теперь трудней,
Даст время свой ответ.

Но что в тылу
Война больной
И горше - спору нет.
На фронте как? -
Гремит война
Стемна и дотемна.
Солдат оденет старшина,
Обует старшина.
Он даст солдату автомат
И даст махорку он,
Сухой солдатский провиант,
Так что солдат,
Как говорят,
Заботой окружен.
А у солдатской у жены
Уже который год
Нет ни пайка,
Ни старшины,
Ни материнских льгот.
В избе и в поле -
Все о н а:
И рядовой,
И старшина.
И тут она,
И там она -
И все о д н а,
Одна, одна...»
- Ну, Жуков,
Радости не прячь,
Везем тебя в Сахчу. -
Тепло сказала военврач,
Похлопав по плечу. -
Ты много дней
В бреду лежал,
От боли не крича,
Но бесконечно повторял:
Сахча, Сахча, Сахча.
Теперь начнешь

Вторую жизнь
От всех фронтов вдали.
Но, дорогой, не торопись
Забросить костыли.
Поберегись,
Хотя бы с год -
И все пойдет на лад.
А береженных бережет
И Бог, как говорят...
Бегут столбы,
Бегут назад
Вдоль линии прямой.
Стучат колеса
Дружно в лад
И по слогам
Одно твердят:
До-мой,
До-мой,
До-мой!..
И справа лес,
И слева лес.
Вот и разъезд «Рассвет».
А вот и город Мелекесс,
Знакомый с юных лет.
А вот уже и Черемшан
Остался позади...
В окне - туман,
Туман, туман -
И все горит в груди.
А на разъезде Малыкла
Его ребята ждут
И на лошадке до села
Солдата довезут.
Врач вышла
Вместе с медсестрой
В вагонный коридор.

А Федор Жуков
Все с женой
Вел грустный разговор:
«Елена, Ленушка, жена,
Ах, как тебя мне жаль.
Везет тебе
С войны война
И радость, и печаль.
На плечи, Ленушка, твои
Меня везет она.
Я был опорой для семьи -
Все отняла война.
Легко ль
Беспомощным таким
Входить к семье домой?
К детишкам нашим
Ш е с т е р ы м
Добавлюсь я -
С е д ь м о й.
Тяжел твой груз,
Нелегко путь,
Но потерпи чуток.
Я все равно чего-нибудь
Придумаю, Леноч...
Сейчас в село
Со всех сторон
Вошла ночная тишь.
Какой, Елена,
Видишь сон?
Или: совсем не спишь?
С тобою рядом
Дети спят,
Чего-то лопоча...»
Стучат колеса,
Все стучат:
Сах-ча,
Сах-ча,
Сах-ча!..

II

Елене Жуковой невмочь -
Намаялась вчера.
И снился Федор ей
Всю ночь
До самого утра.
Как будто он
Заходит в дом
В кирзовых сапогах,
С пустым
Солдатским вещмешком
И с котелком в руках.
«Елена, Ленушка, жена», -
Тихонько говорит.
Но не бежит к нему она,
Застыли ноги и спина,
Была на ферме допоздна -
Все, как душа болит.
И шепчет:
«Феденька! Живой!
Далёко ль держишь путь?»
Но ни ногой, ни головой
Не может шевельнуть.
Муж постоял,
Махнул рукой,
Ее не разбудил,
И дверь входную за собой
Неслышно затворил.
«Куда же ты?» - она, крича,
За ним метнулась вслед.
Но ни супруг и ни Сахча
Ей ни словца в ответ.
Уснуло древнее село,
Тревогою дыша.
Вздыхают избы тяжело,
Соломою шурша.
Без куполов

И церковь спит,
Теперь в ней - спиртзавод.
Молчит Сахча,
Весь мир молчит,
Воды набравши в рот.
Елена в страхе замерла,
Стоит во мгле сырой
И видит: улицей села
Идет солдатский строй.
Вдруг видит - Федор в этот строй
Решительно встает...
И едкий дым пороховой
Плывет над каждой головой,
А в стороне -
Грохочет бой
И слышится: «Впе-рё-ёд!»
Примкнув граненые штыки,
Сплошной людской стеной
Пошли российские полки
На рукопашный бой...
- Ой, Федя, Феденька,
Пригнись!
Куда ж ты во весь рост?!
Остерегись! Поберегись!
Не время на погост!..
Белеет марлей
Снежный наст.
Гремит «Ура!» - и вдруг,
Раскинув руки
Во весь пласт
Ничком упал супруг...
- О-ой!..
Ни жива и ни мертва
Она к нему - бегом.
В крови у мужа голова
И все в крови кругом.
- О-ой!..
- Лена, Лена,

Что с тобой? -
К ней подошла свекровь.
- Мамаша, я видала бой
И Федора, и кровь.
- Ну, кровь - к хорошему.
К р о д н е.
Ох, плохо ж ты спала!
- Во сне, мамаша, на войне
Я с Федею была.
Видала, как в атаку он
Поднялся на юру...
Война... военные...
Нет, со-он,
Мамаша, не к добру.
- А ты не думай, не гадай,
Не снам, а сердцу верь.
Кругом - война,
Мы в с е, считай,
В о е н н ы е теперь.
Мужья и дети
Нынче т а м,
За огненной дугой...
Да разве, Лена,
Может нам
Присниться сон другой?

III

Встречало Жукова село -
Он был у всех в чести.
Народу столько понашло,
Что в избу не пройти.
Ну, а солдатская жена
От радости - в слезах.
От счастья бабьего она
Была на небесах.
Ну разве думала она
В такой суровый год,
Что ненасытная война

Вдруг мужа ей вернет?..
А детворой
Со всех сторон
Родной отец-солдат
Был моментально окружен
И в плен семейный взят.
Кто обнимал,
Кто к нему полз,
Кто плакал,
Кто визжал...
И тут уже
Счастливых слез
Солдат не удержал...
- Сыночек...
Федюшка... Родной, -
К нему метнулась мать. -
О-ой!.. - и ни слова, кроме «ой»,
Все не могла сказать.
И, может, целых полчаса
Шептала мать сквозь стон:
- Вот это, Лена, чу-де-са!
Вот это, Лена, со-он!..
Да, с сыновьями поезда
На запад шли и шли,
И никого в село тогда
Назад не привезли.
И вдруг военной зимой,
Истерзан, но живой,
Федор Семенович домой
Пришел с передовой.
Входили в избу
Стар и мал
И каждый бодро поздравлял:
- С приездом!
- Ну, отвоевал?
- А ба, тощей какой!..
И Жуков руки пожимал,
Но... левою рукой.

Бывало, он ладонь руки
Пожмет у мужика -
И всем казалось,
Что в тиски
Захвачена рука.
В избе пустого места нет
От добрых земляков.
С махоркой крепкою кисет
Обходит стариков.
Что ни старик -
Солдат былой,
Кто битвы не забыл,
Кто был на первой мировой,
Но на гражданской был.
Тот был моряк,
Тот - на коне
В буденновских войсках.
Все рассуждают о войне,
О пушках да штыках.
Как шли российские полки
На русские полки.
Сходились красные штыки
И белые штыки.
На русских -
Русский шел солдат,
Не помня ничего.
Сын - на отца,
На брата - брат
И свой - на своего.
- Семеныч,
Можешь ты нам дать
Солдатский твой ответ:
Когда же кончим отступать?
Уже терпенья нет!
- Когда же немца в оборот
В конце концов возьмут?
Когда же гадам укорот
И поворот дадут?..

- Мово-то, Федя,
Не встречал?
С тобой ушел Егор.
Письмо с дороги
Как прислал,
Так слуху нет с тех пор...
Но тут бесшумно из сеней
Соседка в дом вошла,
И расступились перед ней
Колхозницы села.
Все понимали,
Что вдвойне
Ей горе тяжелей:
И муж остался на войне,
И двое сыновей.
Она к солдату подошла,
Взглянула на него
И, вслипнув, крепко обняла,
Как сына своего.
- Спасибо, Федя, дорогой,
Дорожку з а т о р и л.
С войны еще
Никто домой
Пока не приходил.
По всей стране
Творит содом
Проклятая война.
Три «похоронки»
В один дом
Мне принесла она.
Теперь не встретить
Мне своих -
Остались на войне.
Хотя бы кто-то из троих
О д и н пришел ко мне... -
И в наступившей тишине
Заплакала она...

Да кто не знает о войне?!
Война и есть война.
Тот, пишут, ранен тяжело
И в госпиталь попал.
А вон Кузьме не повезло -
Он без вести пропал.
Никита внука потерял,
От сына слуху нет.
И сам за жизнь провоевал
Без малого пять лет.
Да разве мало тех детей,
Не помнящих отцов?
Да разве мало матерей,
Не встретивших сынов?
Да разве мало вдов кругом?
Жесток войны закон.
Наверно, только
Редкий дом
Войною обойден.

IV

Наутро вышел он во двор
И поглядел вокруг.
Провис горбатенький забор,
Не помня его рук.
Вон оторвались три доски,
Стоят в углу рядком...
И заходили желваки,
Глотая горький ком.
Взял Федор клещи, молоток
И тяжело вздохнул,
И за доскою в уголок
На костылях шагнул.
К себе он доску наклонил,
Дескать, сейчас прибью,
И моментально ощутил
Беспомощность свою.
Костыль - туда,

Клещи - сюда,
Туда-сюда - доска.
А у солдата для труда
Всего одна рука.
На костылях он ковылял,
Наморща в шрамах лоб.
- Да-а, -
Грустно Жуков размышлял, -
Всегда был, как универсал,
Теперь с подпорками я стал,
Как телеграфный столб...
Вроде пустяк - доску прибить,
А надо мозговать.
Одной рукой -
Ни гвоздь прямить,
Ни доску придержать.
И доску он
К слеге прижал
Контуженным плечом
И застучал, и застучал
Упрямо молотком.
И огласил пустынный двор
Привычный стукоток,
И зашатался весь забор,
Как тоненький ледок.
А Федор, зубы крепко сжав,
Другую доску взял,
Но, равновесье потеряв,
Споткнулся и упал.
С трудом сумел он
Снова встать,
Не ведая того, -
В окно сквозь слезы
С болью мать
Смотрела на него.
И рядом с нею
В то окно,
Сдержав рыданий шквал,

Елена видела о д н о:
Как муж
У ж е ВСТАВАЛ!..

У
«Как быть?
Как жить?
Кто даст ответ? -
Вопросам нет предела. -
Неужто в тридцать пять-то лет
Мне не найдется дела?
Да, я, увы, не прежним стал,
А, помнится, бывало,
Не сам работу я искал -
Она меня искала.
Суров к солдатам
Всякий век,
Им вечно нет покоя.
О, сколько видел я калек
С протянутой рукою!
В мороз и в зной,
В метель и в грязь
Добыть кусок им надо.
А власть...
Какая помнит власть
Вчерашнего солдата?
Раз ты свое о т в о е в а л,
То, значит, для Союза
Ты иждивенец уже стал,
А, стало быть, - обуза...»
Так Жуков
Думал как-то днем,
В окно угрюмо глядя.
И вдруг услышал под окном:
- Пода-а-а-йте Христа ради...
И тридцати примерно лет
Увидел гражданина.
Во все солдатское одет

Был молодой мужчина.
Рубцами правая щека
На солнце багровела.
Как плеть беспалая рука
На привязи висела.
- Откольный будешь, паренек?
- Я из Лесной Хмелевки.
- Зайди-ка в избу, землячок,
Жена поставит нам пирог,
Соленый есть уже вилок
И малость - в поллитровке...
И вот лицом к лицу сидят,
Припоминая даты,
Как с другом друг,
Как с братом брат,
Вчерашние солдаты.
Все уточнили:
Кто где был,
Кто старше,
Кто моложе..
Но не о фронте говорил
Хозяину прохожий.
- Когда вернулся я домой,
То загрустил невольно.
И вроде мой дом
И - н е м о й.
И радостно, и больно.
Жена всплакнула,
Мол, Егор,
Все в печке попалили.
Сперва плетень,
Потом забор,
Потом весь двор свалили.
Я - в сад, -
И вмиг потупил взгляд,
И сами льются слезы, -
От яблонь там
Лишь пни стоят -

Погибли от мороза.
Ну, а в колхозе издавна,
Сам знаешь, как живется.
На трудодни-то ни хрена
И грамма не дается.
Как дальше жить?
Где брать кусок?
Я не нашел ответа.
И вот, как видишь сам, браток,
Брожу по белу свету...
- Но все хмелевцы за тобой
С сумой не убегают.
Махнуть рукой
На край родной
Им честь не позволяет.
- А ты меня не упрекай,
Коль встал я у порога.
Не хошь подать - не подавай,
Но честь мою не трогай.
Да, у меня в краю родном
Жена и мать-старушка...
- Они кормильца ждали в дом,
Пришел же - побирушка.
- Ты прямоту прости мою,
Лукавить не умею.
Вернись в село,
В свою семью,
Ты там всего нужнее.
- Даешь совет?
Давай, давай,
Как политрук, советуй.
А ты мне лучше
Руку дай
Взамен моей вот этой...
- Я б руку дал
И ногу дал,
Но есть огна причина. -

Со стула Жуков
Резко встал
И завернул штанину.
Потом рукав...
Смутился гость.
Захлопали ресницы,
Как будто в глаз
Попала ость
От колоса пшеницы.
Схватил прохожий
Свой мешок,
К порогу направляясь.
- Прощай, браток.
Прости, браток.
Обидел, извиняюсь.
Да, незавиден мой кусок,
Коль за суму я взялся.
Но после фронта я, браток,
Прозрел и растерялся.
В селе лишь только огород,
Изрядно отощавший,
Пока и кормит весь народ
Деревни обнищавшей.
Скриплю зубами я порой
С отчаянья такого.
Какой у нас в деревне строй?
Да хуже крепостного!..
И Жуков поглядел в упор,
Сверкнув недобрым светом.
- Давай, соратник, разговор
И оборвем на этом.
К согласью вряд ли
Мы придем,
Иначе, может статься,
В такие дебри забредем,
Что трудно выбираться.

VI

Шагал прохожий
Вдоль села,
С порога до порога.
А душу Федора все жгла
Глубокая тревога.
Глядел прохожему он вслед
И говорил, вздыхая:
- Нет, дорогой соратник, нет,
Т а к о г о не желаю.
С сумой далёко не уйдешь,
Путь многими проверен.
Я, как и ты, наверно, тож
Испуган и растерян.
И я гадаю так и сяк,
Все не могу решиться,
Какой мне сделать
Первый шаг,
Куда определиться?
Пока не знаю сам - куда,
Хоть всюду дела много.
Жаль, что к машинам навсегда
Отрезана дорога.
Сейчас и к легкому труду
Нельзя без подготовки.
И все ж с котомкой не пойду,
Как парень из Хмелевки.
Мне эта мысль
Острей ножа
И будоражит нервы.
Пойду хотя бы в сторожа,
В учетчики на ферму...
Возьмут - пойду в кладовщики,
В заправщики, в завхозы,
На зерносклад - в весовщики,
Или - в молоковозы...
Весна уже не за горой,
Капелью плачут крыши.

И, значит, надо
Снова в строй,
К своим сельчанам ближе.
Им тоже очень тяжело,
Всяк свою ношу тащит.
Гремит война -
И все село
По-фронтовому пашет.
А я все ною, все сижу,
А я все жду чего-то...
Ша! К председателю схожу
И попрошу работы!

VII

- Добрый вечер!
- Добрый вечер!
Я тебя, признаться, ждал. -
Председатель шел навстречу,
Крепко Жукова обнял.
- Отдыхаешь?
- Надоело
Мне, Мироныч, отдыхать.
Если нет живого дела,
То на отдых наплевать.
И досада, и обида...
- Почему, позволь спросить?
- Да куда же инвалида?
Ни пасти, ни сторожить.
- Зря, Семеныч,
Нос не вешай,
Это все не для мужчин.
У страны, шинель надевшей,
Инвалид - не ты один.
Я ведь тоже немца знаю.
Еще с первой мировой.
Вот с тех пор и ковыляю,
Но, как видишь, все живой!
Вот и ты подбит войною,

Но пойми мои слова:
Будь полезен г о л о в о ю,
На плечах же голова!
Ты читаешь?
- Да, любитель.
- Значит, думаю, читал,
Как наш летчик-истребитель
Без обеих ног л е т а л!
Без о б е и х,
Слышь, Семеныч,
Вновь взметнулся, как орел!
- Потому к тебе, Мироныч,
За советом и пришел.
Дело дай.
Взлететь сумею
На одном и я крыле.
- В небесах без ног труднее,
Чем с одной на земле.
И с одним крылом, считаю,
В наше время можно жить.
Ты ж моторы знаешь?
- Знаю.
- Так чего же ворожить?
Сам же видел, что девчата
За рулем у нас сидят.
Как же можем
Мы, солдаты,
Быть в сторонке
От девчат?
А их - целая бригада,
Всем хватает маеты.
Вот наставника и надо
Им такого бы, как ты.
Как? Согласен ты со мною?
- Коль доверишь -
Соглашусь.
- Хорошо!
А с Малыклою
Я наутро созвонюсь...

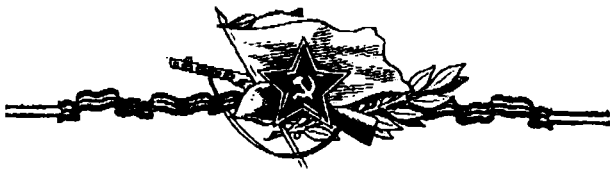

От автора

Война в ту пору грохотала
Не только где-то на фронтах.
Война на миг не замолкала
И в душах наших, и в сердцах.
Как боль,
 как рана,
 как осколок
Всех будоражила она.
С ней просыпался наш поселок,
С ней и работал дотемна.
Мы сердцем с воинами были,
Когда сражался Сталинград...
И вот газеты сообщили:
Врага на Волге разгромили,
Сто тысяч немцев полонили,
И в плен фельдмаршал даже взят.
В те дни
На грозном поле бранном
На всю страну известен стал
Верхнеякушкинец Баданов -
Мой брат, гвардеец-генерал.
Его танкисты совершили
Глубокий рейд в тылы врага.
Такой разгром там учинили,
Что немцы траур объявили...
А мы с восторгом говорили
Про полководца-земляка.
Война, война...
Она все ярче,
Все зримей в памяти встает:
...Весна в поселке Красном Яре.
Грозный сорок третий год.
В деревне - дюжина солдаток,
Пять нездоровых стариков,
Подростков, может быть, десяток
Да трое нас - призывников.

Днем на быках мы до упаду
Шли то пахать, то боронить,
А в ночь - ударная декада -
Идем на трактор - плугарить.
И шла декада за декадой,
Как узаконенный аврал.
Уполномоченный: «Так надо», -
Невозмутимо повторял.
А мы на пашне с самой рани,
Набив мозоли на ногах,
Уже по пять недель без бани.
Горело тело в волдырях.
Во рту - полынь
И пусто брюхо,
Лишь пьешь и пьешь
Сто раз на дню.
В обед варили затируху,
Что круглый год была в меню.
Быков, бывало, на кормежку
Сдашь бычарям,
А сам - стрелой
Из узелка хватаешь ложку
И - к поварихе - за бурдой.
Молочной, правда, затирухи
Получишь два-три черпака
И все упишешь с голодухи,
Ведь хлеба нету ни куска.
И не роптал никто в те годы,
Никто из нас крутой порой,
Терпя и беды, и невзгоды,
Не проклинал ни власть, ни строй.
И нашу армию, бывало,
Не упрекали в дни войны,
Что, мол, до Волги отступала,
Врагу оставя полстраны.
Это ведь нынче стало модно,
Обычно в крупных городах,

Кричать о боли всенародной,
О всероссийских голодах.
Чуть что - столица митингует
И плутократы тут как тут.
Орут, что люди голодуют
Да с голодухи всюду мрут...
Ну, а об армии вульгарно
Кричат порой и старики,
Что наша армия - бездарна,
А генералы - дураки.
И столько крика, гама, шума!
Налево вой, направо - лай...
Хоть в Государственную думу
Всех словоблудов посылай.
И всяк - судья страны и строя,
Не разберешь, кто враг, кто друг...
Вот и попробуй правь страну,
Когда такой разлад вокруг!

Листая памяти тетради,
Хочу сказать я, наконец,
Что в полеводческой бригаде
Был бригадиром мой отец.
Трудолюбивый, справедливый,
Болея он много лет подряд.
Не подлежал отец призыву,
Перевалив за шестьдесят.
Однажды мы в лучах заката
Пришли на стан, не чуя сил,
Но вновь ударную декаду
Толкач районный объявил.
- Нет, это, братцы, уже слишком! -
Взорвался я на этот раз, -
Днем прибежал ко мне братишка
И звал с отцом
Он в баню нас...
Стоял отец луны бледнее,

Стараясь тише говорить.
- Давай поужинай быстрее
И в ночь - к Марине, плугарить.
- Нет, - я ответил с раздражением, -
Прошу, меня не посылай.
От зуда нет уже терпенья,
Хоть в месяц раз помыться дай.
- Ну что ж, - развел отец руками, -
А трактор будет ночь стоять.
Других послал бы плугарями
Да больше некого послать.
- Но ведь и мы не из железа,
Чтоб день и ночь носить узду. -
И я решительно отрезал:
- В ночную смену не пойду!..
Тревожно сердце мое бьется,
Стою я молча, как чурбак.
Вдруг чей-то голос раздается:
- Нельзя, нельзя, Евгений, так.
Все на счету в колхозе, Женька,
Старухи даже учтены.
Вот и подумай хорошенько:
В тылу и ты - солдат войны...
«Ба! Это ж дядя Федя Жуков!» -
Я наконец его узнал.
Он подал левую мне руку
И добродушно продолжал:
- Всем нелегко война дается,
Везде ее кровавый след.
Два года кровь на фронте льется,
Здесь, слава Богу, крови нет.
Мы платим все большие цены
В суровый час большой беды.
Солдаты третий год без смены,
Без бань, а чаще - без еды...
Как будто кто меня ошпарил
В минуту эту кипятком.
Ах, лучше б он меня ударил

В любое место кулаком.
Иль на меня ругнулся б крепче,
Сказавши бранное словцо.
Тогда мне было бы полегче,
Не опалило бы лицо.
Он как-то странно улыбался,
Как будто сдерживал смехок.
И осторожно опирался
На деревянный посошок.
Как я смутился, устыдился,
И все в лицо ему смотрю.
- Я виноват. Погорячился.
Черт с ней да с баней, - говорю. -
Да, мы теперь уже не дети.
Я - без пяти минут - солдат.
Ты извини уж, дядя Федя.
Пойду туда, куда велят...

Как-то под осень
До рассвета
Я дома лампы не гасил.
Готовил номер стенгазеты -
Ее редакт ром я был.
Заметок много накопилось
И фактов добрых и плохих,
И все настойчиво просилось
В сатиру, в юмор, в колкий стих.
Но не напрасно до рассвета
Я не смыкал усталых глаз:
Необычайную газету
Я сотворил на этот раз.
В поэме басенного склада,
Что удалось мне сочинить,
О многих сельских неполадках
Быков заставил говорить...
Отнес в правление стенгазету
И на стене приклеил там.

Домой вернулся -
В друг с пакетом
Вошел посыльный сельсовета
И говорит:
- Повестка вам...
В тот день до самого заката
К нам гости шли, как на вокзал -
Друзья, знакомые, девчата,
Кто руку жал,
Кто обнимал,
Кто троекратно целовался,
Кто длинный тост произносил,
А кто сквозь слезы улыбался
И добродушно говорил:
- Коль вам войну
Кончать придется,
Тогда, ребята, -
В добрый час!..
А мы считали, обойдется
На фронте, может, и без вас.
- Ах, вы, ребятушки-ребята,
Отцы с позиций не пришли,
А вы уходите в солдаты,
Сын - за отцом
И брат - за братом.
Как после дождика опять,
Вы незаметно подросли...
Ушли друзья,
Ушли соседи.
Вдруг кто-то в двери постучал,
И входит Жуков дядя Федя.
- Прошу простить, что опоздал...
Ходил к нам Жуков очень часто,
С моим отцом был дружен он.
Отец, начитанный прекрасно,
Был и в политике силен.
Вдвоем они вели беседы,
На полусшепот перейдя,

Что все страдания и беды
От вероломного вождя.
Пока-де он на белом свете
Страною будет управлять,
Ни нам самим,
Ни нашим детям,
Ни внукам вольно не дышать...
Признаться, эти разговоры
Непросто было слушать мне
О человеке, что в ту пору
Был даже с Богом наравне.
И все же в нем я усомнился,
Хоть в разговоры те не лез,
И бог в душе моей спустился
На землю горькую с небес...
- Ну ты наделал шуму, Женька, -
С упреком Жуков мне сказал. -
Тебя бы висеть хорошенько,
Чтоб басен больше не писал.
Небезопасно наше слово,
Знай, говорить его кому.
Сейчас за басни
И К р ы л о в а
Сослали б вмиг на Колыму.
Уполномоченный района
Газету снял и пригрозил
И, говорят, по телефону
Уже куда-то позвонил.
- Но я не делал обобщений,
Не осуждал ни власть, ни строй.
Все факты местного значенья...
- Брось, Женька! Ангела не строй.
Что бить кого-то кулаками,
Что словом бить -
Все та же масть.
В кого бы ты ни бросил камень,
Он все равно летит во власть.
И коль плохое кто увидел

Да развязал о том язык,
То для властей он - очернитель,
И пасквильянт, и клеветник.
У нас на фронте как-то было -
Мы подошли к передовой,
Дружку винтовки не хватило.
А завтра рано утром - бой.
И друг - здоровый был детина,
Как гаркнет: «В душу вашу мать.
Да дайте мне хотя б дубину,
Не кулаком же воевать!»
С ним даже и не говорили,
Два особиста подошли,
Вмиг ему руки заломили
И под конвоем увели...
Вот так и ты:
Во всю газету,
На весь поселок завопил:
«Нет фуража и хлеба нету!»
Ишь ты - Америку открыл.
О хлебе нет уж и вопросов,
Известно все о нем селу.
Зерно с начатия колхозов
У нас увозят под метлу.
И много лет сурово судят
Всех, кто об этом говорят.
Нет у нас хлеба и не будет
Еще лет сорок-пятьдесят...
- Но, дядя Федя, это ж правда,
О чем мой каждый бык сказал.
Так неужель за это надо
Гнать в Александровский централ?
- Не спорю. Да, в своей газете
Ты правду выразил до дна.
Но, знаешь, правду все столетья
Властям не надо ни хрена.
За правду - тюрьмы да оковы
При всех царях и нецарях...

Ох, сколько мучеников слова
Сейчас в сибирских лагерях!
Тебе бы тож нашли там место,
Не избежал бы ты суда.
Тебя, считай, спасла повестка,
Ты загремел бы не туда...
Я не был пьющим -
Врать не стану,
Но за него и за отца
Я выпил чуть не полстакана
Тогда сахчинского сырца.
Ох и противнейшая штука,
Какой осел его создал...
А на прощанье Федор Жуков
Меня обнял и наказал:
- Даю тебе я наставленье:
Бесцельно словом не стреляй.
Держи слова в чехле, Евгений,
И без нужды не расчехляй!..

С тех пор прошло
Полвека с гаком,
А чем закончил я рассказ...
Я в жизни шел
Обычным шагом,
По бездорожью, по оврагам,
По кочкам и по буеракам,
Взлетал и падал сотни раз.
А в грозный год
Под вой снарядов
Солдатом стал в семнадцать лет,
И с однокашниками рядом
Шагал путем побед и бед.
В душе со славою державной
Шел по дорогам боевым,
И был на фронте
Самым главным -

Стрелком, солдатом рядовым.
Я знаю сам и много слышал,
Что в дни эпохи огневой
На фронте должности нет выше,
Чем пехотинец рядовой.
Пусть упрекнут, что неуместно
Так о солдате я сказал,
Но без солдата, как известно,
И генерал - не генерал...
Порой в пути опустишь руки,
Робея делать новый шаг,
Но вспоминался Федор Жуков -
Мой нестибаемый земляк.
Герой не книг лауреатских,
Живой, конкретный, волевой,
Он был со мной
В строю солдатском,
В суровой жизни фронтовой.
И на душе моей светлело...
Я счастлив, что в родном краю
Его судьба крылом задела
Крутую молодость мою.
И в час, когда мне трудно было,
А путь особенно тяжел,
Он придавал мне вдвое силы -
И я увереннее шел...
Но - каюсь.
В этом нет секрета:
Борясь за правду против зла,
Не соблюдал его совета
На счет «словесного чехла».
Стараясь каждой строчкой новой
Нести добро и свет в сердца,
Всю жизнь работаю со словом,
Не зачехляя ни словца.
Пишу теперь куда смелее,
Правдивей, но, как говорят,
За правду чаще и больнее

И бьют, и судят, и клеймят.
Порой злодея критикуешь -
И поднимается скулеж:
- Ты наше прошлое шельмуешь!
Нашу историю клянешь!
- Ты не щадишь ни чьих мундиров
Почти с эпохи Октября,
Ни рядовых, ни командиров,
Ни даже Генсекретаря!..
Ах, сколько раз уже на это
Давал в печати я ответ:
Н е п р и к а с а е м ы х л и ц - нету!
И т е м з а п р е т н ы х - тоже нет!
У правды нет ни звезд, ни чина,
Но перед нею - все равны -
От рядового гражданина
До самых первых лиц страны.
Вы добиваетесь упорно,
Чтобы поэт, как по суду,
Всегда выслушивал покорно
Любую вашу ерунду.
Но коль я - с Правдой -
Как ни гавкай,
Ни перед кем не задрожу,
И перед всякой местной шавкой
На задних лапках не хожу.
Да, я нередко протестую
И твердо знаю, что нельзя
Идти в атаку пальчиком грозя.
Врагам лишь пальчиком грозя.
И в этом яростном сраженьи,
Презренья к мерзостям не скрыв,
Я не пойду на примиренье
Недоразбив, недогромив!

90 лет со дня смерти...

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПОЭТ СПИРИДОН ДЕНИСОВ

Весной 1884 года редактор литературного журнала «Чтение для народа», отставной генерал А. А. Гейрот, просматривая почту, вскрыл большой конверт. Письмо пришло издалека, везли его на почтовых лошадях около месяца. В конверте лежала рукопись торжественной оды, посвященной великой русской реке.

Не без интереса редактор журнала вчитался в былинный стих:

Меж крутых берегов
И густых лесов,
По златым пескам
И по камушкам,
Льет кристальный ток
Волга-матушка,
Днем от солнышка
Золотистая,
В ночь от месяца
Серебристая...

Каково же было удивление генерала, когда узнал, что автором оды «Волга» был волостной писарь из села Старой Бесовки Ставропольского уезда Самарской губернии крестьянин Спиридон Васильевич Денисов.

«Волга» была напечатана в июньской книжке журнала. А через год по совету А. А. Гейрота издатель С. Балашов выпустил оду, вместе с другими стихотворениями начинающего поэта, отдельной книжкой.

Самобытное творчество С.В. Денисова было сразу же замечено литературной критикой. Рецензент журнала «Рус-

ское богатство» А. Некрасова, анализируя произведения ряда писателей, пишущих для простого народа, с похвалой отозвалась о стихах поэта, высоко оценила его оду о Волге.

Так началась литературная деятельность нашего земляка, поэта и просветителя Спиридона Васильевича Денисова.

Денисов родился в 1852 году в деревне Кондаковке Мелекесского района (бывшей Рязановской волости Ставропольского уезда) в бедной крестьянской семье.

Ему было лет десять, когда по Заволжью прошел голод, свирепствовали заразные болезни. Будущий поэт рано лишился родителей, ютился у родственников, пас скот у местного попа. Жажда к знаниям, особая прилежность в учебе позволили Денисову успешно закончить трехлетний курс обучения в сельской приходской школе. Вскоре его взяли учеником к волостному писарю. Юноша стал писарем. В течение десяти лет он работал в Хрящевской и Нижне-Санчелеевской волостях Ставропольского уезда.

Денисов очень любил родную природу, Волгу и народ. На скопленные деньги он совершал прогулки на пароходах, изучал окрестности, покупал книги, много читал. Самостоятельно изучал русскую историю, грамматику, словесность. Многие сочинения Пушкина, Кольцова, Карамзина и Некрасова знал наизусть.

Часто бывая в Ставрополе и Самаре, Денисов познакомился с народниками. С началом реакции после убийства императора Александра II Денисов переезжает в глухое мордовское село Старую Бесовку (ныне Ново-Малыклинского района). В ужасающей нищете влачили свое существование жители села. Даже по официальным данным земской статистики, в 1884 году в Бесовке было 24 нищих и 21 бездомное хозяйство!

Волостной писарь многое сделал для просвещения темного трудового народа. Он посещал сельскую школу, по-

могал учителю Авксентию Юртову вести уроки истории и литературного чтения. В селе он открыл бакалейную лавку, в которой жена и дочь продавали крестьянам дешевые издания книг русских писателей. Уже в 80-90 годах прошлого столетия в мордовском селе Бесовке знали о Пушкине и Некрасове, рассказывали «Премудрого пескаря» Салтыкова-Щедрина, познакомились с творчеством Ивана Сергеевича Тургенева. Дочь Денисова - Маша, девушка необыкновенной красоты, устраивала в лавке громкие читки книг, ходила по домам, собирала крестьянскую молодежь и читала им поэмы А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», «Мороз-красный нос». «Арина - мать солдатская», стихи А. Кольцова и И. Никитина.

В Старой Бесовке поэт подружился с революционно настроенным бухгалтером кредитного товарищества Антоном Яковлевичем Волковым, который после ссылки находился под надзором полиции. Человек большого, светлого ума, непримиримый атеист и противник царизма, Волков оказал сильное влияние на взгляды Денисова. Уже в канун первой русской революции в творчестве Денисова появилась сатирическая песня «Поповская камаринская». Она была исполнена в первый день пасхи с церковной колокольной молодежью.

Воздействие Денисова и Волкова на трудовые массы было огромно. Церковный летописец, священник Березинский в те годы с горечью писал: «К хождению в церковь не имеют никакого усердия. Обязанности христианские... справляют из опасения взыскания от начальства и причта церковного... Заметно в народе, благодаря пропаганде, охлаждение к храму. Среди некоторых слышны разговоры, что «бога нет». Вольнодумство, правда, пока мальчишеское, проникло и в наши дебри».

Против поэта начались интриги. Кулацкие сынки всячески порочили красивую, образованную дочь Денисова, которая отвечала отказом на предложения богатых женихов. В село зачастил жандармский унтер-офицер Владимиров. Собиралась гроза...

В 1902 году Денисов переехал с семьей в посад Мелекесс и поселился в частном доме на Большой улице (ныне им. III Интернационала).

В это время в купеческом посаде начинал свою трудовую жизнь будущий писатель, крестьянский сын Александр Неверов (Скобелев). Шестнадцатилетний подросток служил мальчиком в мануфактурном магазине купца Березина и тайком от хозяев сочинял стихи. Случайно узнав, что в городе живет «сочинитель», которому присылают за стихи деньги из Петербурга, Неверов находит в себе отвагу встретиться с ним.

Через много лет он вспоминал об этом: «И вот очутившись в Мелекессе... я разыскал сочинителя (поэт-самоучка крестьянин Денисов из села Кондаковки), раскрыл перед ним тоскующую, непонятую душу, показал свои опыты и... получил ответ: «Надо учиться».

Спиридон Васильевич очень внимательно отнесся к Неверову, порекомендовал ему поступить в Озерскую второклассную школу, дававшую право «учителя грамоты». Снабдил на дорогу деньгами. Поэт напутствовал юного друга идти в народ и бескорыстно служить ему. Отслужив за пятак молебен, покрестившись на соборную колокольню, будущий писатель отправился пешком за сотни верст в село Озерки.

В 1908-1909 годах Неверов работает учителем школы грамоты в деревне Письмирь нынешнего Мелекесского района. Во время рождественских каникул Неверов посещает Денисова.

Гостивший у поэта А.Я.Волков об этом рассказывает: «В декабре 1909 года заездом был в Мелекессе и остановился у Спиридона Васильевича. Он лежал, болезненно перенося обрушившееся на него несчастье. Дочь его года два тому назад вышла замуж. Супруг оказался на редкость черствым и жестоким человеком. Вольнолюбивая Маша не смогла перенести тяжесть домостроя. После скандалов и побоев она слегла и вскоре скончалась. Денисов тя-

жело переносил эту потерю. Часто он уходил из дома и, стараясь развеять мрачные мысли, бродил по окрестностям города. Осенью он простудился и теперь второй месяц лежал. Неверов приехал в послеобеденный час другого дня зимних каникул. На улице трещал мороз. Он вошел в дом, снял тулуп. Поздоровались. Пригласили сесть.

- Даша, - крикнул жене Спиридон Васильевич, - принеси графин вина. Угостить надобно гостя.

- Спасибо, я не пью, - ответил Неверов.

- Но ведь на дворе мороз! Замерз поди?

- Холодно. Да вы не беспокойтесь. Пить я все равно не буду, - отнекивался гость и после паузы добавил, - иначе мои рассказы в «Вестнике трезвости» печататься не будут.

Долго они меж собой разговаривали. Я уходил и снова приходил, а Денисов и Неверов продолжали свой разговор о литературе, писателях, народе».

Это была их последняя встреча. 10 января 1910 года С.В.Денисов скончался. Тело его погребено на городском кладбище.

Прошло много лет. Имя поэта оказалось незаслуженно забытым. Но в Старой Бесовке и Мелекессе до сих пор частенько вспоминают Спиридона Васильевича Денисова - своего учителя и певца народного горя.

Денисов был далек от активной революционной борьбы. В его произведениях нет указаний на выход из тяжелой беды, в которой очутился народ. Но он ценен, как певец родной природы, народного горя, как человек-просветитель. Описывая красоту родной природы, он всегда возвращался к теме народного несчастья, тоской ложившегося на душу поэта.

Не все произведения Денисова еще найдены, но даже то, что мы имеем, говорит о незаурядном таланте простого русского крестьянина-поэта.

Михаил СУДАРЕВ

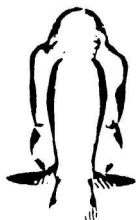
Спиридон ДЕНИСОВ

ОСЕНЬ

Птички улетели
В теплые края,
Негой опустели
Рощи и поля...
Слуху нет чудесней
Песни соловья,
Что весной прелестной
Пел он нам, друзья!..
Осень напустила
Массы черных туч,
И, как ночь, закрыла
Яркий солнца луч.
Влагою упился
Хмурый свод небес,
Жалко! Обнажился
Сыр - дремучий лес.
Липы золотистый
Лист, как бы рукой,
Весь обит дочиста
Осенью лихой.
Только гор вершины
Привлекают взгляд,
Где плоды рябины
Пурпуром горят...
Дед Мороз метает
Жемчуг-изумруд,
В перлы убирает
Каждый сук и пруд.
Стынет от мороза
Светлый ручеек,

И румян, как роза,
Русский мужичок.
С севера суровый
Хлад земли несет,
Крепкие оковы
Для могучих вод.
Непогода злится,
Чуя мочь свою,
Грусть-тоска ложится
На душу мою.

*На снимках, датированных 1931
годом: **вверху - Нина Авдеева,**
наша землячка из послереволюци-
онного поколения.*

*Внизу: с папиросой - Шура Рогова;
сидят - (слева) **Клавдия Авдеева,**
(справа) Александра Авдеева,
выпускницы Мелекесской женс-
кой гимназии. Снимок сделан,
когда они работали на Ульяновс-
ком патронном заводе.*

Этот снимок на добрую память подарила своему учителю Е.С.Ларину мелекесская поэтесса Светлана Кузнецова в 1984 году. Многие читатели, в том числе и нашего журнала, знакомы со стихами Светланы, публиковавшимися в городской и районной печати.

Ульяновский фотохудожник Артур Рогов запечатлел на Днях российской литературы в нашей области одну из самых миловидных наших землячек - Раису Николаевну Фролову (бывшего агронома совхоза им. Крупской, бывшего секретаря Карсунского райкома КПСС) - недавнего кандидата в депутаты Законодательного Собрания области от Мелекесского района. 1986 г.

На снимке работница ОТК пресового производства ДААЗа Ирина во время отдыха на Черном море. В предыдущем номере нашего журнала мы публиковали «даазовскую красавицу образца 70-х годов» с того же производства. Вы можете заметить существенные различия, произошедшие за 30 лет, между заводскими дивами...

А так позирует фотомастеру В. Зинovieву наша более современная землячка Лена Г.

Фотомастеру В.Пчелин-
цеву в этой экстрема-
гантной позе представ-
ляется дива-школьница
Юлия.

Просто Мария... Вот так непосредственно-лукаво умеют подать себя наши дочери и внуки. А момент съемки и композицию выбирал В.Зиновьев.

Димитровградка Наташа и ее сверстница Василиса подтверждают наглядно, что любая из мелекесских див может стать истинной красавицей под фотовзглядом настоящего мастера. Фото В. Зиновьева.

Мало кто из мужей решится на подобную публикацию фото «своей половины». Вот так откровенно бравирует своим талантом и красотой димитровградская поэтесса Инга. И это подтверждает автор снимка - ее муж А.Кобелев.

Храни нас
сень Святого
Православного Креста

ЯНВАРЬ
2000
ФЕВРАЛЬ

1-2

литературно-художественный
и краеведческий журнал